

ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ. ИСТОРИЯ И ФИЛОЛОГИЯ

№ 13, 2024

Электронный научный рецензируемый журнал
Основан в 2021 году
Учредитель ФГБОУ ВО «Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет» (ПГГПУ)
Издатель ФГБОУ ВО «Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет» (ПГГПУ)
Периодичность 4 раза в год

12 +

Публикация статей в журнале осуществляется по следующим специальностям:

5. СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

5.6. – ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

5.6.1. – Отечественная история

5.6.2. – Всеобщая история

5.6.3. – Археология

5.6.5. – Историография, источниковедение, методы исторического исследования

5.6.7. – История международных отношений и внешней политики

5.9. ФИЛОЛОГИЯ

5.9.1. – Русская литература и литература народов Российской Федерации

5.9.2. – Литература народов мира

5.9.3. – Теория литературы

5.9.5. – Русский язык. Языки народов России

5.9.6. – Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков)

5.9.8. – Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Представленные в журнале статьи будут полезны как специалистам
в указанных разделах, так и широкому кругу читателей, студентам и аспирантам.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ЭЛ № ФС77–81306 от 30.06.2021

Журнал размещен в НЭБ eLibrary, договор № 163-04/2021 от 27.04.2021

Журнал зарегистрирован как сериальное сетевое издание
в Национальном центре ISSN Российской Федерации

Сайт журнала: URL: <https://vestnikpshpu.ru/>

Издается по решению редакционно-издательского совета
Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета

© ФГБОУ ВО «Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет», 2024

Главный редактор

*Сарапулов
Алексей Николаевич* кандидат исторических наук, доцент (Россия, г. Пермь, Пермский
государственный гуманитарно-педагогический университет)

Заместители главного редактора

*Шмуратко
Дмитрий Владимирович* кандидат исторических наук, доцент (Россия, г. Пермь,
Пермский государственный гуманитарно-педагогический
университет)

*Подюков
Иван Алексеевич* доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь,
Пермский государственный гуманитарно-педагогический
университет)

Члены редакционной коллегии

*Аверина
Анна Викторовна* доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Москва,
Московский городской педагогический университет)

*Абашева
Марина Петровна* доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь,
Пермский государственный национальный исследовательский
университет, Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет)

*Абдуллина
Амина Шакирьяновна* доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Бирск,
Бирский филиал, Башкирский государственный университет)

*Андросова
Светлана Викторовна* доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Благовещенск,
Амурский государственный университет)

*Балакин
Сергей Владимирович* доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Екатеринбург,
Уральский государственный университет путей сообщения)

*Бакиш
Наталья Александровна* доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Москва,
Российский государственный гуманитарный университет)

*Белавин
Андрей Михайлович* доктор исторических наук, профессор
(Россия, г. Пермь, Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет)

*Данилевская
Наталья Васильевна* доктор филологических наук, профессор
(Россия, г. Пермь, Пермский государственный
национальный исследовательский университет)

<i>Забяко Анна Анатольевна</i>	доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Благовещенск, Амурский государственный университет)
<i>Егоров Константин Борисович</i>	кандидат исторических наук, доцент (Россия, г. Пермь, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет)
<i>Иванов Владимир Александрович</i>	доктор исторических наук, профессор (Россия, г. Уфа, Башкирский государственный педагогический университет им. Акмуллы)
<i>Ивашкевич Ирина Николаевна</i>	кандидат филологических наук, доцент (Республика Беларусь, г. Минск, Белорусский государственный университет)
<i>Костева Виктория Михайловна</i>	доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Москва, Московский государственный лингвистический университет)
<i>Крыласова Наталья Борисовна</i>	доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник (Россия, г. Пермь, ПФИЦ Уральское отделение РАН, Отдел истории, археологии, этнографии)
<i>Мароши Валерий Владимирович</i>	доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Новосибирск, Новосибирский государственный педагогический университет)
<i>Степанов Валерий Леонидович</i>	доктор исторических наук, профессор (Россия, г. Москва, Институт экономики РАН)
<i>Тюрк Аттила</i>	Ph.D (History) (Венгрия, г. Будапешт, Институт археологии Католического университета им. Петера Пазманя)
<i>Шипова Ирина Алексеевна</i>	доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Москва, Московский педагогический государственный университет)
<i>Нагзибекова Мехриниссо Бозоровна</i>	доктор филологических наук, профессор (Республика Таджикистан, г. Душанбе, Таджикский национальный университет)
<i>Юшкова Людмила Анатольевна</i>	доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Ижевск, Удмуртский государственный университет)

ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

HUMANITARIAN STUDIES. HISTORY AND PHILOLOGY

No. 13, 2024

Electronic scientific peer-reviewed journal
Founded in 2021
The founder: Perm State Humanitarian Pedagogical
University
The publisher: Perm State Humanitarian Pedagogical
University
Issued 4 times a year

12 +

The journal publishes articles covering the following fields of knowledge:

5. SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES

5.6. HISTORICAL SCIENCES

5.6.1. – Domestic history

5.6.2. – General history

5.6.3. – Archeology

5.6.5. – Historiography, source studies, methods of historical research

5.6.7. – History of international relations and foreign policy

5.9. PHILOLOGY

5.9.1. – Russian literature and Literature of the peoples of the Russian Federation

5.9.2. – Literature of the peoples of the world

5.9.3. – Theory of literature

5.9.5. – Russian language. Languages of the peoples of Russia

5.9.6. – Languages of peoples of foreign countries (indicating a specific language or group of languages)

5.9.8. – Theoretical, applied and comparative linguistics

The articles presented in the journal will be of interest both to the specialists
in these spheres and to a wide range of readers, including students and postgraduates.

The journal is registered with the Federal service for supervision
of communications, information technologies and mass communications.

Certificate of registration of mass media EL № FS77–81306 from 30.06.2021.

The journal is posted in the SEL eLibrary, contract № 163-04/2021 from 27.04.2021

The journal is registered as a serial network publication
in the National ISSN center of the Russian Federation 04.02.2021

The journal's website: URL: <https://vestnikpshpu.ru/>

Published by the decision of the editorial and publishing
Council of Perm State Humanitarian Pedagogical University

Chief Editor

Sarapulov Ph.D. (History), Associate Professor
Aleksei Nikolaevich (Russia, Perm, Perm State Humanitarian Pedagogical University)

Deputy chief editors

Shmuratko Ph.D. (History), Associate Professor
Dmitry Vladimirovich (Russia, Perm, Perm State Humanitarian Pedagogical University)

Podyukov Grand Ph.D. (Philology), Professor
Ivan Alekseevich (Russia, Perm, Perm State Humanitarian Pedagogical University)

Editorial team

Averina Grand Ph.D. (Philology), Professor
Anna Viktorovna (Russia, Moscow, Moscow City Pedagogical University)

Abasheva Grand Ph.D. (Philology), Professor
Marina Petrovna (Russia, Perm, Perm State National Research University,
Perm State Humanitarian Pedagogical University)

Abdullina Grand Ph.D. (Philology), Professor,
Amina Shakiryanovna (Russia, Birsk, Birsk Branch, Bashkir State University)

Androsova Grand Ph.D. (Philology), Professor
Svetlana Viktorovna (Russia, Blagoveshchensk, Amur State University)

Balakin Grand Ph.D. (Philology), Professor
Sergey Vladimirovich (Russia, Yekaterinburg, Ural State Transport University)

Bakshi Grand Ph.D. (Philology), Professor
Nataliia Andrejevna (Russia, Moscow, Russian State Humanitarian University)

Belavin Grand Ph.D. (History), Professor
Andrey Mikhailovich (Russia, Perm, Perm State National Research University)

Danilevskaya Grand Ph.D. (Philology), Professor
Natalia Vasilievna (Russia, Perm, Perm State National Research University)

Ivanov Grand Ph.D. (History), Professor
Vladimir Aleksandrovich (Russia, Ufa, Bashkir State Pedagogical University
named after Akmulla)

- Ivashkevich
Irina Nikolaevna* Ph.D. (Philology), Associate Professor
(Republic of Belarus, Minsk, Belarusian State University)
- Krylasova
Natalya Borisovna* Grand Ph.D. (History), Professor, Chief Researcher
(Russia, Perm, PFITS Ural Branch of the Russian Academy
of Sciences, Department of History, Archeology, Ethnography)
- Kosteva
Viktoria Mikhailovna* Grand Ph.D. (Philology), Professor
(Russia, Moscow, Moscow State Linguistic University)
- Maroshi
Valerii Vladimirovitch* Grand Ph.D. (Philology), Professor
(Russia, Novosibirsk, Novosibirsk State Pedagogical University)
- Stepanov
Valery Leonidovich* Grand Ph.D. (History), Professor
(Russia, Moscow, Institute of Economics, RAS)
- Türk Attila* Ph.D (History) (Hungary, Budapest, Institute of Archaeology Catholic
University named after Peter Pazman)
- Shipova
Irina Alekseevna* Grand Ph.D. (Philology), Professor
(Russia, Moscow, Moscow State Pedagogical University)
- Nagzibekova
Mehrinisso Bozorovna* Grand Ph.D. (Philology), Professor
(Republic of Tajikistan, Dushanbe, Tajik National University)
- Yushkova
Lyudmila Anatolyevna* Grand Ph.D. (Philology), Professor
(Russia, Izhevsk, Udmurt State University)

Гуманитарные исследования. История и филология. 2024. № 13. С. 7–16.

Humanitarian Studies. History and Philology. 2024. No. 13. P. 7-16.

Научная статья

УДК 903.09

doi: 10.24412/2713-0231-2024-13-7-16

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОЧНИКАХ ПО ИЗУЧЕНИЮ ДЕРЕВООБРАБОТКИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ ПЕРИОДА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ)¹

Андрей Романович Смертин

Институт гуманитарных исследований УрО РАН, Пермь, Россия, arsmertin@mail.ru

Аннотация. Пермское Предуралье расположено в лесной зоне. Дерево являлось основным сырьевым ресурсом, в том числе в период средневековья, когда данный регион населяли племена, т. н. носители ломоватовской и родановской археологических культур. Древесина являлась основным строительным и поделочным материалом. Почвы Пермского Предуралья имеют низкий уровень органики при высокой кислотности и сухости, следовательно сами древесные остатки редко сохраняются и ограниченно доступны для изучения. Эти обстоятельства вынуждают выделить всё разнообразие вещественных источников и применяемых к ним методик для изучения деревообработки. Среди категорий источников определены: железные инструменты (анализ внешнего облика и технологии, выявление доступных производственных операций), древесный тлен (реконструкция древних сооружений), непосредственно деревянные изделия (морфологический и видовой анализ), металлические изделия, которые могли использоваться в сочетании с деревом (идентификация и аналогии), костяные предметы (анализ внешнего облика, гипотетически возможно бытование аналогичных предметов из дерева), антропологический материал (соотношение половозрастных характеристик индивида и погребального инвентаря, характеристика дифференциации хозяйственных занятий). Определенным выходом из ситуации ограниченности источников является привлечение дополнительных методов для изучения древесины. Доступным естественнонаучным методом является определение ботанической принадлежности дерева по анатомическим узорам при помощи цифрового стереоскопического микроскопа (сканирующая электронная микроскопия). Сам образец проходит необходимую пробоподготовку: карбонизируется, разрезается. Опыт применения метода для материалов Пермского Предуралья уже имеется. Установлено, что средневековые жители сознательно выбирали древесину: для инструментов использовали крепкую и стойкую к расколам березу, для погребений выбирали кедр, связанный с сакральными представлениями, а для бытового устройства шли наиболее доступные виды из окружающего древостоя. Использование обширного круга вещественных источников и естественнонаучного метода в условиях агрессивности культурных слоёв региона существенно расширяют возможности прибавки нового научного знания о деревообрабатывающем производстве прошлого.

© Смертин А. Р., 2024

¹ Работа выполнена в рамках государственной темы «Этнокультурные процессы в центре Евразии: археология и этнография Урала».

Ключевые слова: деревообработка, деревянные остатки, тлен, вещественные источники, Пермское Предуралье, средневековье.

Для цитирования: Смертин А. Р. К вопросу об источниках по изучению деревообработки (по материалам Пермского Предуралья периода средневековья) // Гуманитарные исследования. История и филология. 2024. № 13. С. 7–16. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2024-13-7-16>

Original article

ON THE ISSUE OF SOURCES FOR THE STUDY OF WOODWORKING (BASED ON THE MATERIALS OF THE PERM PRE-URALS OF THE MEDIEVAL PERIOD)

Andrey R. Smertin

Institute of Humanitarian Studies UB RAS, Perm, Russia, arsmertin@mail.ru

Abstract. The Perm Pre-Urals is located in a forest area. Wood was the main raw material resource. During the Medieval period, the region was inhabited by tribes – Lomovatovskaya and Rodanovskaya archaeological cultures. Wood was the main building material. The soils of the Perm Pre-Urals have a low level of organic matter, high acidity and dryness. Woody remains are rarely preserved and are limited in their availability for study. It is necessary to identify a variety of material sources for the study of woodworking. Source categories: iron tools (analysis of appearance and technology, identification of production operations), wood decay (reconstruction of ancient structures), wooden products (morphological analysis), metal products that could be used in combination with wood (identification and analogies), bone products (analysis of appearance, hypothetically possible existence of similar objects made of wood), anthropological material (the ratio of the sex and age characteristics of an individual and funeral inventory, the characteristic of differentiation of economic activities). The way out of the situation of limited sources is to use additional methods to study wood. An accessible interdisciplinary method is to determine the botanical identity of a tree by anatomical patterns. This is possible using a digital stereoscopic microscope (scanning electron microscopy). The sample undergoes the necessary sample preparation: carbonized, cut. The experience of using the method for materials of the Perm Pre-Urals is already available. Medieval residents deliberately chose wood: strong birch was used for tools, cedar associated with sacred representations was chosen for burials, and the available types of wood were harvested in the surrounding area. The use of a wide range of material sources and the interdisciplinary method in conditions of aggressiveness of the cultural strata of the region significantly expand the possibilities of adding new scientific knowledge about the woodworking industry of the past.

Keywords: woodworking, wooden remains, decay, material sources, Perm Pre-Urals, Medieval Period.

For citation: Smertin A. R. On the issue of sources for the study of woodworking (based on the materials of the Perm Pre-Urals of the medieval period). Humanitarian Studies. History and Philology. 2024;13:7-16. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2024-13-7-16>

Введение

Пермское Предуралье располагается на западном склоне Уральских гор, совпадает с верхним и средним течением р. Камы и ассоциируется с территорией современного Пермского края. Данную территорию в период средних веков (V–XV вв.) населяли племена, т. н. носители ломоватовской и родановской археологических культур. Регион полностью

находится в лесной полосе. Дерево являлось сырьевым ресурсом и во все времена было обширно распространено на всей территории. В средние века древесина являлась основным материалом для производства жилищ, бытовых предметов, частей орудий и др. Следовательно, деревообработка – одна из опорных отраслей для средневекового хозяйства.

Сами древесные остатки редко доступны археологам, так как разлагаются за долгие годы пребывания под землей. Этому способствует преобладание в Пермском Предуралье почв подзолистого типа (64 % от общей площади): глины и суглинки с низким уровнем органических веществ и высокой кислотностью [Кузьмина, Чагин 1999: 11]. Последний показатель отрицательно сказывается на сохранности органических материалов в археологических слоях (дерево, кожа, кость и др.) [Зайцева 2004: 66–69]. Данное обстоятельство не отменяет необходимость в изучении деревообрабатывающего производства, однако показывает нужду в выявлении разнообразия вещественных источников для таких исследований.

Материалы и методы

Первой и главной категорией источников являются *железные инструменты*. Они представлены огромной номенклатурой (топор, тесло, долото, нож, наструг, резец, стамеска, сверло, пила и др.) и распространены на большинстве исследованных памятников [Смертин 2021: 93–99]. Анализ разнообразия орудий позволяет судить о доступных для населения операциях с деревом, а хронология их появления об импульсах в развитии производства, позднее и ремесла. Всё деревообрабатывающее производство можно разделить на пять отраслей по специфике работы (плотницкое, столярное, бондарное, токарное дело, резьба), а все деревообрабатывающие инструменты разделить на три отдела по выполняемой ими операции (рубящие, режущие, вспомогательные). Важным выводом из классификации инструментария в том числе в историко-генетическом рассмотрении является тот тезис, что большинство инструментов для обработки дерева не входят в погребальный инвентарь до VIII в., широко распространяются в VIII–X вв., а наибольшая специализация происходит в XI–XII вв., когда появляются узкоспециализированные инструменты. Это связано, вероятно, с появлением института мастеров и переходом деревообработки (или отдельных её отраслей, в частности, бондарного дела) в ремесленное, массовое производство [Смертин 2021а: рис. 2].

Отдельная характеристика инструментов – технологическая. Дерево – достаточно вязкий и в меру твёрдый материал. Уровень изготовления кузнецами инструментов для деревообработки напрямую отражает характер отношения общества к данному производству. Для установления технологии изготовления железного предмета, служит металлографический метод исследования. По данным В. И. Завьялова, основным приёмом была кузнечная сварка твёрдого стального лезвия с вязкой железной основой. Стальное лезвие обеспечивало остроту и стойкость под нагрузкой, а железная основа не позволяла углеродистой стали ломаться и удешевляла изготовление инструмента. Использовались как схемы наварки, так и вварки и трёхслойного пакета. Иногда лезвие закалялось. Наряду со сложными схемами, инструменты изготавливались целиком из кричного железа, стальной или железной заготовки с последующей цементацией [Завьялов 1987: 158–160]. Таким образом, на большинстве исследованных деревообрабатывающих инструментов зафиксирован качественный подход к их производству.

Если рассматривать другие категории железных изделий, то можно допустить наличие аналогичных изделий из дерева. Например, Р. Д. Голдина и В. А. Кананин предполагали, что пахотные орудия типа рала, но полностью деревянные, могли использоваться для первичной обработки почвы [Голдина, Кананин 1989: 94]. Также деревянными могли быть лопаты, мотыги, колья и иные вспомогательные инструменты. Вторая категория источников – *древесный тлен и мелкие остатки древесины*. Они могут быть представлены и в карбонизированном состоянии. Данная категория является весьма массовой в своём проявлении на Предуральских памятниках. Однако даже по истлевшему дереву исследователям удалось произвести достаточно подробные реконструкции.

В основном, дерево использовалось для возведения жилищ и хозяйственных построек. Раннесредневековые жилища (ломоватовская культура) зафиксированы на Опутятском и Лаврятском городище, на Коновалытском, Зародятском, Чашкино II, Запоселье I селище и др. Они имели каркасно-столбовую конструкцию, стены состояли из уложенных горизонтально брёвен длиной 5–10 м и диаметром 25–40 см, площадь достигала 55–133 кв. м² [Половников 2018: 32–34], крыша была двускатной [Половников 2020: 341]. Важно отметить, что дерево зачастую использовалось в виде кругляка, концы которого образовывали паз-замок для крепления, что позволяло минимизировать использование скоб и гвоздей. Жилища в развитом средневековье (родановская культура) зафиксированы на Анюшкар, Рождественском, Искорском, Кудымкарском, Роданово городище и др. Они также бревенчатые каркасно-столбового типа, но появляются срубные конструкции жилищ площадью 16–24 м² с двух- и односкатной крышей, которые ставились прямо на землю, без канавок. Внутри жилищ пол глинобитный или покрытый тесом, тамбур огражден столбами с плетнем – появляются внутренние перегородки. Для строительства жилищ брёвна умели раскалывать: производить плахи, брус, тёс; вырезать разнообразные выемчатые замки-пазы для крепления «в заплот», «в заклад» и др. Население Пермского Предуралья строило жилища в единой технике, соблюдались традиции в использовании древесины.

Остатки дерева зафиксированы и на могильниках (Рис. 1: 2–6). Они представлены на значительной части исследованных памятников погребальными конструкциями в виде настилов, перекрытий, прямоугольных гробовищ, срубов и надмогильных сооружений (по материалам Бурковского, Митинского, Урынского, Каневского, Аверинских I-II, Степаново Плотбище, Щукинского, Баяновского, Огурдинского, Рождественского, Плотниковского, Кудымкарского и др. могильников) [Моряхина 2023: 9–11]. Фрагменты сооружений возможно обследовать морфологически и трасологически. Большинство деталей представлены досками. На обследованных фрагментах древесины отсутствуют выемчатые следы от долбления теслом или топором. Следовательно, доски имели финишную обработку настругами, плавно срезались по волокнам.

Третьей категорией источников являются сами *деревянные изделия*. Они весьма немногочисленны и чаще всего фрагментированы.

К редким находкам деревянных изделий относятся продукты мелкой резной и поделочной работы: фрагмент плетеного берестяного изделия, фрагмент берестяного полотна со следами шва, деревянный клин, фрагменты днищ двух берестяных туесков, деревянный кол (Рождественское городище); остатки деревянных сосудов: чаши диаметром 5–6 см, и кружечки диаметром 8 см (Баяновский могильник, погр. 268; Важгортский I

могильник, погр. 11) [Данич, Крыласова 2014: 92–93]; берестяные поплавки (Роданово и Анюшкар городище), берестяные коробочки (Огурдинский могильник) [Белавин, Крыласова 2012: 183]. Подобные находки могут свидетельствовать о распространении аналогичных изделий на всей территории Пермского Предуралья.

Четвертой категорией источников являются *металлические изделия*, которые использовались в прямом сочетании с деревом.

Дополнительным свидетельством бытования деревянной посуды являются находки серебряных и бронзовых обкладок венчиков деревянных сосудов (Рис. 1: 1). Они представляют собой тонкие прямоугольные пластины, согнутые пополам и просверленные для крепления к деревянному сосуду с помощью одного или двух небольших медных гвоздей. Подобные обкладки были найдены лишь на некоторых погребальных комплексах Пермского Предуралья X–XI вв. (Рождественский, Степаново Плотбище, Баяновский могильник) [Белавин, Крыласова 2012: 208, рис. 80].

Остатки дерева также встречаются на орудиях труда благодаря окислам металлов (Рис. 1: 7–8). Фрагменты дерева представлены запёкшимися пластинами на рукоятках и черешках, в виде тлена в проушинах топоров и под обкладками ножей. Хотя эти данные и не несут никакой особенной пользы, но при определении того или иного артефакта, всегда становится понятно, с какой стороны располагалась рукоять (особенно у стержневидных инструментов). Лимит предметов, использовавшихся с древесиной не исчерпан. Сюда же можно отнести детали для запирающих устройств (ключи и замки), элементы костюма (детали колчана, сумок, обуви) и многие другие. Содержание деревянных остатков позволяет судить о назначении предмета.

Пятой категорией источников могут являться *костяные предметы*.

Обработка дерева во многом сходна с обработкой кости, поэтому не исключается и распространение деревянных изделий, аналогичных известным костяным. Однако кость размягчается и поддается резьбе только после специальных операций. Кроме того, сырьё для косторезного производства менее доступно: предметы выделяются из отдельных частей скелета животных. Всё это позволяет утверждать, что предметы из кости, вероятно, были по статусу выше деревянных. К предметам, которые могли производиться и из дерева, и из кости, в первую очередь относятся кочедыки, гребни, остря, писала, игрушки, столовые приборы, элементы лука, рукояти и иные. Данные предметы из кости распространены на многих памятниках Пермского Предуралья [Шмырина 2021: 103–111].

Шестой категорией источников опосредованно можно назвать *антропологический материал*.

С привлечением к работе на погребальных памятниках антропологов, на основании соотношения половозрастных определений индивида и сопроводительного инвентаря удалось выявить некоторые закономерности в погребальном обряде. Эти данные удачно можно транспонировать и на взаимоотношения в хозяйстве. Деревообработка относилась к мужской сфере хозяйствования, так как большинство инструментов для данной отрасли найдено именно в мужских погребениях (по материалам Плотниковского могильника) [Смертин 2018: 395–399]. Полноправное вхождение в хозяйственную жизнь общества, в том числе в деревообработку, приходилось примерно на 16 лет, но возможно и более раннее включение в производство (по материалам Важгортского I, Демёнковского, Рождественского, Баяновского, Плотниковского могильников) [Смертин 2021а: 216–218].

Рис. 1. Остатки древесины в культурных слоях
Пермского Предуралья периода средневековья

- 1 – металлическая обкладка сосуда;
- 2–5 – фрагменты погребальных конструкций;
- 6 – остатки погребальной конструкции;
- 7–8 – остатки рукоятей на инструментах.
- 1, 5 – Баяновский могильник (погр. 462, 250);
- 2 – Степаново Плотбище могильник (погр. 28);
- 3, 6, 7 – Плотниковский могильник (погр. 37, 29, 155);
- 4 – Антыбарский могильник (погр. 135);
- 8 – Анюшкар, городище.

Логичным выходом из ситуации ограниченности источников является привлечение дополнительных методов для изучения древесины. Последние годы активно используется естественнонаучный метод определения ботанической принадлежности древесины по анатомическим узорам при помощи цифрового стереоскопического микроскопа (сканирующая электронная микроскопия). Перед микроскопическим анализом образец предварительно карбонизируется, разрезается в поперечном, радиальном и тангенциальном направлении, сравнивается с эталонными образцами [Семянк, Гольева, Сыроватко, Трошина 2015: 88–92]. Были определены породы деревьев, использовавшихся у жителей Рождественского городища для оборудования жилых конструкций. Для обустройства пола, нар, ям использовались породы из окружающего древостоя (липа, пихта, ель, лиственница, сосна) [Мокрушин, Красновских, Иванов, Каменщиков, Крыласова, Сарапулов 2019: 34–43]. Также проанализированы детали погребальных конструкций из некрополей. В подавляющем большинстве для их производства использовалось редкое для региона дерево – кедр, так называемое «дерево мертвых» [Смертин, Иванов, Каменщиков, Красновских, Мокрушин, Сарапулов 2023: 152]. Известен опыт изучения отдельных групп находок – деревянных ножен, которые вытачивались из березы [Подосенова, Данич, Крыласова, Каменщиков, Мокрушин,

Красновских, Иванов 2022: 289]. Важную роль играет сравнение результатов определения породы с данными палинологических анализов в окружающей местности памятников археологии. В целом можно заключить, что средневековые жители Пермского Предуралья сознательно подходили к выбору древесины: для орудий труда использовали крепкую и стойкую к расколам березу, для погребений выбирали кедр, связанный с сакральными представлениями, а для бытового устройства шли наиболее доступные виды. Использование данных методов имеет общемировые аналогии. Однако они наиболее существенно расширяют возможности прибавки нового научного знания о деревообработке именно в условиях высокой кислотности и сухости культурных слоев Пермского Предуралья, когда прямых источников по изучению деревообработки ничтожно мало (самой древесины).

Заключение

Таким образом, в деревообработке, как в сугубо мужской отрасли, был задействован внушительный набор достаточно качественно изготовленных инструментов для разных задач и операций. Они разнообразны не только по применению, но и внутри каждой конкретной группы инструментов. В деревообработке задействованы как универсальные, так и пригодные только для этой отрасли узкоспециализированные инструменты, что свидетельствует о постепенном развитии деревообрабатывающего производства.

Судить об использовании дерева у племён Пермского Предуралья в эпоху средневековья именно по археологическим данным достаточно сложно, так как фрагменты древесины представлены малочисленно, и значительная роль в интерпретации данных отводится реконструкции и сквозным хронологическим и территориальным аналогиям. Тем не менее, можно заключить, что средневековому населению были доступны разные операции: от плотницких работ с древесным массивом, столярных работ, связанных с домашним интерьером и обустройством дома и поселка, до мелкой резной работы в изготовлении поделок: бытовых предметов, утвари, фурнитуры. Исходя из этого, можно утверждать, что дерево выступало главным материалом в изготовлении основных объектов жизнеобеспечения.

При отсутствии репрезентативного количества находок непосредственно из древесины, при изучении средневекового хозяйства Пермского Предуралья неизбежно приходится привлекать и иные категории вещественных источников. Их разделение для изучения деревообработки справедливо и для иных территорий. Переменным станет лишь наполнение категорий источников в зависимости от хронологического бытования, территориального расположения и условий сохранности в почве.

Список литературы

1. Белавин А. М., Крыласова Н. Б. Огурдинский могильник. Пермь : Изд-во «Пермский государственный педагогический университет», 2012. 258 с.
2. Голдина Р. Д., Кананин В. А. Средневековые памятники верховьев Камы. Свердловск : Изд-во «Уральский государственный университет», 1989. 216 с.
3. Данич А. В., Крыласова Н. Б. Новый пояс «византийского круга» из средневекового Баяновского могильника в Пермском крае // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. № 3 (59). С. 87–94.

4. Завьялов В. И. Деревообрабатывающий инструментарий Прикамских племён // Новые археологические исследования на территории Урала. Ижевск : Изд-во «Удмуртский университет». 1987. С. 156–161.
5. Зайцева О. В. Факторы, влияющие на сохранность костной ткани в слое, и проблема интерпретации «некомплектных» костяков // Шестые исторические чтения памяти М. П. Грязнова. Омск : Изд-во «Омский государственный университет», 2004. С. 66–69.
6. Кузьмина Р. Г., Чагин Г. Н. Атлас Пермской области. География. История. М. : ДиК, 1999. 51 с.
7. Мокрушин И. Г., Красновских М. П., Иванов П. А., Каменщиков О. Ю., Крыласова Н. Б., Сарапулов А. Н. Опыт определения пород древесины методом сканирующей электронной микроскопии (по материалам Рождественского городища в Пермском крае) // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. 2019. № 15. С. 34–43.
8. Моряхина К. В. Погребальные деревянные конструкции у средневекового населения Пермского Предуралья (VII–XIV вв.) // Гуманитарные исследования. История и филология. 2023. № 11. С. 7–17.
9. Подосёнова Ю. А., Данич А. В., Крыласова Н. Б., Каменщиков О. Ю., Мокрушин И. Г., Красновских М. П., Иванов П. А. Деревянные ножны с металлическими обкладками из Баяновского могильника ломоватовской археологической культуры: результаты химико-технологического исследования // Археология Евразийских степей. 2022. № 5. С. 282–297.
10. Половников Л. В. Конструктивные особенности жилищ ломоватовской культуры // Вестник научной ассоциации студентов и аспирантов исторического факультета Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Пермь : Изд-во «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», 2018. С. 31–35.
11. Половников Л. В. Технические приемы, применяемые при строительстве средневековых жилищ // Актуальная археология – 5 : материалы международной конференции молодых ученых. СПб. : Изд-во «Невская типография», 2020. С. 340–343.
12. Семяк Н. С., Гольева А. А., Сыроватко А. С., Трошина А. А. Определение пород дерева по углям для целей палеоэкологических реконструкций (по материалам археологических памятников второй пол. I тыс. Н. Э. На Средней Оке) // Проблемы региональной экологии. 2018. № 4. С. 88–92.
13. Смертин А. Р. Гендерные различия в хозяйственных занятиях (по материалам Плотниковского могильника) // Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых : материалы Всероссийской (с международным участием) конференции. Самара : Изд-во «Самарский университет», 2018. С. 395–399.
14. Смертин А. Р. Деревообрабатывающий инструментарий Пермского Предуралья в эпоху средневековья // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. № 19. Пермь : Изд-во «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», 2021. С. 92–102.
15. Смертин А. Р. Половозрастные различия в хозяйственных занятиях (по материалам раннесредневековых могильников Пермского Предуралья) // LIII Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых : материалы Всероссийской (с международным участием) конференции. Оренбург : Изд-во «Оренбургский государственный педагогический университет», 2021а. С. 216–219.
16. Смертин А. Р., Иванов П. А., Каменщиков О. Ю., Красновских М. П., Мокрушин И. Г., Сарапулов А. Н. Внутримогильные конструкции в погребальной обрядности средневекового населения Пермского Предуралья (опыт определения древесины методом сканирующей электронной микроскопии) // Археология Евразийских степей. 2023. № 1. С. 142–155.
17. Шмырина М. Е. Костяные орудия труда для домашних производств и предметы быта из материалов средневековых поселений бассейна р. Иньва // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. 2021. № 19. С. 103–111.

References

1. Belavin A. M., Krylasova N. B. Ogurdinskiy mogil'nik [Ogurdinsky burial ground]. Perm, Permskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet Publ., 2012, 258 p. (In Russ.).
2. Goldina R. D., Kananin V. A. Srednevekovye pamyatniki verkhov'ev Kamy [Medieval monuments of the upper reaches of the Kama]. Sverdlovsk, Ural'skiy gosudarstvennyy universitet Publ., 1989, 216 p. (In Russ.).
3. Danich A. V., Krylasova N. B. Novyy poyas «vizantiyskogo kruga» iz srednevekovogo Bayanovskogo mogil'nika v Permskom krae [New belt of the “Byzantine circle” from the medieval Bayanovsky burial ground in the Perm region]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, ethnography and anthropology of Eurasia]. 2014, no. 3 (59), pp. 87-94. (In Russ.).
4. Zav'yalov V. I. Derevoobrabatyvayushchiy instrumentariy Prikamskikh plemen [Woodworking tools of the Kama tribes]. *Novye arkheologicheskie issledovaniya na territorii Urala* [New archaeological research in the Urals]. Izhevsk, Udmurtskiy universitet Publ., 1987, pp. 156-161. (In Russ.).
5. Zaytseva O. V. Faktory, vliyayushchie na sokhrannost' kostnoy tkani v sloe, i problema interpretatsii «nekomplektnykh» kostyakov [Factors influencing the preservation of bone tissue in the layer and the problem of interpreting “incomplete” bones]. *Shestye istoricheskie chteniya pamyati M. P. Gryaznova*. [Sixth historical readings in memory of M. P. Gryaznov]. Omsk, Omskiy gosudarstvennyy universitet Publ., 2004, pp. 66-69. (In Russ.).
6. Kuz'mina R. G., Chagin G. N. Atlas Permskoy oblasti. Geografiya. Istoriya [Atlas of the Perm region. Geography. Story]. Moscow, DiK Publ., 1999, 51 p. (In Russ.).
7. Mokrushin I. G., Krasnovskikh M. P., Ivanov P. A., Kamenshchikov O. Yu., Krylasova N. B., Sarapulov A. N. Opyt opredeleniya porod drevesiny metodom skaniruyushchey elektronnoy mikroskopii (po materialam Rozhdestvenskogo gorodishcha v Permskom krae) [Experience in determining wood species using scanning electron microscopy (based on materials from the Rozhdestvenskoye settlement in the Perm region)]. *Trudy Kamskoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii* [Proceedings of the Kama archaeological and ethnographic expedition]. 2019, no. 15, pp. 34-43. (In Russ.).
8. Moryakhina K. V. Pogrebal'nye derevyannye konstruksii u srednevekovogo naseleniya Permskogo Predural'ya (VII-XIV vv.) [Funeral wooden structures among the medieval population of the Perm Cis-Urals (VII–XIV centuries)]. *Gumanitarnye issledovaniya. Istoriya i filologiya* [Humanities studies. History and philology]. 2023, no. 11, pp. 7-17. (In Russ.).
9. Podosenova Yu. A., Danich A. V., Krylasova N. B., Kamenshchikov O. Yu., Mokrushin I. G., Krasnovskikh M. P., Ivanov P. A. Derevyannye nozhny s metallicheskimy obkladkami iz Bayanovskogo mogil'nika lomovatovskoy arkheologicheskoy kul'tury: rezul'taty khimiko-tekhnologicheskogo issledovaniya [Wooden scabbard with metal linings from the Bayanovsky burial ground of the Lomovatov archaeological culture: results of chemical and technological research]. *Arkheologiya Evraziyskikh stepey* [Archeology of the Eurasian steppes]. 2022, no. 5, pp. 282-297. (In Russ.).
10. Polovnikov L. V. Konstruktivnye osobennosti zhilishch lomovatovskoy kul'tury [Design features of dwellings of the Lomovatov culture]. *Vestnik nauchnoy assotsiatsii studentov i aspirantov istoricheskogo fakul'teta Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Scientific Association of Students and Postgraduate Students of the Faculty of History of the Perm State Humanitarian and Pedagogical University]. Perm, Permskiy gosudarstvennyy gumanitarno-pedagogicheskii universitet Publ., 2018, pp. 31-35. (In Russ.).
11. Polovnikov L. V. Tekhnicheskie priemy, primenyaemye pri stroitel'stve srednevekovykh zhilishch [Techniques used in the construction of medieval dwellings]. *Aktual'naya arkheologiya – 5* [Current archeology - 5]. Saint Petersburg, Nevskaya tipografiya Publ., 2020, pp. 340-343. (In Russ.).
12. Semenyak N. S., Gol'eva A. A., Syrovatko A. S., Troshina A. A. Opredelenie porod dereva po uglyam dlya tseley paleoekologicheskikh rekonstruktsiy (po materialam arkheologicheskikh pamyatnikov

vtoroy pol. I tys. N. E. Na Sredney Oke) [Determination of wood species from coals for the purposes of paleoecological reconstructions (based on materials from archaeological sites of the second half of the 1st millennium AD on the Middle Oka)]. *Problemy regional'noy ekologii* [Problems of regional ecology]. 2018, no. 4, pp. 88-92. (In Russ.).

13. Smertin A. R. Gendernye razlichiya v khozyaystvennykh zanyatiyakh (po materialam Plotnikovskogo mogil'nika) [Gender differences in economic activities (based on materials from the Plotnikovsky burial ground)]. *Uralo-Povolzhskaya arkheologicheskaya konferentsiya studentov i molodykh uchenykh* [Ural-Volga region archaeological conference of students and young scientists]. Samara, Samarskiy universitet Publ., 2018, pp. 395-399. (In Russ.).

14. Smertin A. R. Derevoobrabatyvayushchiy instrumentariy Permskogo Predural'ya v epokhu srednevekov'ya [Woodworking tools of the Perm Cis-Urals in the Middle Ages]. *Trudy Kamskoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii* [Proceedings of the Kama archaeological and ethnographic expedition]. Perm, Permskiy gosudarstvennyy gumanitarno-pedagogichskiy universitet Publ., no. 19, 2021, pp. 92-102. (In Russ.).

15. Smertin A. R. Polovozrastnye razlichiya v khozyaystvennykh zanyatiyakh (po materialam rannesrednevekovykh mogil'nikov Permskogo Predural'ya) [Sex and age differences in economic activities (based on materials from early medieval burial grounds of the Perm Cis-Urals)]. *LIII Uralo-Povolzhskaya arkheologicheskaya konferentsiya studentov i molodykh uchenykh* [LIII Ural-Volga region archaeological conference of students and young scientists]. Orenburg, Orenburgskiy gosudarstvennyy pedagogichskiy universitet Publ., 2021a, pp. 216-219. (In Russ.).

16. Smertin A. R., Ivanov P. A., Kamenshchikov O. Yu., Krasnovskikh M. P., Mokrushin I. G., Sarapulov A. N. Vnutrimogil'nye konstruksii v pogrebal'noy obryadnosti srednevekovogo naseleniya Permskogo Predural'ya (opyt opredeleniya drevesiny metodom skaniruyushchey elektronnoy mikroskopii) [Intra-grave structures in the funeral rituals of the medieval population of the Perm Cis-Urals (experience in identifying wood using scanning electron microscopy)]. *Arkheologiya Evraziyskikh stepey* [Archeology of the Eurasian steppes]. 2023, no. 1, pp. 142-155. (In Russ.).

17. Shmyrina M. E. Kostyanye orudiya truda dlya domashnikh proizvodstv i predmety byta iz materialov srednevekovykh poseleniy basseyna r. In'va [Bone tools for household production and household items from materials from medieval settlements in the river basin. Inva]. *Trudy Kamskoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii* [Proceedings of the Kama archaeological and ethnographic expedition]. 2021, no. 19, pp. 103-111. (In Russ.).

Информация об авторе

А. Р. Смертин – научный сотрудник, отдел истории, археологии и этнографии,
Институт гуманитарных исследований УрО РАН.

Information about the author

A. R. Smertin – Researcher, Department of History, Archeology and Ethnography,
Institute of Humanitarian Studies UB RAS.

Статья поступила в редакцию 12.12.2023; одобрена после рецензирования 25.12.2023; принята к публикации 10.01.2024.

The article was submitted 12.12.2023; approved after reviewing 25.12.2023; accepted for publication 10.01.2024.

Гуманитарные исследования. История и филология. 2024. № 13. С. 17–26.

Humanitarian Studies. History and Philology. 2024. No. 13. P. 17-26.

Научная статья

УДК 94(470.53)

doi: 10.24412/2713-0231-2024-13-17-26

ДЕПУТАТ КАГАНОВИЧСКОГО РАЙСОВЕТА Л. А. КОРКИЯ: ДЕЛО ПЕРМСКОГО ВРАЧА

Глеб Евгеньевич Константинов

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, Россия,
glkonst@rambler.ru

Аннотация. В статье рассмотрен и проанализирован комплекс архивных документов, относящихся к судьбе депутата Кагановичского райсовета и главврача железнодорожной больницы г. Перми Л. А. Коркия в 1937–1939 гг. После смерти одного из пациентов в январе 1937 г. Л. А. Коркия был обвинен в развале трудовой дисциплины и халатности президиумом райсовета, затем на общем собрании работников больницы прозвучали как другие обвинения, так и голоса в поддержку главврача. По определенным причинам следственное дело по статье № 58 п. 7, 10 и 11 в его отношении было возбуждено только в январе 1938 г., а закончено в феврале 1939 г. – весь процесс продолжался дольше, чем период «большого террора». В статье исследуются особенности механизма наделения статусом «враг народа» на уровне районной власти, степень участия в чистке и массовых репрессиях партийных и советских деятелей районного уровня. Вводятся в научный оборот архивные дела Государственного архива Пермского края и Пермского архива социально-политической истории – архивно-следственное дело Л. А. Коркия и дела из фондов райкома и райсовета Кагановичского района. Выделяются общие и отличные моменты в следствии над Л. А. Коркия и другими делами периода «большого террора». Рассматриваемое дело отличает то, что оно и не полностью сфабриковано, и не полностью реально. С одной стороны архивно-следственное дело Л. А. Коркия – часть большого террора, с другой, совершенно не типичный его представитель, так как достаточная часть обвинений и свидетельских показаний действительно были реальными. Отдельно выделяются моменты, относящиеся к позиции других депутатов райсовета и представителей партии по отношению к Л. А. Коркия, уровень критики в его сторону и участие в обвинении и следствии.

Ключевые слова: массовые репрессии, большой террор, Л. А. Коркия, Кагановичский райсовет, архивно-следственное дело, депутаты райсовета.

Для цитирования: Константинов Г. Е. Депутат Кагановичского райсовета Л. А. Коркия: дело пермского врача // Гуманитарные исследования. История и филология. 2024. № 13. С. 17–26. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2024-13-17-26>

Original article

MEMBER OF KAGANOVICHISKY DISTRICT COUNCIL L. A. KORKIYA: THE CASE OF THE DOCTOR OF PERM

Gleb E. Konstantinov

Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russia, glkonst@rambler.ru

Abstract. The article analyzes and analyzes a complex of archival documents relating to the fate of the deputy of the Kaganovich district council and the head physician of the Perm railway hospital L. A. Korkiya in 1937-1939. As a result of the death of one of the patients in January 1937, L. A. Korkiya was accused of the collapse of labor discipline and negligence by the presidium of the district council, then, at the general meeting of hospital workers, other accusations as well as supportive words for the head physician were heard. For certain reasons, the investigative case under Article No. 58, paragraphs 7, 10 and 11 against him was opened only in January 1938, and was completed in February 1939 - the whole process lasted longer than the period of the "Great Terror". The article examines the features of the mechanism for granting the status of "enemy of the people" at the level of district authorities, the degree of participation in the purge and mass repressions of party and Soviet leaders at the district level. The archival files of the State Archive of the Perm Region and the Perm Archive of Socio-Political History are being introduced into scientific circulation - archival investigative file of L. A. Korkiya and files from the funds of the district committee and district council of the Kaganovich district. Common and distinct points are highlighted in the investigation of L. A. Korkiya and other cases of the period of the "Great Terror" - the case in question is neither completely fabricated nor completely real, which makes it an interesting case. On the one hand, the archival investigative file of L. A. Korkiya is part of the great terror, on the other hand, it is not at all a typical representative of it, since a sufficient part of both the accusations and testimony were indeed real. Separately, points are highlighted regarding the position of other deputies of the district council and party representatives in relation to L. A. Korkiya - the level of criticism towards him and participation in the accusation and investigation.

Keywords: mass repressions, great terror, L. A. Korkiya, Kaganovichsky district council, archival and investigative file, members of the district council.

For citation: Konstantinov G. E. Member of Kaganovichsky district council L. A. Korkiya: the case of the doctor of Perm. Humanitarian Studies. History and Philology. 2024;13:17-26. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2024-13-17-26>

Введение

2 января 1937 г. в железнодорожной больнице Кагановичского района г. Перми произошла смерть одной из пациенток, которая вызвала в дальнейшем сильный общественный резонанс [ГАПК. Ф. Р-1078. Оп. 1. Д. 1. Л. 71].

Главврач и персонал признавал свою долю вины в случившемся, но злой умысел отрицал. При этом в ходе собраний в их сторону звучали как обвинения со стороны партии и руководства райсовета, так и различные по оттенкам мнения рядовых работников здравоохранения и руководителей отрасли, а также обвинения со стороны контролирующих органов из Свердловска.

Для главврача Л. А. Коркия, который к тому же являлся депутатом Кагановичского райсовета, данная история закончилась уголовным делом по статье № 58 п. 7, 10 и 11. Однако, произошло это только через год после самого происшествия, а следствие заняло ещё один год, что в итоге и определило его результат: период массовых репрессий уже успел закончиться.

Основная часть

Рассмотрим хронологию и основные моменты произошедших событий. 16 января 1937 г. на заседании президиума райсовета Кагановичского района был рассмотрен вопрос о халатном отношении персонала железнодорожной больницы к пациентам. На заседании

присутствовали председатель райсовета Горбунцов, 7 других членов президиума, Коркия – главврач железнодорожной больницы, Беляева – депутат райсовета и главврач поликлиники Пермь-2, и Панфилов – депутат райсовета от железной дороги [ГАПК. Ф. Р-1078. Оп. 1. Д. 1. Л. 1об]. В ходе обсуждения вопроса выступали Беляева, Коркия и два члена президиума – Смолин и Черняев, сами выступления не протоколировались, есть только постановление президиума.

В постановлении отмечается, что в больнице: «дело лечение и ухода поставлено недостаточно, преступно-халатное отношение к больным, семейственность, круговая порука, скрывание фактов недостатков работы от общественности. В 12 часов дня 2-го января 1937 г., при наличии в это время всех врачей и руководителей больницы, Палкиной не было оказано должной медпомощи, в результате ребенок и сама Палкина умерли, а факт рождения ребенка в уборной был всеми скрыт и только после смерти Палкиной главврач Коркия по настоянию родителей Палкиной 7 января 1937 г. принимает меры и ограничивается только выговором младшему персоналу больницы» [ГАПК. Ф. Р-1078. Оп. 1. Д. 1. Л. 71].

На заседании Беляева сообщила, что материалы переданы прокурору транспорта, президиум в свою очередь «просит прокурора ускорить следствие и организовать показательный суд над виновниками» [ГАПК. Ф. Р-1078. Оп. 1. Д. 1. Л. 71]. «Главврач Коркия допустил в его практике развал трудовой дисциплины, безответственность, грубость, очереди на прием назначенных на коечное лечение больных. Сам Коркия заявлял, что Палкина умерла бы и так, в то время как Палкиной, кроме полоскания рта никакой помощи оказано не было. В связи с чем президиум Райсовета просит Здравоотдел снять с работы Коркия и собрать граждан поселка, чтобы обсудить поведение Коркия как депутата Райсовета» [ГАПК. Ф. Р-1078. Оп. 1. Д. 1. Л. 71-72].

Президиум назначил на 18 января собрание работников больницы, на котором поручил членам президиума Харитонову и Черняеву, а также депутату Беляевой, обсудить вопросы укрепления дисциплины среди медперсонала и ответственности за лечение больных. Общее настроение членов президиума достаточно очевидно: на момент собрания у них есть желание устроить показательный процесс над главврачом. Их мотивация происходит из общих настроений в обществе – поиска и борьбы с вредителями.

Один пункт из постановления при этом выбивается из общей линии: «в связи с тем, что родильное отделение больницы не имеет изолятора для инфекционных больных, а также само отделение по количеству мест мало ... просить Здравоотдел о строительстве родильного дома на 60 коек» [ГАПК. Ф. Р-1078. Оп. 1. Д. 1. Л. 71].

Таким образом на заседании президиума появляется упоминание и более объективных причин смерти. В этот же день, 16 января, в отраслевой газете железнодорожников «Сигнал» вышла заметка о произошедшем, которая, судя по заголовку «Бесчеловечность», имела схожее с постановлением президиума содержание.

Основной объем информации о произошедшем дает протокол общего производственного совещания сотрудников Пермской ж/д больницы от 18 января 1937 г. Выступления на заседании протоколировались, что дает возможность составить достаточно полную картину события. На совещании присутствовало 110 сотрудников ж/д больницы и 31 сотрудник других медучреждений города. Представителем партии на заседании являлся партгрупорг станции Пермь-II – Позиев, а представителями райсовета – депутаты Беляева и

Черняев. Для начала выделим ключевые моменты совещания. Открыл совещание Позиев. Далее мы увидим его критику в адрес руководства больницы, однако начинается заседание он словами о том, что: «отзывы о больнице работников железнодорожников, с которыми ему приходилось общаться, были хорошие». Также он отмечает, что «случай был проработан на заседании парткома» [ГАПК. Ф. Р-1078. Оп. 1. Д. 1. Л. 72].

Далее выступает Коркия. Он указывает на то, что «этот случай был проработан по всем отделениям больницы и тяжело переносится не только виновниками этого дела, но и всем коллективом, случай возмутительный, но злого умысла ни с чьей стороны здесь не было» [там же].

Далее выступают два доктора и две медсестры, которые рассказывают, что у Палкиной, находившейся в родовом отделении, появились признаки инфекционного заболевания, поэтому её перевели в хирургическое отделение, где были инфекционные палаты. Однако в хирургическом отделении произошли преждевременные роды, к чему персонал отделения не был готов. Больной было запрещено покидать палату, но она нарушила запрет, что и привело к трагедии: «винить персонал нельзя, так как больная сама была непослушная, ей было сказано лежать, а она ходила» [ГАПК. Ф. Р-1078. Оп. 1. Д. 1. Л. 74].

Все выступающие признают ошибки в своей работе – то, что они «недоглядели» за больной, но как говорит одна из медсестер: «зла больной не хотела делать ... вредителем никогда не была и не собираюсь им быть» [ГАПК. Ф. Р-1078. Оп. 1. Д. 1. Л. 73]. Ещё двое врачей из других учреждений в целом поддерживают позицию несчастного случая и говорят о том, что нужно сделать, чтобы улучшить работу.

Позиев снова берет слово, пытаясь перевести совещание в иное русло: «выступления принимают неправильное направление, все выступающие стараются оправдаться, а нужно указать, что к этому случаю привело недостаточное отношение к делу. На этом может сыграть враг. Такое отношение в Советском Союзе к живому человеку недопустимо, оно может иметь место только в капиталистических государствах» [там же]. После этого он, в отличие от своего первого выступления, также призывает прокуратуру устроить показательный процесс над виновниками.

После него слово берет Меньшиков – работник больницы из административного персонала, возглавляющий стахановское движение в больнице. Он отмечает, что у главврача «нет заботы о живом человеке, к нему сотрудники боятся подойти». Более того, звучат у Меньшикова и намеки на финансовые нарушения и игнорирование проверок: «выгнал ревизора из больницы» [там же]. Упомянутый ревизор, Машкауцан, также выступает на совещании. Он рассказывает о том, что во время ревизии больницы, Коркия угрожал ему увольнением и угрозу исполнил, добившись у начальника Машкуацана его увольнения. «Когда т. Машкауцан делал ревизию в больнице, его д-р Коркия выгнал, сказав, что мало ли бы ещё Политотдел послал ему для ревизии какую-то Маньку-Таньку. Д-р Коркия с первого дня ревизии все время нервничал, есть случаи расхищения, самоснабжения и пр.» [ГАПК. Ф. Р-1078. Оп. 1. Д. 1. Л. 71-3-73об]. Однако, когда сотрудники больницы задают ему вопрос, в чем выразалось расхищение, он говорит, что «я сказал, что есть самоснабжение, про расхищения это вам послышалось» [ГАПК. Ф. Р-1078. Оп. 1. Д. 1. Л. 73об].

После критического, и даже обвинительного выступления финансового ревизора, критики начальства работником-стахановцем и второго выступления Позиева высказываются ещё 15 работников больницы. Условно можно разбить их на три группы.

Трое из них частично признают обвинения Позиева или считают необходимым судебное расследование. «В данном случае у больной случай желтухи у роженицы, он должен был вызвать опасения – случай этот редкий. Если бы мы, врачи, не работали штамповано, то никогда бы этого не произошло. Нужно изжить этот подход к больному» [там же]. Например, председатель собрания Кузнецова, вероятно тоже из администрации больницы: «заметка в газете верна по сути ... тов. Позиев прав, что виновников данного дела нужно привлечь к ответственности» [ГАПК. Ф. Р-1078. Оп. 1. Д. 1. Л. 75].

Доктор из другой больницы, присутствующий на совещании, отмечает: «сейчас ещё на скамье подсудимых никого нет. У работников есть много хорошего в прошлом. В частности, у доктора Шипицина не мало учеников, работающих самостоятельно. За прошлое вам в пояс поклонимся, как говорится, а за проступки, не взыщите, будем спрашивать» [ГАПК. Ф. Р-1078. Оп. 1. Д. 1. Л. 75об]. Отметим, что никто из упоминаемого в ходе происшествия персонала больницы, кроме доктора Коркия, обвинен не был.

Ещё четверо критикуют Позиева, Меньшикова или Машкауцана, обвиняя их в необъективности или некомпетентности, защищая таким образом Коркия. «Тов. Позиев указывает, что первый виновник в развале труддисциплины тов. Коркия, нужно ему ответить, что ... говорить о недостаточности труддисциплины не приходится» [ГАПК. Ф. Р-1078. Оп. 1. Д. 1. Л. 74]. Медсестра Зуева говоря о том, что «преступления-диверсии, как указывает тов. Позиев нет», также добавляет, что «партийные организации должны усилить массово-воспитательную работу с больными, не желающими выполнять врачебных распоряжений, тогда и казусов таких, как с Палкиной, не будет» [там же]. Доктор Митрофанов отвечает Машкауцану: «... выступившему не по существу, а явившегося свести счеты, безнаказанно бросившему оскорбление целому коллективу больницы, такие выступления не нужно допускать» [там же]. Его поддерживает медсестра Софронова: «тов. Машкауцана нужно привлечь к ответственности, а доктор Коркия исправился в своих ошибках» [ГАПК. Ф. Р-1078. Оп. 1. Д. 1. Л. 75об].

Остальные занимают позицию того, что случай возмутительный, но преступления здесь нет и поддерживают Коркия: «забота, внимание о человеке со стороны Коркия есть», «доктор Коркия очень доступен и с ним можно поговорить обо всем [ГАПК. Ф. Р-1078. Оп. 1. Д. 1. Л. 74об]. Интересно, что один из врачей больницы, доктор Шубин, связывает произошедший случай с изменениями в законодательстве: «В связи с постановлением правительства об отмене абортотворения к весне 1937 г. наше родильное отделение совершенно не сможет справляться в данных условиях с работой. Мы уже сейчас имеем в хирургическом отделении 5–6 человек рожениц. В родильном отделении имеется 17 чистых коек и сейчас мы вынуждены лавировать этими койками» [ГАПК. Ф. Р-1078. Оп. 1. Д. 1. Л. 73об].

Интересно, что представители райсовета слово на совещании не берут, а его итоги подводит не Позиев, а сам Коркия: «Факт вещь упрямая. Факт возмутительный. Задача, учтя этот случай, – сделать выводы. Тов. Машкауцан мною был изгнан, так как вел себя недостойно. Тов. Меньшикову – вам со мной расправиться не удастся, ваше выступление неправильно, я на вас управу найду. В отношении дисциплины – дисциплина есть. Этот факт нарушения труддисциплины не есть нарушение дисциплины во всем коллективе» [ГАПК. Ф. Р-1078. Оп. 1. Д. 1. Л. 75об].

По итогам совещания принят ряд решений о совершенствовании работы больницы – запросе дополнительного финансирования, расширения штатов и т. п., но также и обращение: «просить прокуратуру ускорить следствие по делу и, если будет суд, чтобы провести его в показательном порядке» [ГАПК. Ф. Р-1078. Оп. 1. Д. 1. Л. 76].

Анализируя стенограмму совещания, можно сделать несколько выводов.

Во-первых, в больнице явно присутствуют люди недовольные работой Коркия и считающие, что он должен понести наказание: выделим среди них председателя Кузнецову и одного из работников больницы Глухову.

Во-вторых, их скорее меньшинство: большая часть работников занимает либо нейтральную позицию, либо выступают в поддержку Коркия. В-третьих, на момент заседания президиума райсовета у его членов явно прослеживалось желание устроить показательный процесс, однако на данном совещании они вообще не выступают.

Интересно, что обращение участников заседания к прокуратуре вызвало какую-либо реакцию правоохранительных органов только в начале 1938 г. 2 января 1938 г. постановлением дорожно-транспортного отдела главного управления государственной безопасности НКВД г. Перми Коркия был привлечен в качестве обвиняемого по статьям 58-7, 58-10 и 58-11 и помещен под стражу в Пермскую тюрьму [ПЕРМГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 6241. Л. 2].

Обвинялся Коркия в том, что «работая старшим врачом ж/д больницы ст. Пермь 2-я активно проводит вредительско-диверсионную деятельность, распространяет к/р агитацию, направленную против ВКП/б/ и Совправительства, а также имел близкие связи с врагами народа Каменевым Л. Б.» [ПЕРМГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 6241. Л. 2].

28 сентября 1938 г. оперуполномоченный ОДТОГУГБ НКВД ж-д Перми отказал Коркия в его просьбах о допросе дежурных врачей по поводу некоторых обвинений и в повторных очных ставках с свидетелями [ПЕРМГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 6241. Л. 5].

29 сентября 1938 г. рассмотрение дела в Перми было закончено, и оно отправилось в вышестоящую инстанцию в Свердловск. 10 октября начальник III-го отделения дорожно-транспортного отдела НКВД ж/д. им. Кагановича, рассмотрев следственное дело Коркия, «принимая во внимание, что материалами следствия (свидетельскими показаниями, актом экспертной комиссии) виновность Коркия Л. А. по предъявленному ему обвинению по ст. 58 п. 7, 10 и 11 доказана» [ПЕРМГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 6241. Л. 7]. 15 октября копия дела была отправлена транспортному прокурору ж/д. им. Кагановича, Коркия на тот момент всё ещё содержался в Пермской тюрьме [ПЕРМГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 6241. Л. 8]. 1 ноября транспортная прокуратура направила дело на рассмотрение линейного суда в Свердловске.

29 ноября 1938 г. начальник ОДТО НКВД ст. Пермь II получил сообщение от своего коллеги из Свердловска, в котором сообщалось, что «следствие по делу Коркия по ст. 58 п. 11 за недоказанностью прекратить, дополнительно произвести следующие действия: дать Коркия очную ставку со свидетелем Глуховой по вопросу – старая царская армия превратилась в банду, то есть революция была толчком для превращения в банду, дать Коркия очную ставку со свидетелем Шубиным по вопросу затруднения питания больных и выражения Коркия «чем хуже, тем лучше», также дать очные ставки со свидетелями по вопросу дачи Коркия установки персоналу «больных свыше 50 летнего возраста в больницу не принимать. После чего следствие закончить по ст. 58 п. 7 и 10 и направить нам» [ПЕРМГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 6241. Л. 10].

Отметим, что Шубин на совещании работников больницы основной причиной произошедшего называл недостаток финансирования, в целом находясь на стороне Коркия. Однако кажется достаточно правдоподобным ситуация, когда на допросе в НКВД он действительно вспомнил некоторые неоднозначные высказывания Коркия: таким образом, все показания свидетелей выглядят реальными.

Материалов самого суда нет, не очень понятно был ли он вообще, или решение о прекращении дела по 58-11 и повторному рассмотрению по двум другим пунктам было принято в самом отделе НКВД Свердловской железной дороги. Так или иначе обвинения по статье 58-11 были отклонены, а по статьям 58-7 и 58-10 Пермскому отделу было указано на сомнительные моменты в обвинении и дано распоряжение их перепроверить. Пермский отдел НКВД так и поступил и 22 декабря 1938 г. отправил в Свердловск протокол законченного следственного дела [ПЕРМГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 6241. Л. 14].

26 января 1939 г. Коркия доставили в Свердловск [ПЕРМГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 6241. Л. 15]. 4 февраля начальник III-го отделения ДТО НКВД ж/д. им. Кагановича в Свердловске постановил, что «в процессе расследования принадлежность Коркия к антисоветской организации не доказана, а вредительскую деятельность подтвердить документально не представляется возможным, вследствие чего и оснований для предания Коркия суду недостаточно» [ПЕРМГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 6241. Л. 17]. Последняя фраза намекает на то, что дело до суда так и не дошло и было прекращено самим НКВД. В тот же день Коркия дал подписку о неразглашении и был освобожден [ПЕРМГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 6241. Л. 17об].

Картину проведенного Пермским отделом НКВД ж/д следствия помогают восстановить два обвинительных заключения, находящиеся в деле, одно из них первоначальное и датируется сентябрем 1938 г., а второе составлено 19 декабря, после ответа из Свердловска. Они практически полностью совпадают и в части обвинений, и в части их доказательств, и в части заключения, которое выносят пермские работники ОДТО НКВД – Коркия виновен и дело подлежит рассмотрению Свердловской тройки УНКВД. Из них мы также узнаем интересную деталь биографии Коркия – в 1928 году он был осужден на три года за мошенничество и отбыл наказание.

Во втором случае шире список свидетелей по делу – к четырем фамилиям осужденных, показаниями которых изобличается Коркия, добавляется ещё несколько и некоторые из них идентифицируются. Среди работников больницы, изобличающих Коркия, трое выступали на собрании работников больницы 18 января 1937 г. – уже упомянутые Кузнецова, Глухова и Шубин. На том же собрании выступал работник контролирующих органов из Свердловска Машкауцан – его фамилия тоже есть в списке свидетелей. Четыре неизвестные фамилии осужденных, вероятно, другие члены «антиправительственного заговора», в котором участвовал Коркия, что типично для подобных дел [Хлевнюк 1996: 190].

Ещё три фамилии свидетелей идентифицировать не удалось, возможно это работники больницы, не выступавшие на собрании. Отметим также, что ни членов райсовета, ни членов райкома партии среди свидетелей нет, во всяком случае неизвестные фамилии не совпадают с находящимися в фондах Кагановичского райсовета и райкома. Утверждается, что Коркия «полностью изобличается показаниями этих обвиняемых и свидетелей» [ПЕРМГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 6241. Л. 12–13]. В обоих случаях виновным себя Коркия не признает.

Обвиняется Коркия во многом, все обвинения основаны на показаниях других осужденных или свидетелей по делу. Многие из них стандартны для данного периода [Хлевнюк 1996: 192], поэтому приведем только те, которые относятся к работе больницы. Это «неприем тяжелобольных в больницу на коечное лечение», ответ на сообщение о безобразной работе больницы, что «чем хуже она работает, тем лучше», способствование увеличению заболеваемости дизентерии среди населения «сокращением коечного лечения», «поручал лечение тяжело больных врачам не по специальности», «умышленно производил ухудшение питания больных за счет отсутствия в пище витаминов», приобретал путем хищения для контрреволюционной организации ядовитые и отравляющие вещества: синильную кислоту, цианистый калий и др.» [ПЕРМГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 6241. Л. 11–13]. Последний пункт, после отклонения обвинений по статье 58-11 из второго заключения пропадает.

Заключение

Частичное снятие обвинений в конце ноября 1938 г. в точности совпадает с принятой датой окончания массовых репрессий и несомненно является его проявлением [Хлевнюк 2021: 287]. Начало дела, спустя год после произошедшего, тоже подтверждает это: до середины 1937 г. репрессии были достаточно точечными [там же: 282].

Однако, необходимо учитывать, что дело начато в январе 1938 г., за десять месяцев до изменения ситуации в стране, многие уголовные дела по статьям, по которым обвинялся Коркия, рассматривались гораздо быстрее. Была ли задержка чисто бюрократической, или столь долгий срок рассмотрения дела был вызван иными причинами?

Вернемся к сравнению выступлений работников больницы на общем собрании в январе 1937 г. с информацией о показаниях свидетелей материалов архивно-следственного дела НКВД. Трое из четверых действительно обвиняли Коркия как минимум в развале дисциплины. Кажется вероятным, что расследование дела было реальным, поэтому и заняло столько времени. Интересно также отношение к делу райсовета и райкома. Инициировав его в начале января 1937 г., представители власти затем, как кажется, перестали настаивать на наказании Коркия.

На совещании 18 января представители райсовета слова не берут, а представитель райкома Позиев достаточно сдержан. То, что с января 1937 г. до января 1938 г. никаких действий прокуратура и НКВД не предпринимали, также свидетельствует о том, что районная власть как минимум об этом правоохранительные структуры не просила. Таким образом райсовет и представители партии провели свое расследование инцидента, но дальше двигать его не хотели, делать Коркия врагом народа у них желания не было.

Следственные процедуры начались, вероятно лишь в связи с внутренними процессами в НКВД в период большого террора, появления потребности в нахождении и наказании врагов народа. Случай в больнице под эту потребность хорошо подошел. Однако реальность событий вызвала необходимость реального расследования, что могло затянуть следствие, и само дело, начавшись до периода массовых репрессий, закончилось уже после него, что вероятно спасло Коркия от высшей меры наказания.

Список источников и литературы

1. Арнаутов Н. Б. Образ «врага народа» в системе советской социальной мобилизации: идеолого-пропагандистский аспект: декабрь 1934 г. – ноябрь 1938 г. : автореф. ... канд. ист. наук. Томск, 2010. 21 с.
2. Государственный архив Пермского края. Ф. Р-1078. Оп. 1. Д. 1.
3. Государственный архив Пермского края. Ф. Р-1078. Оп. 1. Д. 3.
4. Государственный архив Пермского края. Ф. Р-1078. Оп. 1. Д. 4.
5. Кропачев С. А. Отечественная историография масштабов и форм репрессий и демографических потерь СССР в 1937–1945 годах : автореф. ... д-р. ист. наук. Майкоп, 2011. 54 с.
6. Пермский государственный архив социально-политической истории. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 6241.
7. Пермский государственный архив социально-политической истории. Ф. 106. Оп. 1. Д. 11.
8. Пермский государственный архив социально-политической истории. Ф. 106. Оп. 1. Д. 21.
9. Хлевнюк О. В. Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы. М. : РОССПЭН, 1996. 304 с.
10. Хлевнюк О. В. Сталинское Политбюро в 30-е годы. Документы советской истории. М. : АИРО – XX, 1995. 340 с.
11. Хлевнюк О. В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М. : РОССПЭН, 2021. 479 с.

References

1. Arnautov N. B. Obraz «vruga naroda» v sisteme sovetsoy sotsial'noy mobilizatsii: ideologo-propagandistskiy aspekt: dekabr' 1934 g. - noyabr' 1938 g. [The image of the “enemy of the people” in the system of Soviet social mobilization: ideological and propaganda aspect: December 1934 - November 1938.]. PhD dissertation abstract, Tomsk, 2010, 21 p. (In Russ.).
2. Gosudarstvennyy arkhiv Permskogo kraya [State Archive of the Perm Territory]. F. R-1078. Op. 1. D. 1. (In Russ.).
3. Gosudarstvennyy arkhiv Permskogo kraya [State Archive of the Perm Territory]. F. R-1078. Op. 1. D. 3. (In Russ.).
4. Gosudarstvennyy arkhiv Permskogo kraya [State Archive of the Perm Territory]. F. R-1078. Op. 1. D. 4. (In Russ.).
5. Kropachev S. A. Otechestvennaya istoriografiya masshtabov i form repressiy i demograficheskikh poter' SSSR v 1937-1945 godakh [Domestic historiography of the scale and forms of repression and demographic losses of the USSR in 1937–1945]. Doctoral dissertation abstract, Maykop, 2011, 54 p. (In Russ.).
6. Permskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii [Perm State Archive of Socio-Political History]. F. 641/1. Op. 1. D. 6241. (In Russ.).
7. Permskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii [Perm State Archive of Socio-Political History]. F. 106. Op. 1. D. 11. (In Russ.).
8. Permskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii [Perm State Archive of Socio-Political History]. F. 106. Op. 1. D. 21. (In Russ.).
9. Khlevnyuk O. V. Politbyuro. Mekhanizmy politicheskoy vlasti v 30-e gody [Politburo. Mechanisms of political power in the 30s]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1996, 304 p. (In Russ.).
10. Khlevnyuk O. V. Stalinskoe Politbyuro v 30-e gody. Dokumenty sovetsoy istorii [Stalin's Politburo in the 30s. Documents of Soviet history]. Moscow, AIRO - KhKh Publ., 1995, 340 p. (In Russ.).
11. Khlevnyuk O. V. Khozyain. Stalin i utverzhdienie stalinskoy diktatury [Stalin and the establishment of the Stalinist dictatorship]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2021, 479 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Г. Е. Константинов – ассистент,
кафедра Отечественной и всеобщей истории, археологии,
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет.

Information about the author

G. E. Konstantinov – Assistant,
Department of National and Universal History, Archeology,
Perm State Humanitarian Pedagogical University.

Статья поступила в редакцию 11.11.2023 одобрена после рецензирования 25.11.2023;
принята к публикации 10.01.2024.

The article was submitted 11.11.2023; approved after reviewing 25.11.2023; accepted for
publication 10.01.2024.

Гуманитарные исследования. История и филология. 2024. № 13. С. 27–40.
Humanitarian Studies. History and Philology. 2024. No. 13. P. 27-40.

Научная статья

УДК 398(=511.13)

doi: 10.24412/2713-0231-2024-13-27-40

ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ СЮЖЕТЫ В КОМИ-ПЕРМЯЦКИХ ПРЕДАНИЯХ О ДРЕВНЕМ НАСЕЛЕНИИ КРАЯ

Татьяна Геннадьевна Голева

Институт гуманитарных исследований Уральского отделения Российской академии наук – филиал Пермского федерального исследовательского центра Уральского отделения Российской академии наук, Пермь, Россия, golevat@yandex.ru

Аннотация. Предания о древнем народе (чудь) у коми-пермяков включают ряд повествований, который иллюстрирует их невежество и глупость. Данные тексты опубликованы в разных фольклорных сборниках и научных трудах. Сюжеты этих рассказов схожи с сатирическими сказками и анекдотами, на что неоднократно указывали исследователи. В настоящей статье рассматриваются вопросы о географии распространения этих текстов среди коми-пермяков, времени, причинах и механизмах их появления в цикле преданий о чуди. Всего известно пять сюжетов о нелепом народе, только три из них зафиксированы среди разных этнографических групп коми. Больше всего подобных рассказов было записано среди иньвенских коми-пермяков. Все рассматриваемые сюжеты присутствуют в фольклоре других народов, но героями их, как правило, называются обычные люди. Предположительно, закрепление сюжетов о глупцах в мифологических преданиях о древнем населении края происходило постепенно. Идентификация коми-пермяками чуди (древнего народа) как глупцов была возможна благодаря ряду обстоятельств. Во-первых, слово «чудской» имеет не только семантику принадлежности некому прошлому поколению людей, но и означает нечто странное, несуразное. Во-вторых, данные представления вписывались в мифологические повествования о доисторическом времени, когда мир был другим. В-третьих, находки древних артефактов, которые отличаются размерами и формами, наводят на размышления о существовании в прошлом населения, непохожего на современных людей. Первоначально, видимо, рассказы о неумелом земледелии странных фольклорных героев стали продолжением мифа о колосьях, растущих от земли. С развитием образа древних маленьких глупцов в данный цикл преданий были включены новые сюжеты, которые объясняли их непохожесть и называли причины их исчезновения.

Ключевые слова: коми-пермяки, фольклор, исторические предания, народная мифология, анекдоты, сатирические сказки, чудь.

Для цитирования: Голева Т. Г. Юмористические сюжеты в коми-пермяцких преданиях о древнем населении края // Гуманитарные исследования. История и филология. 2024. № 13. С. 27–40. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2024-13-27-40>

Финансирование: Работа выполнена в рамках государственной темы «Этнокультурные процессы в центре Евразии: археология и этнография Урала».

Original article

HUMOROUS STORIES IN KOMI-PERMIAN LEGENDS ABOUT THE ANCIENT POPULATION OF THE REGION

Tatiana G. Goleva

Institute for Humanitarian Studies of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences -
branch of the Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy
of Sciences, Perm, Russia, golevat@yandex.ru

Abstract. Komi-Permian historical legends include narratives about a stupid, ignorant ancient people (Chud). These texts have been published in folklore collections and scientific works. The plots of these stories are similar to satirical fairy tales and anecdotes, researchers have repeatedly written about this. This article discusses the geography of the distribution of these texts among the Komi-Permyaks, the time, the causes and mechanism of their appearance in the cycle of legends about the Chud. There are only five known stories about the ridiculous ancient folk. Only three of them were recorded among different ethnographic groups of the Komi. Most of these stories were recorded among the Inva Komi-Permyaks (invenskaya group). All these plots are present in the folklore of other peoples, but their heroes are usually called ordinary people. Presumably, stories about fools gradually became entrenched in mythological legends about the ancient population of the region. The Komi-Permyaks identified the Chud (former population) as an unreasonable person due to several circumstances. Firstly, the word “Chudskoy” has not only the semantics of belonging to a certain past generation of people, but also means something strange, awkward. Secondly, these ideas could be influenced by mythological narratives about a prehistoric time when the world was different. Thirdly, the finds of ancient artifacts, which differ in size and shape, suggest the existence of a population unlike modern people in the past. Initially, the story of the inept farming of strange folklore heroes became a continuation of the myth of ears that grow from the ground. With the development of the image of the ancient little fools, new stories were included in this cycle of legends, which explained their dissimilarity and named the reasons for their disappearance.

Keywords: Komi-Permian people, folk traditions, historical legends, folk mythology, anecdotes, satirical fairy tales, Chud

For citation: Goleva T. G. Humorous stories in Komi-Permian legends about the ancient population of the region. Humanitarian Studies. History and Philology. 2024;13:27-40. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2024-13-27-40>

Funding: The work was carried out within the framework of the state theme “Ethnocultural processes in the center of Eurasia: archeology and ethnography of the Urals.”

Введение

Комплекс коми-пермяцких преданий о древнем населении края, которое известно еще под наименованием чудь, представляет собой сложное в структурно-информационном отношении повествование, состоящее из народных мировоззренческих постулатов и закрепленных в народной памяти исторических реалий, что в целом характерно для данного фольклорного жанра. Многокомпонентность прослеживается в идентификации героев и их роли в истории местности (маленькие человечки, разбойники, богатыри, старообрядцы, жители соседней деревни) [Лимеров 2009; Голева 2013]. Фольклорные произведения

сочетают архаичные мифологические представления о мире, сказочные сюжеты, интерпретации находок предметов и необычных природных объектов, пересказ отдельных исторических фактов.

Среди коми-пермяцких повествований выделяются сюжеты юмористического характера, в которых герои изображаются в виде несообразительных глупцов. В настоящей работе к ним обращается внимание с целью определения их места в народном цикле преданий и выявления причин их появления. Наряду с опубликованными текстами для исследования используются архивные материалы и записи преданий, сделанные во время полевых изысканий автором и участниками совместных экспедиций в первые два десятилетия XXI в.

В анализ включены тексты, записанные на территории Коми-Пермяцкого округа, комязычное население которого подразделяют на две этнографические группы: северные (косинско-камские) и южные (иньвенские) коми-пермяки, – а также на территории Красновишерского района Пермского края от коми-язьвинцев. Коми-язьвинцы или язьвинские пермяки считаются этнографической группой коми-пермяцкого этноса, но не все представители данной общности идентифицируют себя его частью [Чагин, Шестакова 2006: 21]. В настоящей статье фольклорные произведения коми-язьвинцев рассматриваются как общий пласт устного народного творчества комязычного населения Пермского Прикамья.

Основная часть

Распространение текстов о нелепом древнем народе среди коми-пермяков.

Наиболее ранний вариант предания о маленькой несуразной чуди, по нашим разысканиям, опубликовал И. Н. Смирнов [Смирнов 1891: 283], который собирал материалы среди коми-пермяков в конце 1880-х гг. Остальные записи были сделаны разными исследователями во второй половине XX – первом десятилетии XXI в. [Грибова 2009: 48–50; 2014: 103–104; Жили-были 1990: 280–281; Му пусьём 2005: 41–42; Чагин 2009: 15–16]. Среди полевых материалов автора статьи имеется шесть подобных произведений, причем три из них рассказаны одним лицом. Данные тексты были получены в ответ на вопросы о прежних людях, маленьком народе или чудском населении. По сравнению с другими сюжетами преданий о чуди (например, о самопогребении, о кладах) интересующие нас повествования как в середине XX в., так и в настоящее время были и остаются менее известными среди народа, в целом можно насчитать менее двадцати их записей.

Тексты о нелепых поступках чуди записаны на территории расселения иньвенской этнографической группы коми-пермяков и среди коми-язьвинцев, лишь один – на территории расселения косинско-камских коми-пермяков. Все тексты, записанные у иньвенских коми-пермяков, повествуют о низкорослом древнем племени. Среди коми-язьвинцев и северных коми-пермяков о маленьком росте чуди упоминается реже.

Следует отметить, что при подсчете текстов о глупцах не учитывались предания, содержащие мотивы одного из сюжетов (о жатве злаковых с помощью шила и о появлении серпа), которые зафиксированы в большем числе вариантов, но не имеют развязки, которая указывает на глупость героев преданий. Сам факт жатвы шилом можно рассматривать как удивительный, нестандартный способ. В некоторых рассказах особое внимание уделяется описанию процесса прокалывания стебля: Эти подробности, как кажется, имеют цель не

разоблачить глупость, а передать знания, опыт о прошлых технических способах земледелия. Таким образом данный художественный прием придает устным историям правдоподобие. Для подтверждения данного утверждения, приведем несколько текстов.

Учотикось вөвөмась да сюсө пө вундывөмась шывкаён. Сэтишөм народоккэс пө овөмась ‘Маленькие жили и зерно жали шилом. Такой народец жил’ (Кудымкарский р-н, д. Сордва, 2005).

Жили здесь маленькие люди, сеяли они злаки. Выросшие колосья протыкали шилкой. И нашли они серп, который Бог воткнул в суслон. Он принес им одни беды. Тогда люди эти выбросили его в воду. Одному Богу теперь известно, куда пропали эти люди, куда серп выкинули (Юсьвинский р-н, д. Нижняя Волпа, 2003).

...А жали, серпов-то не было, какими-то такими острыми шилками что ли. Метятся, метятся да хть. Есть утолщение где-то в стебле, вот по этому утолщению вот так. И падает <стебель>, отрывается (Кудымкарский р-н, с. Ошиб, 2005).

Мотив о сборе злаковых с помощью шила в начале XXI в. фиксировался преимущественно на территории расселения южных коми-пермяков. Он встречается чаще, чем известный полный вариант текста. Согласно единичным записям Л. С. Грибовой и Г. Н. Чагина, он был известен также северным коми-пермякам и коми-язьвинцам [Грибова 2014: 103; Чагин 1993: 18; 2009: 15].

Сюжеты преданий о глупом народе. Среди коми-пермяцких текстов известно пять сюжетов о нелепых или глупых поступках древнего народца. Больше всего произведений посвящено гибели чуденина или нескольких чуденинов от незнакомого им серпа. Семь таких текстов опубликованы, также известно два неопубликованных нарратива. Тексты различаются по повествуемым мотивам. При объединении всех мотивов, выстраивается следующая цепочка событий: хлеб раньше рос кустами, колосья на стебле были от корня до верхушки – чудь жала колосья шилом – чудь находит серп (Бог подбросил или «большой человек») – из-за глупого и неосторожного поведения чуди с серпом одному из них отрубают голову – из тела погибшего выходят различные нечистые существа или все чуденины от испуга разбегаются и превращаются в духов и гадов – серп пытаются утопить в реке или решают покататься вместе с ним на лодке по примеру «большого человека» – серп за что-то цепляется и опрокидывает всех в воду, где герои погибают. Все тексты, записаны среди иньвенских коми-пермяков, один – в Кочевском районе Коми-Пермяцкого округа.

Как отмечалось выше, существуют произведения, в которых серп упоминается, но отсутствует трагическая развязка о нелепой смерти. В одном из них серп утопили, так как не умели им пользоваться, но позже пришел торговец серпами, и только тогда народ узнал, что это за предмет [Чагин 2009: 16]. В этом мотиве тоже звучит ирония, так как чудь не воспользовалась более совершенным инструментом, оказалась неприспособленной к эволюции.

Похожие рассказы о чуди и серпе бытовали среди коми (зырян) Княжпогостского района [Му пуксьөм 2005: 46–47]. Согласно тематической классификации фольклорно-мифологических мотивов по ареалам Ю. Е. Березкина и Е. Н. Дувакина, рассказы о гибели людей при первом знакомстве с серпом были распространены среди разных народов Европы: португальцев, итальянцев, немцев, болгар, крымских татар, восточных славян, западных финнов, народов Поволжья и Прикамья (мотив M136) [Березкин, Дувакин эл. ресурс]. В них также серпом случайно отрубают голову или герои пытаются утопить неизвестный

инструмент и в некоторых историях погибают, при этом действующими лицами называются обычные люди. В некоторых из данных традиций также известен мотив о том, что первоначально стебли срезали шилом (итальянцы, украинцы, латыши). Первая публикация русской сказки с похожим сюжетом относится к концу XVIII в. [Березайский 1798: 142–149]. Авторами сравнительного указателя восточнославянской сказки данные повествования включены в раздел анекдотов о глупцах и простаках (пошехонцах) [Сравнительный указатель... 1979: 273].

В современных записях коми-пермяцких текстов о гибели чуди от серпа отсутствует мотив появления нечистых существ, он не фиксировался и в устной традиции других народов. Также следует отметить, что не во всех исследуемых коми-пермяцких текстах упоминается мотив о «свехплодородных» злаках, который известен еще по мифологическим рассказам о появлении короткого колоса [Жили-были 1990: 240–241]. Согласно краткому описанию сюжетов произведений разных народов с мотивом «о неведомом серпе» Ю. Е. Березкина и Е. Н. Дувакина, упоминание о колосющихся от корня злаках присутствует еще только в украинском тексте [Березкин, Дувакин эл. ресурс].

Следующий по популярности нарратив повествует о том, что чуденины решили размешать толокно в водоеме и по очереди прыгают в него, чтобы пообедать, таким образом они погибают. Известно три записи данного рассказа, две из них сделаны среди коми-язьвинцев. В норвежско-саамском фольклоре, в записях 1885 г., чужд тоже прыгает в бурлящую воду, но чтобы съесть суп [Дранникова, Ларсен, 2008: 31]. У коми-пермяков подобное повествование передавалось еще как сказка о мужиках из дальней деревни или об Иванушке-дурачке, который решил размешал солод [Толокно в проруби 1976: 64–67; Янович 1903: 142]. В качестве анекдота повествование известно в восточнославянской традиции [Сравнительный указатель... 1979: 278], один из первых текстов опубликован в изложении В. Березайского в конце XVIII в. про древних пошехонцев [Березайский 1798: 64–67]. По мнению исследователей, данный анекдотический сюжет мог появиться в результате нарратизации паремии, например поговорки «вологжане толокном Волгу замесили». Она в свою очередь вместе с прозвищем «толоконники», обозначавшим отдельные локальные сообщества, предположительно, «содержит в себе отголоски обряда кормления воды, который был распространен в этих местах» [Дранникова 2004: 108].

С рассказами о замешивании толокна в водоеме по описанию действий с продуктами совпадает мотив «дурак солит реку» (мотив М39а2b) [Березкин, Дувакин эл. ресурс], который известен у разных народов мира, в остальном же содержание повествований различается, хотя есть вероятность, что данные мотивы имеют общие корни.

Два текста повествуют о том, как древний народ ехал с подводой, а после ночевки продолжил путь в том направлении, куда были повернуты оглобли, и вернулся в свою деревню, при этом не узнав ее. Один из них записан среди коми-язьвинцев, другой – среди иньвенских коми-пермяков.

...Она только слышала об этом. Что они поехали, зерно куда-то повезли. Мешки маленькие, как вроде чулки. Сами маленькие. Поехали, до станции не доехали, где-то пришлось ночевать им. Они лошадей распрягли, оглоблями поставили в свою сторону, откуда приехали. Утром встали, запрягли лошадей и поехали дальше. Один и говорит:

– Ванька, эта кыз мян деревняыс! ‘Ванька, эта деревня на нашу похожа!’

– *Ой, Ванька, Ванька, видзёт, менам иньё кодьём инька, мунё, вала ветчö!* ‘Ой, Ванька, Ванька, смотри, женщина похожая на мою жену идет, по воду идет!’

Обратно домой приехали. Лилипутики (Кудымкарский р-н, д. Пятина, 2006).

Похожий нарратив бытовал среди коми-пермяков в качестве сатирической сказки о кудымкарцах, которые ехали в зюдинскую сторону, а оказались в родном селе [Толокно в проруби 1976: 34–37]. Этот сюжет известен среди русского населения европейской части страны и Сибири [Соболева 1984: 140; Сравнительный указатель... 1979: 278]. У народов Сибири был распространен мотив о том, как человек не замечает, что в пути повернул и поплыл по реке назад, поэтому принимает свой дом за жилище врагов, убивает своих же родичей (мотив М39В) [Березкин, Дувакин эл. ресурс]. На Дальнем Востоке герои схожих рассказов (записанных среди смешанного по этническому происхождению населения, говорящего на русском языке) направлялись в военный поход уже на санях [Смирнов 2015: 69]. Данные тексты с коми-пермяцкими объединяет мотив путаницы направления пути.

Среди современных записей имеется один рассказ о том, как маленькая чудь пыталась поднять свинью на место курицы: *Говорят, курица на двух ногах сидит вон где, свинья на четырех ногах тоже должна сидеть. Подымали туда, посадили <свинью>. Упала она вниз* (Юсьвинский р-н, д. Чинагорт, 2003). Данный анекдотический сюжет также известен среди русского населения Прикамья: на насест пытаются посадить поросенка или корову. С ним перекликаются сатирические рассказы о подымании коровы на крышу, чтобы она съела растущую там траву или мох, бытовавшие среди восточнославянских народов [Сравнительный указатель... 1979: 274].

В пятом сюжете представители маленького народца ленятся закрыть дверь, перепоручают это друг другу и замерзают: *Учöтикöсь öвöмась. Кин тöдö, кытчö воисö. «Ыбöссö чеччы да игнав!» Тэ пö чеччы да игнав. Ния некин абу чеччöмась да ойнас кымöмась. Чудской отир* ‘Маленькие были. Кто знает, куда подевались. «Встань да дверь закрой!» Ты де встань и закрой. Никто не встал и ночью замерзли. Чудской народ’ (Кудымкарский р-н, д. Трапезниково, 2005).

Мотив о споре «кому закрывать дверь» встречается в англо-шотландских балладах позднего средневековья, его продолжением является уговор между героями: кто первый заговорит – тот и закроет дверь. Далее к молчаливым хозяевам заходят гости, действия которых побуждают одного из обитателей дома заговорить [Английская... 1988: 407–408]. В советское время в России это произведение было известно в пересказе С. Я. Маршака [Маршак 1990: 292]. Версии о споре об открытой двери также встречаются в устном поэтическом творчестве поляков, латышей, народов Африки, Южной и Средней Азии. В других народных текстах пари о молчании заключается по иным причинам: кому сколько съесть яиц, кому вымыть посуду и т. д. (мотив, М196) [Березкин, Дувкан эл. ресурс]. Коми-пермякам тоже известна сказка о старике и старухе, которые не хотели мыть чугунок и договорились о том, что этим займется тот, кто первым заговорит [Толокно в проруби 1976: 30–33]. В данном тексте мотив о споре про дверь отсутствует, также он не встречается в известных произведениях соседних народов, но полностью отрицать возможность его бытования в прошлом нельзя. Мотив о замерзании героев в коми-пермяцкой версии является уникальным, так как в повествованиях других народов молчаливых героев иногда принимают за мертвецов, но в заключении они всегда подают признаки жизни, и кто-то из них проигрывает спор.

Среди русского населения Пермской губернии подобные сатирические произведения о глупцах были довольно популярны. В начале XX в. фольклорист В. Н. Серебренников записал семнадцать анекдотов от двух жителей Оханского и Осинского уездов. Среди них есть рассказы о гибели от серпа, о приезде в свою деревню вместо другого пункта назначения и о попытке посадить корову на куриное седало. Первые два текста повествуют о вотяках, последний о пошехонцах [Серебренников 1927: 125–127]. Все они имеют явное сходство с описанными коми-пермяцкими текстами о чуди или древнем мифологическом маленьком народце.

О древности сюжетов в фольклоре народов коми. Сходство коми-пермяцких преданий с сатирическими сказками не является научным открытием, исследователи отмечали это ранее [Смирнов 1891: 283; Рочев 1985: 6; Му пуксьём 2005: 548]. Изучение географии распространения мотивов позволяет судить об их древности. История «о неведомом серпе» коми-пермякам известна только в качестве предания о жившем некогда народе. Она встречается чаще всего, тем более если учитывать мотив о жатве шилом, который известен разным этнографическим группам комиязычного населения. Предположительно, этот сюжет в преданиях о чуди появился одним из первых среди всех рассматриваемых повествований.

Появление его могло относиться к периоду существования пракоми общности, к концу позднего средневековья (до середины II тысячелетия н. э.). Для населения этого периода была актуальна тема земледелия, которое более интенсивно начало развиваться в начале II тысячелетий н. э., и когда на территории Пермского Предуралья появляются серпы (ранние находки датируются примерно X–XIII вв.) [Моряхина, Сарапулов 2015; Сарапулов 2015: 87]. Возможно, в тот период наименование «чудь» только начинало использоваться для обозначения древнего населения под влиянием появлявшихся переселенцев с северо-западных территорий.

Два последних рассмотренных сюжета известны лишь по единичным поздним записям, сделанным среди иньвенских коми-пермяков, один из них в качестве анекдота (о посадке свиньи на седало курицы) зафиксирован только на территории Прикамья. Оба они мало информативны, не дают дополнительных сведений о героях. Скорее всего, в цикле нарративов о чуди они появились поздно.

Тот факт, что часть сюжетов коми-пермяки пересказывали еще как сказки или анекдоты с другими героями, может указывать на позднее их закрепление в преданиях о мифологическом народце, хотя не исключено, что повествования с теми или иными действующими лицами могли появиться у отдельных локальных групп в разное время. Первое положение подкрепляется еще тем, что в некоторых рассказах наряду с обозначением героев чудью или маленьким народцем, звучит имя «Ваня», которое также называется в сатирических сказках и анекдотах.

Интересно, что одинаковые сюжеты о чуди были зафиксированы у отдаленных друг от друга групп комиязычного населения, тогда как у ближайших соседних жителей они мало распространены или неизвестны. В случае появления сюжета «о неведомом серпе» в относительно ранний период, можно предположить, что в последующем среди части комиязычного населения он был утрачен. Бытование остальных похожих историй у иньвенских коми-пермяков и коми-язьвинцев можно объяснить либо более поздними

процессами соотношения привнесенных сюжетов о глупцах с представлениями о древней чуди, которые происходили самостоятельно у разных групп, либо диссеминацией уже сложившихся текстов о чуди-глупцах на новые территории.

В качестве подтверждения возможности появления текстов по первому сценарию можно привести пример об анекдотах жителей Анадыря, героями которых, как и у коми-пермяков, являются не обычные люди, а «загадочные этнические предшественники», именуемые ванцами, которые тоже ведут себя глупо [Смирнов 2015: 67]. Глупцами чудь описывается также в норвежско-саамских рассказах, в которых из-за своей невнимательности или невежества она погибает [Дранникова, Ларсен 2008: 31]. Отметим, что отличием некоторых норвежско-саамских сюжетов от коми-пермяцких является то, что в них чудь одурачивают противники (заманивают к обрыву, оставляют на острове).

Доводом для второй версии о диссеминации текстов является то, что не все из анекдотических сюжетов, известные на территории проживания народов, передаются как предания о прежних жителях. В случае самостоятельного формирования корпуса данных текстов свои отличительные мотивы и сюжеты потенциально могли появиться у каждой из территориальной групп, но таковые известны лишь по поздним записям среди иньвенских коми-пермяков. При этом, конечно, нельзя исключать вероятности существования альтернативных версий, которые могли остаться вне исследовательского поля.

Механизм складывания представлений о несуразном древнем народе. Складывание образа о нелепом древнем народе могло быть обусловлено разными факторами, среди которых можно выделить три основных.

Во-первых, это влияние одного из семантических значений слова «чудской» (чучкой). А. С. Кривошекова-Гантман считала, что слова «чудь», «чуд» пришли в коми-пермяцкий язык из русского в значении «чужой, необычный, странный», а позже стали применяться для обозначения необычных для русского населения предшественников-аборигенов [Кривошекова-Гантман 1974: 137]. Если учитывать другие версии этимологии слова «чудь» и давние традиции наименования им разных этнических групп (см.: [Мызников 2019: 887]), то вполне вероятно, что значение «странный, необычный» было уже вторичным. В любом случае наличие данного значения могло повлиять на закрепление за чудью образа несообразительных героев. Данная семантика слова присутствует в традиции всех этнических общностей, среди которых отмечены сюжеты о глупых предшественниках или врагах под наименованием чудь [Дранникова, Ларсен 2008: 22; Канева 2006: 19]. По современным полевым материалам, собранным среди коми-пермяков и коми-язьвинцев, чаще данное значение слова встречается у последних: *Если человек еще шибко недоразвитый был, вот и чудьез вöлініс <'чудь была'>. Не то, что недоразвитые, недограмотных, недотолковых, не хватает...* (Красновишерский р-н, д. Антипино, 2005); *Несмелый человек или где-то как-то в союз не входит, по-своему всё, и говорят: «Май чиль тай тэ чудь!» 'Что ты как чудь!'* (Красновишерский р-н, д. Ваньково, 2005). Данные интерпретации слова довольно близки описанным выше образам древнего народа. На территории Коми-Пермяцкого округа слово «чудской» обыкновенно ассоциируется с фольклорными персонажами, другие формы его употребления встречаются редко, в частности в дразнилке: *Пермяк чучкой солёны уши, полон пазухи лягуши*. В данном примере термин имеет иную коннотацию, является пейоративом, выражает ироничное отношение к народу вне зависимости от его поступков.

Следующим фактором можно назвать отдельные мотивы древнего мифологического пласта народа. У коми-пермяков бытовали мифологические повествования о прошлом, которое в фольклористике обозначается «золотым веком». В том прошлом мир отличался: небо было низким, злаки росли кустами и колосились от корня. Данные мотивы редко, но еще встречаются в современной устной прозе коми-пермяков: *Кымӧрыс вӧи важмытик, коромысваэс вӧвӧмась веськытӧсь. И ня коромысванас кымӧрсӧ судзвӧны* 'Небо было низким. Коромысла были прямыми. И они коромыслом небо (тучу) достают' (Кудымкарский р-н, д. Мечкор, 2015). В контексте данных мифов допустимо представление о прежних поколениях, которые отличались от современных людей своим ростом и менталитетом, тем более если к ним присовокупить мотивы о неподобающем или неуклюжем поведении древних жителей, например о том, как женщина испачкала случайно небо детскими фекалиями, и оно поднялось (Гайнский р-н, пос. Кебраты, 2005).

Третьим условием можно назвать обнаружение населением древних артефактов, имеющих небольшие размеры. Среди археологических находок Пермского Прикамья известны изделия малой величины культового, бытового и ремесленного назначения (керамические сосуды и приспособления для литья, ложки с короткой ручкой, туалетные коробочки-«самоварчики» и т. п.). Небольшие предметы из отдельных видов материалов имеют больше шансов сохраниться в целостности, в отличие от крупных, которые в случае нахождения в виде обломков не дают целостного представления о предмете. Очевидно поэтому рассказы о маленьких вещах были распространены. Такие нарративы встречаются среди разных групп коми-пермяков (в том числе среди коми-язьвинцев), но чаще в настоящее время фиксируются среди иньвенцев: *Городищем называли. В сенокос пойдут, так всё находили маленькие ложечки, чашечки* (Юсьвинский р-н, д. Тимино, 2004). Данные находки обусловили появление представлений о маленьком народе. Понятие низкорослый или недорослый, какими обычно бывают дети, может ассоциироваться с неловким, несмышленым. Соответственно представления о карликовом народе имеют потенциал развития их образа как глупцов.

Все указанные обстоятельства в отдельности и в совокупности могли повлиять на формирование образа нелепого древнего народа. Кроме этого, в XX – начале XXI вв. носители фольклорной традиции владели некоторыми знаниями об исторических эпохах, эволюции, о смене бытовых условий и материальной культуры, что в преданиях о чуди прослеживается в виде противопоставления их кругозора и инструментария знаниям и орудиям труда современного человека. То есть, исторические сведения тоже послужили обоснованиями для закрепления представлений о несообразительных предшественниках.

Результатом соотнесения древних мифологических повествований с рассуждениями об обнаруженных артефактах, владельцами которых представлялось бывшее население края под наименованием чуди, стало обозначение героев народных нарративов данным экзоэтнонимом. Скорее всего в цикле преданий о чуди одним из первых среди рассматриваемых сюжетов появился рассказ об использовании шила для сбора злаковых и появлении серпа. Он стал логичным продолжением мифа о колосающихся от земли зерновых культурах, которые по вине человека остались с маленьким колоском. Кроме иллюстрации древнего способа сбора урожая, данное повествование объясняет исчезновение карликового народа или части его представителей. С развитием образа глупого народа в цикле преданий

начали появляться новые сюжеты, утрирующие их несообразительность и называющие новые причины их гибели. Мотив гибели героев в сатирических текстах явился, по видимому, значимым фактором для отождествления их с исчезнувшей чудью. Так, одна из рассказчиц, приведя в пример несколько юмористических сюжетов, делает следующее заключение: *Так и вот уничтожились они постепенно. Уничтожились, говорят. Видишь, до конца, видимо, думать не умели. Глупые были* (Юсьвинский район, д. Чинагорт, 2003). Важно, что основная функция данных повествований у коми-пермяков не рассмешить слушателя (несмотря на забавные описания, рассказы не вызывают бурю смеха), а передать народную версию истории, объяснить, каким в прошлом было местное население и что с ними случилось. Поэтому описываемый в данных рассказах образ древнего народца в целом вписался в этническую мифологическую концепцию о доисторическом времени, «мире чуди» (см.: [Лимеров 2020: 73–74]).

Сатирические сюжеты не только дополнили представления об исчезнувшем поколении людей, но, очевидно, еще способствовали появлению нового их названия (этнонима). Во многих сатирических сказках, записанных среди русского населения, несообразительный герой имеет имя Ваня. В коми-пермяцких рассказах о чуди этот антропоним тоже встречается. Кроме приведенного выше примера, имеется рассказ о чуденинах, размешавших в водоеме толокно, каждого из которых звали Ваней: *Толокно замешали... А Ваня, это чудь, заскочила там, где надо хлебать. А другой Ваня-чудь опять там. Говорит, он один выхлебал всё. Я, говорит, тоже зашёл. И всё туда. Все Вани, Все Ваней звали* (АКНЦ, ф. 5, оп. 2, д. 238»б», л. 67. Красновишерский р-н, д. Ванькова). В других примерах наименование «Ваня народ» или использование имени как синонима этнониму чудь встречается уже без привязки к какому-либо сатирическому сюжету. Известен один такой пример, записанный среди коми-язьвинцев, два – среди иньвенских коми-пермяков, еще в одном тексте природный водный источник называют «чучкёй колодец» или «Ваня колодец»: *А чудь. Это Вани были. Адззылі ме налісь эта рукоделясьө... ‘Видел я их рукоделя...’* (АКНЦ, Ф. 5, оп. 2, д. 238»б», л. 67); *Көркё пö кытöнкö Ваня-народ вöвöмась, шуввисö. Мыля пö учётöсь вöвöмась, Ваня-народ шуввöмась сійö... ‘Когда-то де где-то Ваня-народ жил, рассказывали. Оттого что маленькими были, поэтому их называли Ваня-народ...’* (Кудымкарский р-н, д. Новоселова, 2005); *А, Ваня-народ шуввисö. Исус Кростос шогмötöдз эшö сйя народыс вöи... ‘А, Ваня-народ называли. Еще до рождения Иисуса Христа этот народ был...’* (Кудымкарский р-н, д. Петухова). Данное наименование является узколокальным. Между тем, сходство с именем Ваня можно увидеть и в наименованиях фольклорных героев «ванцы», «вансы», которые были известны жителям Анадыря и Колымы [Смирнов 2015: 67].

Заключение

Сюжеты рассказов о глупой чуди не являются оригинальным фольклорным продуктом коми-пермяков, так как все они известны среди других этносов, при этом идентификация героев данных текстов как древнего мифологического народа в масштабах евразийского фольклора является редким явлением. Для коми-пермяцких текстов характерно включение в рассказы новых мотивов. Кроме этого, в коми-пермяцких преданиях о чуди сатирическая функция повествований отчасти утрачивается, так как примеры о глупости преобразуются в аргументы об отличии разных исторических эпох, о неизбежности гибели неразумных героев.

Среди коми-пермяцких преданий о чуди сюжеты о глупцах хотя и не имеют широкого распространения, но передают яркий образ древних предшественников, который соотносится с историческими знаниями о начале цивилизации. Они объясняют находки предметов малых форм и заполняют информационный вакуум об их создателях: условиях жизни данных предшественников и причинах их исчезновения.

Формирование образа чуди-глупцов могло происходить в течение длительного времени, к известным мифологическим сюжетам и народным интерпретациям действительности присоединялись новые мотивы, которые логически их дополняли. Появление и развитие представлений о глупом древнем народе, очевидно, стало возможным благодаря ряду обстоятельств: развитию разных семантических значений слова «чудь», древним мифологическим (сказочным) повествованиям и находкам археологических артефактов.

Список источников

1. АИЯЛИ КНЦ – Архив Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Ф. 5. Оп. 2. Д. 238»б». Ветошкина Е. В. Материалы фольклорно-диалектологической экспедиции (Красновишерский район Пермской области). 1979 г. 145 л.
2. Английская и шотландская народная баллада : сборник / Сост. Л. М. Аринштейн. На англ. яз. с параллельным русским текстом. М. : Радуга, 1988. 512 с.
3. Березайский В. Анекдоты древних пешехонцев. СПб., 1798. 220 с.
4. Грибова Л. Чудь йылсь иньвенской преданье // Парма – земля чуди: правда и мифы / Сост. Г. Н. Чагин, В. В. Климов, Л. П. Ратегова. Кудымкар : Коми-Пермяцкое книжное издательство. 2009. С. 48–50.
5. Маршак С. Я. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 1 / Сост. и прим. Т. Л. Аверьяновой. М. : Правда, 1990. 592 с.
6. Му пуксьом – Сотворение мира / Автор-составитель П. Ф. Лимеров. Сыктывкар : Коми книжное издательство, 2005. 624 с.
7. Смирнов И. Н. Пермьяки: Историко-этнографический очерк // Известия общества археологии, истории и этнографии при императорском Казанском университете. Т. 9. Вып. 2. Казань : Типография Императорского Университета, 1891. 289 с.
8. Толокно в проруби : сборник / Сост. и перевод. М. Ожегова, В. Климов. Пермь : Пермское книжное издательство, 1976. 125 с.
9. Чагин Г. Н. Язьвинские пермяки: история и традиции. Пермь : б. и., 1993. 25 с.
10. Янович В. М. Пермьяки. Этнографический очерк // Живая старина. СПб., 1903. Вып. I, II. С. 52–171.

Список литературы

1. Березкин Ю. Е., Дувакин Е. Н. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам. Аналитический каталог. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin> (дата обращения: 15.11.2023).
2. Голева Т. Г. Предания коми-пермяков о древнем населении Прикамья в современных записях // Этнокультурное наследие пермских финнов. Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Этнокультурное наследие пермских финнов в истории России», посвященной 80-летию Л. С. Грибовой и 25-летию сектора истории и культуры коми-пермяцкого народа», 21–22 июня 2013 г., г. Кудымкар. Кудымкар, 2013. С. 139–143.
3. Грибова Л. С. Пермский звериный стиль. Стереотипное издание. Кудымкар : Коми-Пермяцкий этнокультурный центр, 2014. 176 с.

4. Дранникова Н. В., Ларсен Р. Образ «чуди» в фольклоре народов Европейского Севера // Чудь в устной традиции Архангельского Севера / под ред. Н. В. Дранниковой. Архангельск : Поморский университет, 2008. С. 19–44.
5. Дранникова Н. В. Образ жителя Севера в анекдотах // Народные культуры Русского Севера. Фольклорный этнетип этноса. Вып. 2 : Материалы российско-финского симпозиума (Архангельск, 20–22 ноября, 2003 г.). Архангельск : Поморский ун-т, 2004. С. 106–122.
6. Канева И. А. Чудь в преданиях коми // Живая старина. 2006. № 2. С. 18–20.
7. Кривошекова-Гантман А. С. К проблеме пермской чуди // Вопросы лингвистического краеведения Прикамья. Пермь : Изд-во «Пермский государственный педагогический университет», 1974. С. 132–141.
8. Лимеров П. Ф. Легенды о чуди: предки, не принявшие новую веру // Словесность и история. 2020. № 2. С. 64–78.
9. Лимеров П. Ф. Образ чуди в коми фольклоре // Известия Уральского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. 2009. № 1/2(63). URL: <http://proceedings.usu.niy/> (дата обращения: 12.08.2023).
10. Морягина К. В., Сарапулов А. Н. Сюжеты о земледелии в легендах о пермской чуди и их соотношение с археологическими материалами // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции ПГГПУ. Пермь : Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, 2015. Вып. 10. С. 192–196.
11. Мызников С. А. Русский диалектный этимологический словарь. Лексика контактных регионов. М., СПб. : Нестор-История, 2019. 1076 с.
12. Рочев Ю. Г. Национальная специфика коми преданий о чуди (Серия препринтов «Научные доклады»; Вып. 124). Сыктывкар : Коми филиал АН СССР, 1985. 28 с.
13. Сарапулов А. Н. Средневековое земледелие Пермского Предуралья по археологическим данным. Пермь: Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, 2015. 170 с.
14. Смирнов Ю. И. Анекдоты о стародавних жителях Анадыря // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2015. № 1(28). С. 66–77.
15. Соболева Н. В. Типология и локальная специфика русских сатирических сказок Сибири. Новосибирск : Наука, 1984. 172 с.
16. Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / Сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков; отв. ред. К. В. Чистов. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1979. 437 с.
17. Чагин Г. Н. Чудь историческая и чудь мифологическая // Парма – земля чуди: правда и мифы / Сост. Г. Н. Чагин, В. В. Климов, Л. П. Ратегова. Кудымкар : Коми-Пермяцкое книжное издательство. 2009. С. 8–27.
18. Чагин Г. Н., Шестакова Е. Н. Современное состояние этничности у коми-язьвинцев (по материалам социологического исследования). Пермь : Издательский дом «Пресстайм», 2006. 70 с.

List of sources

1. Vetoshkina E. V. AIYaLI KNTs - Arkhiv Instituta yazyka, literatury i istorii Komi nauchnogo tsentra Ural'skogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk [AYALI KSC - Archive of the Institute of Language, Literature and History of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences]. F. 5. Op. 2. D. 238»b». *Materialy fol'klorno-dialektologicheskoy ekspeditsii (Krasnovisherskiy rayon Permskoy oblasti)* [Materials of the folklore and dialectological expedition (Krasnovishersky district of the Perm region)]. 1979, 145 l. (In Russ.).
2. Arinshteyn L. M. Angliyskaya i shotlandskaya narodnaya ballada [English and Scottish folk ballad]. Moscow, Raduga Publ., 1988, 512 p. (In Russ.).

3. Berezayskiy V. Anekdoty drevnikh poshekhontsev [Anecdotes of the ancient Poshekhonians]. Saint Petersburg, 1798, 220 p. (In Russ.).
4. Gribova L. Chud' yylis' in'venskoy predanne [Chud' yylis' Invenskaya devotion]. *Parma - zemlya chudi: pravda i mify* [Parma - the land of miracles: truth and myths]. Kudymkar, Komi-Permyatskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 2009, pp. 48-50. (In Russ.).
5. Marshak S. Ya. Sobranie sochineniy [Collected works]. Vol. 1, Moscow, Pravda Publ., 1990. 592 p. (In Russ.).
6. Limerov P. F. Mu puks'öm - Sotvorenje mira [Mu puksyom – Creation of the world]. Syktyvkar, Komi knizhnoe izdatel'stvo Publ., 2005, 624 p. (In Russ.).
7. Smirnov I. N. Permyaki: Istoriko-etnograficheskiy ocherk [Permians: Historical and ethnographic essay]. *Izvestiya obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri imperatorskom Kazanskom universitete* [News of the Society of Archeology, History and Ethnography at the Imperial Kazan University]. Vol. 9, iss. 2, Kazan, Tipografiya Imperatorskogo Universiteta Publ., 1891, 289 p. (In Russ.).
8. Ozhegova M., Klimov V. Tolokno v prorubi [Oatmeal in the ice hole]. Perm, Permskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1976, 125 p. (In Russ.).
9. Chagin G. N. Yaz'vinskie permyaki: istoriya i traditsii [Yazvin Permians: history and traditions]. Perm, b. i. Publ., 1993, 25 p. (In Russ.).
10. Yanovich V. M. Permyaki. Etnograficheskiy ocherk [Permians. Ethnographic sketch]. *Zhivaya starina* [Living antiquity]. Saint Petersburg, 1903, iss. I, II, pp. 52-171. (In Russ.).

References

1. Berezkin Yu. E., Duvakin E. N. Tematicheskaya klassifikatsiya i raspredelenie fol'klornomifologicheskikh motivov po arealam [Thematic classification and distribution of folklore and mythological motifs by area. Analytical catalog]. (In Russ.). Available at: <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin> (accessed: 15.11.2023).
2. Goleva T. G. Predaniya komi-permyakov o drevnem naselenii Prikam'ya v sovremennykh zapisyakh [Legends of the Komi-Permyaks about the ancient population of the Kama region in modern records]. *Etnokul'turnoe nasledie permskikh finnov* [Ethnocultural heritage of the Perm Finns]. Kudymka, 2013, pp. 139-143. (In Russ.).
3. Gribova L. S. Permskiy zverinyy stil'. Stereotipnoe izdanie [Perm animal style. Stereotype edition]. Kudymkar, Komi-Permyatskiy etnokul'turnyy tsentr, 2014, 176 p. (In Russ.).
4. Drannikova N. V., Larsen R. Obraz «chudi» v fol'klоре narodov Evropeyskogo Severa [The image of the “chud” in the folklore of the peoples of the European North]. *Chud' v ustnoy traditsii Arkhangel'skogo Severa* [Chud in the oral tradition of the Arkhangelsk North]. Arkhangel'sk, Pomorskiy universitet Publ., 2008, pp. 19-44. (In Russ.).
5. Drannikova N. V. Obraz zhatelya Severa v anekdotakh [The image of a resident of the North in jokes]. *Narodnye kul'tury Russkogo Severa. Fol'klornyy entitet etnosa* [Folk cultures of the Russian North. Folklore entity of the ethnos]. Iss. 2, Arkhangel'sk, Pomorskiy un-t Publ., 2004, pp. 106-122. (In Russ.).
6. Kaneva I. A. Chud' v predaniyakh komi [Chud in Komi legends]. *Zhivaya starina* [Living antiquity]. 2006, no. 2, pp. 18-20. (In Russ.).
7. Krivoshchekova-Gantman A. S. K probleme permskoy chudi [On the problem of the Perm miracle]. *Voprosy lingvisticheskogo kraevedeniya Prikam'ya* [Questions of linguistic local history of the Kama region]. Perm, Permskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet Publ., 1974, pp. 132-141. (In Russ.).
8. Limerov P. F. Legendy o chudi: predki, ne prinyavshie novuyu veru [Legends about Chud: ancestors who did not accept the new faith]. *Slovesnost' i istoriya* [Literature and history]. 2020, no. 2, pp. 64-78. (In Russ.).

9. Limerov P. F. *Obraz chudi v komi fol'klore* [The image of a miracle in Komi folklore]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki* [News of the Ural State University. Series Humanities]. 2009, no. 1/2(63). (In Russ.). Available at: <http://proceedings.usu.niy/> (accessed: 12.08.2023).
10. Moryakhina K. V., Sarapulov A. N. *Syuzhety o zemledelii v legendakh o permskoy chudi i ikh sootnoshenie s arkheologicheskimi materialami* [Plots about agriculture in the legends of the Perm Chud and their relationship with archaeological materials]. *Trudy Kamskoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii PGGPU* [Proceedings of the Kama archaeological and ethnographic expedition of the PGGPU]. Perm, Permskiy gosudarstvennyy gumanitarno-pedagogicheskiy universitet Publ., 2015, iss. 10, pp. 192-196. (In Russ.).
11. Myznikov S. A. *Russkiy dialektnyy etimologicheskiy slovar'. Leksika kontaknykh regionov* [Russian dialect etymological dictionary. Vocabulary of contact regions]. Moscow, Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2019, 1076 p. (In Russ.).
12. Rochev Yu. G. *Natsional'naya spetsifika komi predaniy o chudi* [National specificity of Komi legends about the miracle]. Iss. 124, Syktyvkar, Komi filial AN SSSR Publ., 1985, 28 p. (In Russ.).
13. Sarapulov A. N. *Srednevekovoe zemledelie Permskogo Predural'ya po arkheologicheskim dannym* [Medieval agriculture of the Perm Cis-Urals according to archaeological data]. Perm, Permskiy gosudarstvennyy gumanitarno-pedagogicheskiy universitet Publ., 2015, 170 p. (In Russ.).
14. Smirnov Yu. I. *Anekdoty o starodavnikh zhitelyakh Anadyrya* [Anecdotes about ancient inhabitants of Anadyr]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and folklore of the indigenous peoples of Siberia]. 2015, no. 1(28), pp. 66-77. (In Russ.).
15. Soboleva N. V. *Tipologiya i lokal'naya spetsifika russkikh satiricheskikh skazok Sibiri* [Typology and local specificity of Russian satirical tales of Siberia]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1984, 172 p. (In Russ.).
16. Barag L. G., Berezovskiy I. P., Kabashnikov K. P., Novikov N. V. *Sravnitel'nyy ukazatel' syuzhetov. Vostochnoslavianskaya skazka* [Comparative index of plots. East Slavic fairy tale]. Leningrad, Nauka Publ., Leningradskoe otdelenie Publ., 1979, 437 p. (In Russ.).
17. Chagin G. N. *Chud' istoricheskaya i chud' mifologicheskaya* [Historical miracle and mythological miracle]. Parma - zemlya chudi: pravda i mify [Parma - the land of miracles: truth and myths]. Kudymkar, Komi-Permyatskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 2009, pp. 8-27. (In Russ.).
18. Chagin G. N., Shestakova E. N. *Sovremennoe sostoyanie etnichnosti u komi-yazvintsev (po materialam sotsiologicheskogo issledovaniya)* [The current state of ethnicity among the Komi-Yazvintsev (based on sociological research)]. Perm, Izdatel'skiy dom «Presstaym» Publ., 2006, 70 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Т. Г. Голева – кандидат исторических наук, Институт гуманитарных исследований УрО РАН – филиал Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН.

Information about the author

T. G. Goleva – Ph. D. (History),
Institute of Humanitarian Studies Ural branch Russian Academy of Sciences.

Статья поступила в редакцию 15.11.2023; одобрена после рецензирования 25.11.2023; принята к публикации 10.01.2024.

The article was submitted 15.11.2023; approved after reviewing 25.11.2023; accepted for publication 10.01.2024.

Гуманитарные исследования. История и филология. 2024. № 13. С. 41–51.

Humanitarian Studies. History and Philology. 2024. No. 13. P. 41-51.

Научная статья

УДК 930.1

doi: 10.24412/2713-0231-2024-13-41-51

ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ СРЕДИ СТУДЕНТОВ: ВОСТРЕБОВАННОСТЬ И ИНСТРУМЕНТЫ¹

Юлия Сергеевна Чернышева^{1,2}

¹ Институт гуманитарных исследований УрО РАН, Пермь, Россия;

² Удмуртский государственный университет, Ижевск, Россия,

yulyachernysheva99@gmail.com

Аннотация. Популяризация исторического знания является одной из важнейших задач современного исторического образования. Поставленная органами власти задача по популяризации исторических знаний среди молодежи вызывает закономерный вопрос о востребованности кампании у собственно молодежи, в особенности – у студентов высших учебных заведений. В настоящей статье рассматриваются два ключевых вопроса: считают ли студенты важным популяризацию исторических знаний и какие инструменты популяризации исторических знаний наиболее востребованы среди студентов? Исследование выполнено на материалах опроса студентов нескольких высших учебных заведений города Перми, проведенного в октябре 2023 г. Опросник состоял из нескольких блоков, содержащих сведения о месте исторического знания в системе человеческих знаний и основным источникам, откуда студенты черпают информацию об исторических событиях; блок вопросов был посвящен важным историческим событиям и обоснованием их важности для респондентов; а также популяризации истории и эффективных средствах ее популяризации и информационных ресурсах, откуда студенты черпают информацию об исторических событиях. Полученные результаты позволяют заключить, что студенты интересуются историей и считают важным знание истории для человека. При этом уровень владения историческими знаниями, по мнению опрошиваемых, достаточно высокий – 85,7 % респондентов считают, что они знают историю своей страны. Также большинство студентов (88,5 %) убеждены, что историческое знание нуждается в популяризации. Наиболее эффективными инструментами популяризации исторического знания среди студентов можно назвать Интернет и электронные ресурсы; работу учреждений образования и культуры; научные и научно-популярные издания.

Ключевые слова: историческое знание, фальсификация истории, студенты, инструменты популяризации.

Для цитирования: Чернышева Ю. С. Популяризация исторического знания среди студентов: востребованность и инструменты // Гуманитарные исследования. История и филология. 2024. № 13. С. 41–51. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2024-13-41-51>

Original article

POPULARIZATION OF HISTORICAL KNOWLEDGE AMONG STUDENTS: RELEVANCE AND TOOLS

Yuliya S. Chernysheva^{1,2}

¹ Institute of Humanities Research of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Perm, Russia

² Udmurt State University, Izhevsk, Russia, yulyachernysheva99@gmail.com

Abstract. Popularization of historical knowledge is one of the most important tasks of modern historical education. The task set by the authorities to popularize historical knowledge among young people raises a legitimate question about the relevance of the campaign among the youth themselves, especially among students of higher educational institutions. This article addresses two key issues: Do students consider it important to popularize historical knowledge and which tools of popularization of historical knowledge are most in demand among students? The study was carried out on the basis of a survey of students of several higher educational institutions of the city of Perm, conducted in October 2023. The questionnaire consisted of several blocks containing information about the place of historical knowledge in the human knowledge system and the main sources from which students get information about historical events; the block of questions was devoted to important historical events and justification of their importance for respondents; as well as the popularization of history and effective means of its popularization and information resources from where students get information about historical events. The results obtained allow us to conclude that students are interested in history and consider it important for a person to know history. At the same time, the level of proficiency in historical knowledge, according to the respondents, is quite high – 85.7 % of respondents believe that they know the history of their country. Also, the majority of students (88.5 %) are convinced that historical knowledge needs to be popularized. The most effective tools for popularizing historical knowledge among students can be called the Internet and electronic resources; the work of educational and cultural institutions; scientific and popular scientific publications

Keywords: historical knowledge, falsification of history, students, popularization tools

For citation: Chernysheva Yu. S. Popularization of historical knowledge among students: relevance and tools. *Humanitarian Studies. History and Philology.* 2024;13:41-51. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2024-13-41-51>

Постановка проблемы

В последние годы в России всё чаще говорят о проблемах популяризации исторических знаний и недопустимости фальсификации исторических фактов. В 2009–2012 гг. действовала Комиссия при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России [Указ Президента РФ № 549]¹, а 2012 г. приказом Президента РФ был объявлен Годом российской истории в целях привлечения внимания общества к российской истории и роли России в мировом историческом процессе [Указ Президента РФ № 49]. Последние несколько лет проходили многочисленные заседания, круглые столы, конференции, семинары, в которых данная тема выступает одной из центральных, а также масштабные проекты – Всероссийский проект «Открытые уроки», реализуемый в рамках федерального проекта «Патриотическое воспитание граждан

¹ Признан утратившим силу в соответствии со ст.11 Указа Президента РФ от 14.02.2012 № 183

Российской Федерации» национального проекта «Образование» (с 2020 г.), Всероссийский семинар по борьбе с фальсификацией истории (с 2021 г.) и другие [Всероссийский проект...; Всероссийский семинар...; Сохранению исторической...]. Работа по популяризации исторических знаний и недопустимости фальсификации исторических фактов неразрывно связана с патриотическим воспитанием. Принятые в этом направлении меры, как правило, распространяются на школьников и в гораздо меньшей степени – на студентов. Хотя нужно отметить, что в последние годы студенчество всё активнее включается в данную работу, например, в 2021 г. была создана Ассоциация студенческих патриотических клубов «Я горжусь», комментируя это событие Министр науки и высшего образования В. Н. Фальков заявил: «Задача университетов сегодня — не только передавать знания, но и воспитывать многостороннюю личность нравственного, ответственного и думающего гражданина России. А в основе воспитательной работы — формирование у студентов патриотического сознания, любви к Родине, выбранной профессии, исполнению гражданского долга и чувства ответственности за будущее страны» [В России создана...].

Поставленная органами власти задача по популяризации исторических знаний среди молодежи вызывает закономерный вопрос о востребованности кампании у собственно молодежи, в особенности – у студентов высших учебных заведений. Цель настоящего исследования – определение востребованности популяризации исторических знаний у студентов высших учебных заведений. Объектом исследования выступили студенты высших учебных заведений г. Перми. Нами были поставлены следующие исследовательские вопросы: 1) Считают ли студенты важным популяризацию исторических знаний? 2) Какие инструменты популяризации исторических знаний наиболее востребованы среди студентов?

Для решения обозначенных задач были использованы материалы опроса студентов высших учебных заведений г. Перми, проведенного в октябре 2023 г. В опросе приняли участие 252 студента, из них 165 (65,5 %) женщин, 87 (34,5 %) – мужчины. Из общего количества принявших участие в опросе 35,3 % – студенты по направлениям «точные и технические науки», 34,9 % – студенты направления «естественные науки», 29,8 % – гуманитарные и педагогические науки из Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета (ПГГПУ), Пермского государственного национального исследовательского университета (ПГНИУ), Пермского национального исследовательского политехнического университета (ПНИПУ), Пермского государственного аграрно-технологического университета им. имени академика Д.Н. Прянишникова (ПГАТУ).

Опросник состоял из нескольких блоков, содержащих сведения о месте исторического знания в системе человеческих знаний и основным источникам, откуда студенты черпают информацию об исторических событиях; блок вопросов был посвящен важным историческим событиям и обоснованием их важности для респондентов; а также популяризации истории и эффективных средствах ее популяризации и информационных ресурсах, откуда студенты черпают информацию об исторических событиях.

Основная часть

Для определения важности популяризации исторических знаний с точки зрения студентов были заданы вопросы о важности знания истории своего государства для человека вообще. На вопрос «Как Вы считаете, является ли важным знание истории для человека?»

положительно ответили 247 человек (98 %), при этом вариант «да, безусловно» выбрали 142 человека (56,3 %), а вариант «возможно, но я бы не сказал(а), что эти знания первой важности» – 105 человек (41,7 %). Вариант «нет, они абсолютно бесполезны» выбрали только 2 человека (0,8 %) и еще трое (1,2 %) затруднились с ответом.

Ответы на вопрос «Считаете ли Вы, что знаете историю своей страны?» распределились следующим образом: положительно ответили 216 человек (85,7 %), отрицательно – 30 человек (11,9 %) и еще 6 человек (2,4 %) затруднились с ответом. При этом самый популярный вариант ответа «скорее да, я обладаю кое-какими знаниями об истории своей страны» – так ответили 168 студентов (или 66,7 %), остальные, ответившие положительно, выбрали вариант «да, я могу уверенно заявить, что знаю историю своей страны» (48 человек или 19 %).

На вопрос «Откуда Вы сегодня черпаете основные знания по истории?» студенты отвечали следующим образом: «в университете» – 183 ответа (26,9 % от общего числа ответов), «в интернете (соцсети, блогеры и пр.)» – 161 ответ (23,7 %), «из книг, статьей (в т.ч. электронного формата)» – 127 ответов (18,7 %), «из кинематографа и ТВ» – 98 ответов (14,4 %), «из общения с друзьями и родными» – 90 ответов (13,2 %), «другое» – 16 ответов (2,4 %) и затруднились с ответом пятеро (0,7 %). В этом вопросе допускалось несколько вариантов ответов, поэтому в результатах дается не количество ответивших, а количество ответов каждого допустимого варианта.

Следующий блок вопросов касался важных (значимых), на взгляд студентов, исторических событий в истории России. Студентам предлагалось назвать 3 таких события и обосновать, почему они являются важными (значимыми). Самые популярные ответы – Великая Отечественная война (94 упоминания), Крещение Руси (62 упоминания), распад СССР и / или образование РФ (56 упоминаний), Октябрьская Революция 1917 г. (53 упоминания), отмена крепостного права (57 упоминаний), правление Петра I (28 упоминаний) и формулировки, косвенно указывающие на эти исторические события (например, «Взятие Рейхстага», «Победа в ВОВ»). Менее популярны ответы, относящиеся к освоению космоса (12 упоминаний), Смутному времени (10 упоминаний), вхождению Крыма в состав России 2014 г. (8 упоминаний), Гражданской войне (8 упоминаний), монголо-татарскому игу (8 упоминаний), Северной войне (7 упоминаний), Отечественной войне 1812 г. Остальные исторические события в ответах упоминаются менее 6 раз: СВО (специальная военная операция), Распятие Христа, покорение Арктики, дворцовые перевороты, принятие Конституции, Куликовская битва, Ледовое побоище, воцарение Романовых, индустриализация и другие.

На вопрос «Почему, на Ваш взгляд, указанные в предыдущем вопросе 3 события являются важными (значимыми) в истории России?» студенты отвечали следующим образом. По отношению к Великой Отечественной войне – «На войне проявляются истинные качества людей и именно эта война избавила мир от фашизма», «Эта война показала силу русского духа», «Как и сама война, так и её итоги повлияли на государство и его жителей, после решилась политическое направление», «Отечественная война и ВОВ доказали могущество страны и единство народа», «Коренные изменения в политическом и социально-экономическом укладе государства, и межконтинентальная война», «Великая Отечественная война была крупнейшим и самым разрушительным конфликтом в истории

России. Советский Союз противостоял нацистской Германии и ее союзникам, вступивших в войну с целью захвата территории СССР. Победа в этой войне имела огромное значение для России и всего мира. Великая Отечественная война утвердила силу и выносливость советского народа, принесла освобождение от нацистской оккупации и привела к завершению Второй мировой войны».

По отношению к Крещению Руси – «Крещение Руси обусловило её дальнейший путь: отход от язычества, укрепление связей с другими христианскими государствами, например, с Византией и, как следствие, влияние этих стран и религии на культуру, быт и т. д.», «Крещение Руси в значительной мере изменило характер государства, частично предопределило путь его развития (по византийскому образцу – отдаление от Европы)», «Крещение Руси – новый этап государственности, коренное изменение политики и идеологии в государстве».

По отношению к распаду СССР – «Распад СССР – распад одной из последних империй, появление новых стран на мировой арене», «Распад Советского Союза и создание независимой Российской Федерации имеют огромное значение для истории России и всего мира. Это событие привело к концу коммунистического режима и изменению политической системы страны. Российская Федерация стала наследницей СССР и вступила на путь демократических реформ и рыночной экономики. Распад СССР также повлиял на геополитическое положение и отношения России с другими странами, а также на жизнь и благосостояние российского народа».

По отношению к Октябрьской революции – «Октябрьская революция привела к свержению авторитарной монархии и установлению нового политического строя – Советской России. Это событие отмечает начало эпохи коммунизма в России и имеет важное значение для всего мира. Октябрьская революция способствовала формированию тоталитарного режима, влиянию коммунизма на мировую политику и социально-экономическим изменениям в России», «Революция привела к смене власти в стране», «Привела к краху неэффективную со всех сторон жизни Российскую империю, провозгласила диктатуру пролетария, привела к введению 8 часового рабочего дня, формированию социального государства, окончательную отмену крепостного права, а также дала мощный толчок революционному движению по всему миру».

По отношению к отмене крепостного права – «Крепостное право тормозило развитие России (в частности промышленное)», «Отмена крепостного права повлекла за собой целый ряд реформ, которые изменили ход событий», Крепостное право было пережитком прошлого, отягощало страну, останавливало на пути к развитой экономике и быстрому прогрессу. Оно не соответствовало идеям времени, его отмена способствовала падению уровня сакральности монарха, который уже не может беспорядочно раздавать крестьян дворянам для укрепления своего авторитета».

По отношению к правлению Петра I – «Период правления Петра первого, его реформы, войны и пр. также категорически изменили Россию», «Реформы Петра I – «переворот» в политике и культуре, новая точка отсчета», «Благодаря реформам Петра Первого, Российская империя стала одной из великих европейских держав. Также она получила выход к Балтийскому морю, что потом сыграло важную роль», «Петр внес реформы, которые улучшили страну и положили ее развитие в сравнении с другими странами».

По отношению к покорению космоса – «Полёт Гагарина в космос: положил начало в освоение человеком космоса», «Полёт Юрия Гагарина в космос стал началом освоения космоса, что было и остаётся стратегически важным делом для нашей страны».

По отношению к Смутному времени – «Смутное время - защита государства от потери самобытности, появление новой династии, сидевшей на престоле достаточно длительное время и продвинувшей государство на новые ступени развития», «Смутно время показывает, что будет если страной будет править определенная семья и вдруг у неё не будет наследников».

По отношению к вхождению Крыма в состав России 2014 г. – «Влияют на настоящее и происходящее в России», «Потому что всё это – достижения нашей страны. Очень значительные и решающие и в историческом плане, и просто в жизненном».

Часть опрашиваемых добавляли размышления, что невозможно выделить самые важные исторические события: «Я считаю, что все события в истории России важны, потому что они все повлияли на то, что происходит сейчас», «Все события способствовали развитию страны». Другие в своих ответах не определяли важность конкретного исторического события, а писали в общем о их важности: «В корне изменили ход событий», «Я считаю, что именно эти события принесли в нашу историю «яркие» моменты, которые запомнятся на долго».

Следующий блок вопросов был посвящен популяризации истории и эффективным средствам ее популяризации. На вопрос «Нуждается ли историческое знание в популяризации?» большинство (223 человека или 88,5 %) ответили положительно, из них чуть более половины от общего числа опрашиваемых (132 человека или 52,4 %) выбрали вариант «да, нужно популяризовать историю», 91 человек (36,1 %) – «скорее да». Отрицательно на этот вопрос ответили 19 человек (7,6 %), из них 12 (4,8 %) выбрали вариант «скорее нет», 7 (2,8 %) – «нет, в этом нет необходимости». Еще 10 студентов (4 %) затруднились с ответом.

Еще один вопрос был посвящен инструментам популяризации исторического знания. На него можно было ответить, выбрав несколько вариантов ответа, и всего было получено 591 ответ. Из них почти треть (186 ответов, 31,5 %) пришлось на вариант, что историческое знание следует популяризовать «в медиасреде – Интернет, СМИ», немного меньше ответов (165 или 27,9 %) пришлось на вариант «в образовательных, культурных и иных учреждениях (университетах, музеях, и пр.)», еще меньше (132 ответа или 22,3 %) – «с помощью медийных личностей – звезд шоу-бизнеса, блогеров и т. п.». Наименее популярным оказался вариант «с помощью научных и научно-популярных изданий» – всего 93 ответа (15,7 %). Затруднились с ответом 2,5 % (15 ответов).

Следующий вопрос подразумевал развернутый ответ «К каким ресурсам Вы обращаетесь, чтобы почерпнуть информацию об истории?». Часть студентов считают, что распространение информации на бумажном носителе может быть эффективно для популяризации истории (научно-популярные и не только издания, буклеты, рекламы, баннеры на улицах и пр.): «Раздача книжек на улице», «Делать рекламные баннеры истории, чтобы люди начали интересоваться», «Плакаты развешивать», «Какие-то интересные факты из истории на различных продуктах», «Реклама, вывески и выставки на улицах городов. Отсылки к истории в обыденной жизни (названия блюд в меню, логотипы брендов,

архитектура)», «Красивые бюллетени с интересными фактами», «Мне очень нравится практика в г. Перми с граффити, посвященными Пермскому периоду в разных местах. Подобное может пробудить желание хотя бы найти в поисковике что это такое и почему, что для некоторых может стать первым шагом в изучение истории».

Еще часть опрошиваемых считают, что популяризировать историю можно с помощью просветительских мероприятий, образовательно-культурных учреждений (в том числе лекций и встреч с экспертами в области исторической науки: «Проводить какие-нибудь мероприятия, посвящённые истории», «С помощью людей, которые занимаются раскопками, исследованием документов из архивом и т. д.», «Образовательных и культурных заведений будет достаточно. Нельзя что бы популяризация истории становилась назойливой, иначе к ней точно потеряется интерес», «Нужно проводить образовательные мероприятия», «Волонтерство, общение с молодежью», «Водить студентов на выставки и кино», «Культурно-досуговые мероприятия», «Офлайн встречи», «С помощью доступных онлайн и офлайн архивов и библиотек».

Некоторые студенты отметили медиаресурсы, в том числе СМИ, телевидение и соцсети, фильмы: «С помощью рекламы на ТВ», «Тикток», «В виде развлекательных телешоу».

Некоторые студенты считают эффективными для популяризации истории видео- или исторические игры, песни, подкасты: «Можно рассказывать историю через видеоигры», «В песнях, слышали про группу Sabaton?», «Исторические игры», «Добавлять их в компьютерные игры», «Исторические подкасты», «Science Slam, подкасты».

Немногочисленно встречались варианты ответов про практики, экспедиции, а также с помощью блогеров: «Практик по истории (раскопки, экскурсии и др.)», «Экспедиции, конкурсы, блогеры и др.», «Исторические блогеры и каналы».

Заключительный блок вопросов посвящен информационным ресурсам, откуда студенты черпают информацию об исторических событиях. Вопрос «К каким ресурсам Вы обращаетесь, чтобы почерпнуть информацию об истории?» допускал выбор нескольких вариантов ответов. Всего было получено 722 ответа. Самыми популярными вариантами стали «обращаюсь через поисковые системы на разные сайты» и «документальные фильмы (сериалы) об исторических событиях» – 149 (20,6 %) и 145 (20,1) ответов соответственно. Чуть меньше ответов набрали варианты «книги, статьи, журналы научного характера» (118 ответов или 16,3 %) и «художественные фильмы (сериалы) об исторических событиях» (109 ответов или 15,1 %). Еще чуть менее популярными ответами можно назвать «книги, статьи, журналы научно-популярного характера» и «читаю блогеров, экспертные телеграм-каналы и другие ресурсы» – они набрали по 90 (12,5 %) и 86 (11,9 %) ответов соответственно. 20 ответов (2,8 %) набрал вариант «не интересуюсь историей» и 5 ответов (0,7 %) – «затрудняюсь ответить».

Еще один вопрос подразумевал развернутый ответ: «Назовите популярные ресурсы, которые Вы регулярно используете чтобы почерпнуть информацию об истории». Самые популярные варианты – Википедия (41 упоминание), YouTube (29 упоминаний), Студопедия (21 упоминание). Менее популярны Киберленинка (17 упоминаний) и Arzamas (8 упоминаний), eLibrary (7 упоминаний). Остальные упоминались менее 6 раз: Вконтакте (6 упоминаний), Электронные библиотеки (5 упоминаний), Телеграм-каналы (5 упоминаний), Рувики (3 упоминания), Кинопоиск (2 упоминания).

Также студентам предлагалось назвать имена блогеров, медийных личностей, каналы и блоги которых студенты регулярно читают, чтобы почерпнуть информацию об истории. Среди названных имен чаще упоминаются Асафьев Стас, Клим Жуков, Тамара Эдельман, а также каналы и проекты «Антропогенез.ру», «Ёжик Лисичкин», упоминается часто «ролики на YouTube». Также упоминаются ТВ-каналы «Звезда», «Discovery» и другие, группы Вконтакте, например, «История для чайников», «Эпичная история», «Краткая история», «История интересно», «История.РФ» и другие.

Заключение

Полученные результаты позволяют заключить, что студенты интересуются историей и считают важным знание истории для человека. При этом уровень владения историческими знаниями, по мнению опрашиваемых, достаточно высокий – 85,7 % респондентов считают, что они знают историю своей страны. Также большинство студентов (88,5 %) убеждены, что историческое знание нуждается в популяризации.

Для определения востребованных инструментов популяризации исторических знаний были заданы три вопроса: «Откуда Вы сегодня черпаете основные знания по истории?», «К каким ресурсам Вы обращаетесь, чтобы почерпнуть информацию об истории?», «Каким образом, на Ваш взгляд, следует популяризовать историческое знание?». Данные вопросы задавались в разной последовательности – первый в начале анкеты, второй и третий – в заключении. Это позволило сначала определить, откуда студенты черпают информацию, а затем зафиксировать, насколько этот источник важен для популяризации исторического знания по мнению студентов (Таблица 1).

Таблица 1. Определение востребованных инструментов популяризации исторических знаний и реальных ресурсов, к которым обращаются студенты

	Откуда Вы сегодня черпаете основные знания по истории?	К каким ресурсам Вы обращаетесь, чтобы почерпнуть информацию об истории	Каким образом, на Ваш взгляд, следует популяризовать историческое знание?
Медиасреда (Интернет, электронные ресурсы)	23,7 %	20,6 %	31,5 %
Учреждения образования и культуры	26,9 %	–	27,3 %
Научные и научно-популярные издания	18,7 %	Научные – 16,3 % Научно-популярные – 12,5 %	15,7 %

Так, к Интернету и электронным ресурсам обращаются 20–23 % опрашиваемых, а популяризовать историческое знание с помощью его инструмента предлагают более 30 %. Изучать историю посредством чтения научных и научно-популярных изданий предпочитают 12–18 % опрашиваемых, а популяризовать таким образом предлагают 15,7 %. В учреждениях образования и культуры получают знаний по истории почти 27 % опрашиваемых и столько же считают необходимым популяризовать историю с помощью таких учреждений. Полученные выводы позволяют заключить, что студенты получают

знания об истории в первую очередь в учреждениях образования и культуры. В этой связи крайне актуален Приказ Министерства науки и высшего образования РФ от 19.07.2022 № 662 «О внесении изменений в федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования» [Приказ Министерства науки и высшего образования № 662], который устанавливает обязательный минимум зачетных единиц, отводимых в вузах на изучение дисциплины (модуля) истории в рамках образовательных программ высшего образования. Уже в 2023–2024 учебном году студенты занимаются по новым образовательным программам, что позволит противодействовать фальсификации истории в любых ее проявлениях, формировать у студентов чувство патриотизма, гражданственности, уважения к памяти поколений, ответственности за судьбу страны.

Еще один популярный канал получения знаний у студентов – Интернет. Часто к интернет-ресурсам обращаются и в рамках образовательного процесса. В этом случае уделить внимание как качеству контента, который освещает исторические события так и его количеству. В России много интересных онлайн-ресурсов¹, которые предоставляют правдивую информацию об истории в красочной форме, но студенты, согласно результатам опроса, чаще всего используют Википедия, YouTube и Студопедию.

Мы видим причины обращения к этим каналам в следующем:

- 1) алгоритмы поисковой системы выдают их страницы первыми, их чаще видят пользователи;
- 2) информация в них охватывает большое количество исторических явлений, процессов, личностей;
- 3) информация представлена в формате, удобном и для чтения, и для копирования и использования в образовательном процессе.

Причем, при использовании материалов студенты не всегда проверяют его достоверность. Необходима работа по увеличению статей на отечественных ресурсах по разным темам, интересным пользователям. При этом использовать такой формат подачи, чтобы с материалом было удобно работать: делить на разделы с заголовками, включать гиперссылки, иллюстрации, а также видеоматериалы.

Еще одним значимым ресурсом для популяризации исторических знаний является научная и научно-популярная литература. Здесь можно отметить опыт Пермского края, в частности – научно-популярный проект «Народы Перми: история и культура», который включает 24 издания об истории и культуре народов, проживающих в городе Перми [Черных 2018].

Проект был осуществлен при поддержке администрации города Перми в рамках муниципальной программы «Укрепление межнационального и межконфессионального согласия в городе Перми» в 2015–2018 гг. под общим руководством А. В. Черных. За выпуск данной серии книг коллектив издательства «Маматов» стал лауреатом премии Пермского края в сфере культуры и искусства за 2019 год в номинации «Сохранение и популяризация культурного наследия» [Постановление № 1891]. А в ноябре 2023 г. был представлен одноименный мультимедийный проект, который открывает новые возможности популяризации истории и культуры региона [Проект...].

---

¹ Портал «История.РФ», ресурсы Российского исторического общества на разных площадках (сайт, Телеграм-канал, группа Вконтакте и пр.), электронные базы данных государственных архивов, музеев и т. п.

Список источников

1. В России создана Ассоциация студенческих патриотических клубов «Я горжусь». URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/39226/> (дата обращения: 17.01.2023).
2. Всероссийский проект «Открытые уроки». URL: <https://институтвоспитания.рф/institut/projects/otkrytye-uroki-/> (дата обращения: 17.01.2023)
3. Постановление Законодательного собрания Пермского края от 26.11.2020 № 1891 «О присуждении премий Пермского края в сфере культуры и искусства за 2019 год».
4. Приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 19.07.2022 № 662 «О внесении изменений в федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования».
5. Проект «Народы Перми: история и культура». URL: https://mamatov.ru/multimedia/proekt_narody_permi_istoriya_i_kultura/ (дата обращения: 10.10.2023).
6. Прошёл Всероссийский семинар по борьбе с фальсификацией истории «История сквозь призму кинематографа». URL: <https://dev.rospatriotcentr.ru/news/patriotika/proshyel-vserossiyskiy-seminar-po-borbe-s-falsifikatsiyey-istorii-istoriya-skvoz-prizmu-kinematografa/> (дата обращения: 17.01.2023).
7. Сохранению исторической правды посвятили семинар. URL: <https://pobedarf.ru/2023/10/03/sohraneniyu-istoricheskoy-pravdy-posvyatili-seminar/> (дата обращения: 17.01.2023).
8. Указ Президента РФ от 09.01.2012 года № 49 «О проведении в Российской Федерации Года российской истории».
9. Указ Президента РФ от 15.05.2009 года № 549 «О Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России».
10. Черных А. В., Каменских М. С. «Народы Перми: история и культура»: исследовательский и издательский проект // Вестник Пермского федерального исследовательского центра. 2018. № 1. С. 68–74.

References

1. V Rossii sozdana Assotsiatsiya studencheskikh patrioticheskikh klubov «Ya gorzhus'» [The Association of Student Patriotic Clubs “I’m Proud” was created in Russia]. (In Russ.). Available at: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/39226/> (accessed: 17.01.2023).
2. Vserossiyskiy proekt «Otkrytye uroki» [All-Russian project “Open Lessons”]. (In Russ.). Available at: <https://institutvospitaniya.rf/institut/projects/otkrytye-uroki-/> (accessed: 17.01.2023)
3. Postanovlenie Zakonodatel'nogo sobraniya Permskogo kraya ot 26.11.2020 № 1891 «O prisuzhdenii premiy Permskogo kraya v sfere kul'tury i iskusstva za 2019 god» [Resolution of the Legislative Assembly of the Perm Territory dated November 26, 2020 No. 1891 “On awarding prizes of the Perm Territory in the field of culture and art for 2019”]. (In Russ.).
4. Prikaz Ministerstva nauki i vysshego obrazovaniya Rossiyskoy Federatsii ot 19.07.2022 № 662 «O vnesenii izmeneniy v federal'nye gosudarstvennye obrazovatel'nye standarty vysshego obrazovaniya» [Order of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation dated July 19, 2022 No. 662 “On amendments to federal state educational standards of higher education”]. (In Russ.).
5. Proekt «Narody Permi: istoriya i kul'tura» [Project “Peoples of Perm: history and culture”]. (In Russ.). Available at: https://mamatov.ru/multimedia/proekt_narody_permi_istoriya_i_kultura/ (accessed: 10.10.2023).
6. Proshel Vserossiyskiy seminar po bor'be s fal'sifikatsiyey istorii «Istoriya skvoz' prizmu kinematografa» [The All-Russian seminar on combating the falsification of history “History through the prism of cinema” was held]. (In Russ.). Available at: <https://dev.rospatriotcentr.ru/news/patriotika/proshyel-vserossiyskiy-seminar-po-borbe-s-falsifikatsiyey-istorii-istoriya-skvoz-prizmu-kinematografa/> (accessed: 17.01.2023).

7. Sokhraneniye istoricheskoy pravdy posvyatili seminar [A seminar was dedicated to the preservation of historical truth]. (In Russ.). Available at: <https://pobedarf.ru/2023/10/03/sohraneniye-istoricheskoy-pravdy-posvyatili-seminar/> (accessed: 17.01.2023).

8. Ukaz Prezidenta RF ot 09.01.2012 goda № 49 «O provedenii v Rossiyskoy Federatsii Goda rossiyskoy istorii» [Decree of the President of the Russian Federation dated January 9, 2012 No. 49 “On holding the Year of Russian History in the Russian Federation”]. (In Russ.).

9. Ukaz Prezidenta RF ot 15.05.2009 goda № 549 «O Komissii pri Prezidente Rossiyskoy Federatsii po protivodeystviyu popytкам fal'sifikatsii istorii v ushcherb interesam Rossii» [Decree of the President of the Russian Federation of May 15, 2009 No. 549 “On the Commission under the President of the Russian Federation to counter attempts to falsify history to the detriment of the interests of Russia”]. (In Russ.).

10. Chernykh A. V., Kamenskikh M. S. «Narody Permi: istoriya i kultura»: issledovatel'skiy i izdatel'skiy proekt [“Peoples of Perm: history and culture”: research and publishing project]. *Vestnik Permskogo federal'nogo issledovatel'skogo tsentra* [Bulletin of the Perm Federal Research Center]. 2018, no. 1, pp. 68-74. (In Russ.).

Информация об авторе

Ю. С. Чернышева – научный сотрудник Института гуманитарных исследований УрО РАН; научный сотрудник НОЦ «Современные этнополитические исследования» Удмуртского государственного университета.

Information about the author

Yu. S. Chernysheva – Researcher at the Institute of Humanitarian Studies of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; Researcher at the Research Center "Modern Ethnopolitical Studies" of Udmurt State University.

Статья поступила в редакцию 10.10.2023; одобрена после рецензирования 25.10.2023; принята к публикации 10.01.2024.

The article was submitted 10.10.2023; approved after reviewing 25.11.2023; accepted for publication 10.01.2024.

Гуманитарные исследования. История и филология. 2024. № 13. С. 52–60.

Humanitarian Studies. History and Philology. 2024. No. 13. P. 52-60.

Научная статья

УДК 811.112.2'37

doi: 10.24412/2713-0231-2024-13-52-60

СЕМАНТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ ТАКСИСА: СИСТЕМНЫЕ СВЯЗИ И РЕЧЕВЫЕ РЕАЛИЗАЦИИ

Ирина Викторовна Архипова

Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия,

irarch@yandex.ru

Аннотация. В фокусе рассмотрения находится функционально-семантическая категория таксиса в аспекте ее системных связей и конкретно-речевых реализаций. Она обнаруживает системно-парадигматические связи с категориями двух разновидностей – «близкими» (темпоральность, аспектуальность и др.) и «далекими» (каузальность, кондициональность, concessивность и др.). Проблемы таксисной актуализации, в том числе, в контексте речевой реализации различных системно-языковых связей семантической категории таксиса, находят отражение в работах ряда отечественных лингвистов, выполненных в рамках традиций Санкт-Петербургской школы функциональной грамматики (вслед за А. В. Бондарко) с привлечением эмпирического материала различных языков. Целью данной работы является описание таксисных реализаций в высказываниях с предложными конструкциями, содержащих различные обстоятельственные предлоги (темпоральные, каузальные, concessивные, кондициональные, финальные и др.). Материалом настоящего исследования послужили немецкие высказывания с предложно-девербативными конструкциями, полученные методом направленной выборки из электронной базы Лейпцигского корпуса. В ходе исследования установлено, что межкатегориальные связи функционально-семантической категории таксиса с «близкими» и «далекими» семантическими категориями, носящие системный характер, находят выражение в конкретно-речевых реализациях в немецких высказываниях с предложными конструкциями. Темпоральные и другие обстоятельственные предлоги маркируют различные варианты обстоятельно-таксисных категориальных ситуаций одновременности и разновременности.

Ключевые слова: семантическая категория, функционально-семантическая категория, таксис, межкатегориальный статус, системные связи, конкретно-речевая реализация, таксисная актуализация, обстоятельно-таксисная категориальная ситуация, одновременность, разновременность

Для цитирования: Архипова И. В. Семантическая категория таксиса: системные связи и речевые реализации // Гуманитарные исследования. История и филология. 2024. № 13. С. 52–60. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2024-13-52-60>

Original article

THE SEMANTIC CATEGORY OF TAXIS: SYSTEM CONNECTIONS AND SPEECH IMPLEMENTATIONS

Irina V. Arkhipova

Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia, irarch@yandex.ru

Abstract. The focus of the review is the functional and semantic category of taxis in terms of its systemic connections and specific speech implementations. It reveals systemic paradigmatic connections with categories of two varieties – «close» (temporality, aspectuality, etc.) and «distant» (causality, conditionality, concessiveness, etc.). The problems of taxis actualization, including in the context of the speech implementation of various system-linguistic connections of the semantic category of taxis, are reflected in the works of a number of Russian linguists, carried out within the traditions of the St. Petersburg School of Functional Grammar (following A.V. Bondarko) with the involvement of empirical material from various languages. The purpose of this work is to describe taxis realizations in statements with prepositional constructions containing various circumstantial prepositions (temporal, causal, concessive, conditional, final, etc.). The material of this study is German statements with prepositional-deverbative constructions obtained by the method of directed sampling from the electronic database of the Leipzig Corpus. In the course of the study, it was found that the intercategory connections of the functional-semantic category of taxis with «close» and «distant» semantic categories, which are of a systemic nature, find expression in concrete speech implementations in German statements with prepositional constructions. Temporal and other circumstantial prepositions mark different variants of circumstantial-taxis categorial situations of simultaneity and non-simultaneity.

Keywords: semantic category, functional-semantic category, taxis, intercategory status, system connections, concrete speech realization, taxis actualization, circumstantial-taxis categorial situation, simultaneity, non- simultaneity

For citation: Arkhipova I. V. The semantic category of taxis: system connections and speech implementations. Humanitarian Studies. History and Philology. 2024;13:52-60. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2024-13-52-60>

Введение

В фокусе исследования – рассмотрение семантической / функционально-семантической категории таксиса в аспекте ее системных связей с другими семантическими категориями двух разновидностей – «близкими к категории таксиса» (см. темпоральность, аспектуальность и др.) и «далекими от категории таксиса» (см. категории с семантикой логической обусловленности, в частности, каузальность, кондициональность, concessивность и др.). Особое внимание уделяется вопросу таксисной актуализации в конкретно-речевых высказываниях немецкого языка.

Системно-языковые связи таксиса с другими семантическими категориями находят свое последовательное выражение в немецких высказываниях с предложно-девербативными конструкциями. Именно они послужили эмпирической базой настоящего исследования. Данные высказывания были получены методом направленной выборки из электронной базы данных Лейпцигского национального корпуса (LC).

Целью данной работы является описание таксисных реализаций в высказываниях с предложными девербативами, имеющих место вследствие наличия ряда системно-языковых связей категории таксиса.

Категория таксиса (будучи семантической / функционально-семантической) реализуется в речевом контексте в результате наличия различных системно-прагматических связей и различных межкатегориальных взаимодействий.

Основная часть

Проблемы таксисной актуализации, в том числе, в контексте речевой реализации различных системно-языковых связей семантической категории таксиса, находят отражение в работах ряда отечественных языковедов, выполненных в рамках традиций Санкт-Петербургской школы функциональной грамматики (вслед за А. В. Бондарко) с привлечением эмпирического материала различных языков (русского, немецкого, английского и др.) [Архипова 2020, 2022, 2023; Козинцева 1991; Кудинова 2014, 2015; Ляшенко 2019; Полянский 1991, 2017; Пупынин 1996; Шустова, Комиссарова 2015, 2020].

В теории функциональной грамматики следует выделять категориальные единства трех типов – грамматические (морфологические, синтаксические), лексико-грамматические и функционально-семантические категории [Бондарко 2011: 8]. Категория таксиса является сложным категориальным единством и трактуется как функционально-семантическая категория, имеющая полевую структуру.

Категория таксиса рассматривается как функционально-семантическая категория, характеризующая хронологические отношения между двумя и более действиями в рамках целостного периода времени и безотносительно к моменту речи, в частности, отношение одновременности и разновременности, соотношение основного и сопутствующего действий, а также синкретичное объединение и взаимодействие хронологического значения с обстоятельственными значениями логической обусловленности (инструментальными, медиальными, каузальными, концессивными, консекутивными и др.).

Ключевым понятием функциональной грамматики является понятие функционально-семантическое поле (ФСП), дающее системное основание для анализа семантических функций единиц разных языковых уровней [Бондарко 1984: 21–22]. ФСП рассматривается как базирующаяся на определенной семантической категории группировка грамматических, лексических и комбинированных средств конкретного языка, тесно взаимодействующих на основе общности их семантических функций [Бондарко 1984: 70–71; 2011: 31–39; 2017: 234–243]. В основе каждого ФСП лежит определенная семантическая категория (функционально-семантическая категория) – тот семантический инвариант (семантическая доминанта поля), который объединяет разноуровневые языковые средства и обуславливает их взаимодействие. Так, в основе ФСП таксиса находится семантическая / функционально-семантическая категория таксиса, объединяющая разноуровневые языковые средства.

Языковая репрезентация ФСП в речи, то есть в конкретных высказываниях того или иного языка, связана с термином категориальная ситуация, трактуемым как «выражаемая различными средствами высказывания типовая (выступающая в том или ином варианте) содержательная структура, базирующаяся на определенной семантической категории и образуемая ею в данном языке ФСП и представляющая собой один из аспектов общей

ситуации, передаваемой высказыванием, одну из его категориальных характеристик (аспектуальную, темпоральную, модальную и др.)» [Бондарко 1984: 99–124; 2002: 319–338; 2017a: 234–242].

Семантическая категория таксиса обнаруживает различные системно-парадигматические связи с другими семантическими категориями, реализуемые в конкретно-речевом (синтагматическом) контексте. Означает ли это, что функционально-семантическая категория таксиса имеет так называемый межкатегориальный статус? Не является ли это лингвистическим парадоксом? Является ли данная категория категориальным (как отмечалось выше) или межкатегориальным / поликатегориальным единством?

На наш взгляд, межкатегориальное в категориальном следует рассматривать как некоторый лингвистический феномен, характерный для функциональной грамматики как грамматики функционально-семантических полей и категориальных ситуаций. Для одной семантической категории характерно системное межкатегориальное, реализуемое в синтагматическом контексте. Межкатегориальное, то есть, в нашем случае, межкатегориальные связи таксиса с «близкими» семантическими категориями (темпоральности, аспектуальности и др.) осуществляется при конкретно-речевой реализации таксисных категориальных значений или актуализации таксисных категориальных ситуаций одновременности и разновременности в немецких высказываниях с предлогами темпоральной семантики.

Обстоятельственные предлоги темпоральной семантики маркируют при этом различные таксисные категориальные ситуации – категориальные ситуации одновременности (см. предлоги *während, bei, in, mit*) и разновременности (см. предлоги *seit, vor, nach, bis*), например:

(1) *Vor ihrer Abreise nach Brüssel* gibt Merkel am Donnerstagmorgen im Bundestag eine Regierungserklärung zum Gipfel ab (LC). – В четверг утром *перед отъездом в Брюссель* Меркель сделала правительственное заявление на саммите в Бундестаге (*перевод автора*).

(2) *Bei der Abreise* war es besonders toll (LC). – *При отъезде* было очень здорово (*перевод автора*).

(3) *Nach der Abreise* blieb es ruhig um den 74-jährigen Trump (LC). – *После ухода 74-летнего Трампа* наступила тишина (*перевод автора*).

В высказывании (1) актуализована таксисная категориальная ситуация разновременности, маркируемая темпоральным предлогом с семантикой строгого предшествования *vor*. В высказывании (2) реализована таксисная категориальная ситуация одновременности, эксплицируемая полисемичным обстоятельственным предлогом *bei* в темпоральном значении. В высказывании (3) выражена таксисная категориальная ситуация разновременности, в частности, строгого следования. Она маркируется темпоральным предлогом *nach* с семантикой следования.

Таксисная актуализация значений одновременности, предшествования и следования (см. примеры 1–3) является результатом наличия межкатегориальных связей «близких» и тесно взаимодействующих между собой семантических категорий таксиса и темпоральности. Межкатегориальные связи реализуются в конкретно-речевых высказываниях немецкого языка, содержащих предложно-девербативные конструкции с темпоральными предлогами.

Кроме того, функционально-семантическая категория таксиса взаимодействует с «далекими от нее» категориями с семантикой логической обусловленности – каузальности, концессивности, консекутивности, кондициональности, инструментальности, медиальности, финальности.

Системно-парадигматические связи таксиса с вышеперечисленными категориями реализуются в высказываниях с обстоятельственными полисемичными / моносемичными предложениями нетемпоральной семантики. К ним относятся следующие предлоги каузальной, кондициональной, концессивной, консекутивной, инструментальной / медиальной и финальной семантики – *bei, mit, unter, durch, wegen, aus, vor, trotz, ungeachtet, infolge, zu, für*. Они выступают в качестве маркеров различных обстоятельственно-таксисных категориальных ситуаций секундарного характера – каузально-таксисных, кондиционально-таксисных, концессивно-таксисных, консекутивно-таксисных, инструментально-таксисных, медиально-таксисных, финально-таксисных. Ср.:

(4) *Durch Vierteldrehung und ständiges Drehen, Heben und Eindrücken wird der konische Teil in dem Gehäuse eingeschliffen (LC)*. – Коническая часть притирается к корпусу *путем поворота на четверть и постоянного вращения, подъема и запрессовки (перевод автора)*. В примере актуализована инструментально-таксисная категориальная ситуация одновременности, маркируемая полисемичным предлогом *durch* в инструментальном значении.

В следующем примере с полисемичным предлогом *mit* в медиальном значении реализована медиально-таксисная категориальная ситуация одновременности: (5) *Bogorski bestätigte mit eifrigem Kopfnicken (LC)*. – Богорский подтвердил это *энергичным кивком головы (перевод автора)*.

Кондиционально-таксисная категориальная ситуация одновременности выражена в высказывании (6) с полисемичным предлогом *bei* в кондициональном значении: (6) *Aber beim genaueren Betrachten fallen Details auf, die stutzig machen (LC)*. – *Но если более присмотреться, то можно заметить детали, которые настораживают (перевод автора)*.

В высказывании (7) моносемичный каузальный предлог *wegen* эксплицирует каузально-таксисную категориальную ситуацию одновременности: (7) *Auf zwei Männer kommen Strafanzeigen wegen des Fahrens unter Drogeneinfluss zu (LC)*. – Двое мужчин привлечены к уголовной ответственности *за вождение в нетрезвом виде (перевод автора)*.

В примере (8) актуализована концессивно-таксисная категориальная ситуация одновременности, маркируемая моносемичным концессивным предлогом *trotz*: (8) *Trotz mehrfacher Aufforderung und trotz ihrer Schreie habe er nicht von ihr abgelassen (LC)*. – *Несмотря на неоднократные просьбы и несмотря на ее крики, он не отпускал ее (перевод автора)*.

В высказывании (9) свою речевую актуализацию находит консекутивно-таксисная категориальная ситуация одновременности. Она маркирована семантикой консекутивного немецкого предлога *infolge*: (9) *Infolge Enteignung während des 1. Weltkrieges ging die Firma auf Eschig über und trägt seitdem seinen Namen (там же)*. – *В результате экспроприации во время Первой мировой войны компания была передана Эшигу и с тех пор носит его имя (перевод автора)*.

В высказывании (10) реализована финально-таксисная категориальная ситуация одновременности. Ее маркером выступает финальный (целевой) предлог *zu*: (10) *Die braucht man doch zum Backen* (LC). – Они нужны для выпечки (перевод автора).

Актуализируемые обстоятельственно-таксисные категориальные ситуации одновременности (инструментально-таксисная, медиально-таксисная, кондиционально-таксисная, каузально-таксисная, концессивно-таксисная, консекутивно-таксисная, финально-таксисная) (см. примеры 4–10) являются результатом межкатегориальных связей и взаимодействий таксиса и «невременных» семантических категорий с семантикой логической обусловленности.

Заключение

Межкатегориальные связи функционально-семантической категории таксиса с «близкими» и «далекими» семантическими категориями темпоральности, каузальности, концессивности, консекутивности, кондициональности, инструментальности и др., носящие системный характер, находят свое последовательное выражение в конкретно-речевых реализациях в немецких высказываниях с различными предложно-девербативными конструкциями.

Тот факт, что семантическая категория обнаруживает и актуализует целый ряд системных связей, позволяет признать ее так называемый межкатегориальный статус. Межкатегориальный языковой статус семантической категории таксиса вполне можно интерпретировать как особый лингвистический феномен, присущий функциональной грамматике как «разноуровневой» грамматике функционально-семантических полей и категориальных ситуаций.

Отметим, что семантическая категория таксиса с полевой структурой характеризуется системно-парадигматическими (межкатегориальными) связями с «близкими» и «далекими» функционально-семантическими категориями или полями (ФСП). «Близкие» семантические категории, в частности, категория темпоральности, непосредственно участвуют в языковом выражении идеи времени. «Далекие» от таксиса категории характеризуются другой обстоятельственной (нетемпоральной) семантикой. Им присуща семантика логической обусловленности (каузальная, концессивная, консекутивная и др.).

Таксисная актуализация осуществляется в высказываниях немецкого языка, содержащих различные предложно-девербативные конструкции с обстоятельственными значениями (темпоральными, каузальными, концессивными, консекутивными, финальными и др.).

Темпоральные и другие обстоятельственные предлоги маркируют различные варианты обстоятельственно-таксисных категориальных ситуаций одновременности и разновременности.

Список литературы

1. Архипова И. В. Таксис и темпоральность в структуре поликатегориального комплекса // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2020. № 06. С. 130–135.
2. Архипова И. В. Темпорально-таксисное межкатегориальное взаимодействие // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2021. Т. 40. № 3. С. 368–377.

3. Архипова И. В. Межкатегориальные взаимодействия в таксисных семантических комплексах // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2. Филология и искусствоведение. 2022. № 3 (302). С. 15–20.
4. Архипова И. В. Системно-языковые и конкретно-речевые связи в сфере таксиса // Неофилология. 2023. Т. 9. № 1 (33). С. 89–96.
5. Бондарко А. В. Функциональная грамматика. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1984. 134 с.
6. Бондарко А. В. Теория значения в аспекте функциональной грамматики: на материале русского языка / Рос. академия наук. Ин-т лингвистических исследований. М. : Языки славянской культуры, 2002. 736 с.
7. Бондарко А. В. Категоризация в системе грамматики. М. : Языки славянских культур, 2011. 488 с.
8. Бондарко А. В. Глагольные категории в системе функциональной грамматики. 2-е изд. М. : Языки славянской культуры, 2017. 336 с.
9. Бондарко А. В. Общая характеристика семантики и структуры поля таксиса // Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис. Изд. 7-е. М. : ЛЕНАНД, 2017а. С. 234–242.
10. Козинцева Н. А. Временная локализованность действия и ее связи с аспектуальными, модальными и таксисными значениями; Отв. ред. А. В. Бондарко; АН СССР, Ин-т языкознания, Ленингр. отд-ние. Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1991. 143 с.
11. Кудинова Н. Л. Взаимодействие категорий таксиса и темпоральности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 12–2(42). С. 95–98.
12. Кудинова Н. Л. Взаимодействие категорий таксиса и аспектуальности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 10-2(52). С. 115–117.
13. Ляшенко Н. А. Функционально-семантическое поле таксиса в английском языке // Функционально-семантические поля разных типов в английском и русском языках : монография / Н. Г. Склярова, А. В. Николаева, К. Н. Симонова, Н. А. Ляшенко, С. Е. Молчанова. Ростов-на-Дону : Фонд науки и образования, 2019. С. 101–129.
14. Полянский С. М. К установлению признаков функционально-семантической категории таксиса // Функциональный анализ значимых языковых единиц в парадигматике и синтагматике : Межвуз. сб. науч. тр. / Новосибирск. гос. пед. ин-т; редкол.: С. М. Полянский (отв. ред.) и др. Новосибирск : Изд-во «Новосибирский государственный педагогический университет», 1991. С. 3–18.
15. Полянский С. М. Одновременность / разновременность и другие типы таксисных отношений // Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис : монография / А. В. Бондарко и др.; редкол.: А. В. Бондарко (отв. ред.) и др. Изд. 7-е. 2017. М. : ЛЕНАНД. С. 243–253.
16. Пупынин Ю. А. Грамматические категории русского глагола в их системно-парадигматических и функциональных связях // Межкатегориальные связи в грамматике. СПб. : Дмитрий Буланин, 1996. С. 43–60.
17. Шустова С. В., Комиссарова Е. С. К вопросу о межкатегориальном взаимодействии (на примере категории итеративности в немецком языке) // Евразийский вестник гуманитарных исследований. 2015. № 1(2). С. 115–118.
18. Шустова С. В., Комиссарова Е. С. Функциональный потенциал итеративных адвербиальных единиц немецкого языка. Пермь : Изд-во «Пермский институт экономики и финансов», 2020. 172 с.

Список источников

1. LC – Лаборатория корпусной лингвистики Лейпцигского университета. URL: <http://www.wortschatz.uni-leipzig.de> (дата обращения: 09.11.2023).

References

1. Arkhipova I. V. Taksis i temporal'nost' v strukture polikategorial'nogo kompleksa [Taxis and temporality in the structure of a polycategory complex]. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Modern science: current problems of theory and practice. Series: Humanities]. 2020, no. 06, pp. 130-135. (In Russ.).
2. Arkhipova I. V. Temporal'no-taksisnoe mezhkategorial'noe vzaimodeystvie [Temporal-taxis intercategory interaction]. *Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, yazykoznaneya* [Issues of journalism, pedagogy, linguistics]. 2021, vol. 40, no. 3, pp. 368-377. (In Russ.).
3. Arkhipova I. V. Mezhkategorial'nye vzaimodeystviya v taksisnykh semanticheskikh kompleksakh [Intercategory interactions in taxic semantic complexes]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Filologiya i iskusstvovedenie* [Bulletin of Adygea State University. Series 2. Philology and art history]. 2022, no. 3 (302), pp. 15-20. (In Russ.).
4. Arkhipova I. V. Sistemno-yazykovye i konkretno-rechevye svyazi v sfere taksisa [Systemic-linguistic and specific speech connections in the field of taxis]. *Neofilologiya* [Neophilology]. 2023, vol. 9, no. 1 (33), pp. 89-96. (In Russ.).
5. Bondarko A. V. Funktsional'naya grammatika [Functional grammar]. Leningrad, Nauka Publ., 1984, 134 p. (In Russ.).
6. Bondarko A. V. Teoriya znacheniya v aspekte funktsional'noy grammatiki: na materiale russkogo yazyka [Theory of meaning in the aspect of functional grammar: on the material of the Russian language]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2002, 736 p. (In Russ.).
7. Bondarko A. V. Kategorizatsiya v sisteme grammatiki [Categorization in the grammar system]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2011, 488 p. (In Russ.).
8. Bondarko A. V. Glagol'nye kategorii v sisteme funktsional'noy grammatiki [Verb categories in the functional grammar system]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2017, 336 p. (In Russ.).
9. Bondarko A. V. Obshchaya kharakteristika semantiki i struktury polya taksisa [General characteristics of the semantics and structure of the taxis field]. *Teoriya funktsional'noy grammatiki: Vvedenie, aspektual'nost', vremennaya lokalizovannost', taksis* [Functional grammar theory: Introduction, aspectuality, temporal localization, taxis]. Moscow, LENAND Publ., 2017a, pp. 234-242. (In Russ.).
10. Kozintseva N. A. Vremennaya lokalizovannost' deystviya i ee svyazi s aspektual'nymi, modal'nymi i taksisnymi znacheniyami [Temporal localization of action and its connection with aspectual, modal and taxis meanings]. Leningrad, Nauka Publ., Leningradskoe otdelenie Publ., 1991, 143 p. (In Russ.).
11. Kudinova N. L. Vzaimodeystvie kategoriy taksisa i temporal'nosti [Interaction of the categories of taxis and temporality]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Questions of theory and practice]. 2014, no. 12-2(42), pp. 95-98. (In Russ.).
12. Kudinova N. L. Vzaimodeystvie kategoriy taksisa i aspektual'nosti [Interaction of the categories of taxis and aspectuality]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Questions of theory and practice]. 2015, no. 10-2(52), pp. 115-117. (In Russ.).
13. Lyashenko N. A. Funktsional'no-semanticheskoe pole taksisa v angliyskom yazyke [Functional-semantic field of taxis in English]. *Funktsional'no-semanticheskie polya raznykh tipov v angliyskom i russkom yazykakh* [Functional-semantic fields of different types in English and Russian languages]. Rostov-na-Donu, Fond nauki i obrazovaniya Publ., 2019, pp. 101-129. (In Russ.).
14. Polyanskiy S. M. K ustanovleniyu priznakov funktsional'no-semanticheskoy kategorii taksisa [Towards the establishment of signs of the functional-semantic category of taxis]. *Funktsional'nyy analiz znachimykh yazykovykh edinits v paradigmatiche i sintagmatike* [Functional analysis of significant linguistic units in paradigmatics and syntagmatics]. Novosibirsk, Novosibirskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet Publ., 1991. C. 3-18. (In Russ.).

15. Polyanskiy S. M. *Odnovremennost' / raznovremennost' i drugie tipy taksisnykh otnosheniy* [Simultaneity/multi-temporality and other types of taxis relations]. *Teoriya funktsional'noy grammatiki: Vvedenie, aspektual'nost', vremennaya lokalizovannost', taksis* [Functional grammar theory: Introduction, aspectuality, temporal localization, taxis]. Ed. 7th, 2017, Moscow, LENAND Publ., pp. 243-253. (In Russ.).

16. Pupynin Yu. A. *Grammaticheskie kategorii russkogo glagola v ikh sistemno-paradigmaticheskikh i funktsional'nykh svyazey* [Grammatical categories of the Russian verb in their systemic-paradigmatic and functional connections]. *Mezhkategorial'nye svyazi v grammatike* [Intercategorical connections in grammar]. Saint Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 1996, pp. 43-60. (In Russ.).

17. Shustova S. V., Komissarova E. S. *K voprosu o mezhkategorial'nom vzaimodeystvii (na primere kategorii iterativnosti v nemetskom yazyke)* [On the issue of intercategory interaction (using the example of the category of iterativity in the German language)]. *Evraziyskiy vestnik gumanitarnykh issledovaniy* [Eurasian Journal of Humanitarian Research]. 2015, no. 1(2), pp. 115-118. (In Russ.).

18. Shustova S.V., Komissarova E.S. *Funktsional'nyy potentsial iterativnykh adverbial'nykh edinit nemetskogo yazyka* [Functional potential of iterative adverbial units of the German language]. Perm, Permskiy institut ekonomiki i finansov Publ., 2020, 172 p. (In Russ.).

List of sources

1. LC - *Laboratoriya korpusnoy lingvistiki Leyptsigskogo universiteta* [LC – Laboratory of Corpus Linguistics, University of Leipzig]. (In Russ.). Available at: <http://www.wortschatz.uni-leipzig.de> (accessed: 09.11.2023).

Информация об авторе

И. В. Архипова – доктор филологических наук, профессор, кафедра романо-германских языков, Новосибирский государственный педагогический университет.

Information about the author

I. V. Arkhipova – Grand Ph.D. (Philology), Associate Professor, Department of Romano-Germanic Languages, Novosibirsk State Pedagogical University.

Статья поступила в редакцию 09.11.2023; одобрена после рецензирования 25.11.2023; принята к публикации 10.01.2024.

The article was submitted 09.11.2023; approved after reviewing 25.11.2023; accepted for publication 10.01.2024.

Гуманитарные исследования. История и филология. 2024. № 13. С. 61–69.

Humanitarian Studies. History and Philology. 2024. No. 13. P. 61-69.

Научная статья

УДК 81'272

doi: 10.24412/2713-0231-2024-13-61-69

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ КОНЦЕПТА *WELL* В СУПЕРСТРАТЕ И СУБСТРАТЕ (НА ПРИМЕРЕ АНГЛИЙСКОГО И НИГЕРИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

Екатерина Олеговна Зубарева¹, Полина Павловна Чернышева²

^{1,2} Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия

¹ fialka21-85@mail.ru

² lina-linapavlovna@mail.ru

Аннотация. Миграция и мобильность людей в разных формах и по разным причинам являются важными аспектами современного мира. Вследствие этих процессов особое значение для лингвистической науки приобретает изучение устоявшихся и вновь образующихся пиджинов, возникающих при постоянном контакте представителей разных культур в качестве межнационального языка для упрощения коммуникации. Статья посвящена изучению особенностей функционирования концепта *WELL* в английском языке как языке-источнике и его пиджине в нигерийском языке. Данный концепт выбран в силу своей распространенности и многозначности в английском языке в силу чего является ярким примером для иллюстрации семантических сдвигов, которые возникают при его коммуникативной реализации в субстрате. Нигерийский язык – креольский язык, распространенный в Нигерии, на котором говорят свыше 75 миллионов человек, при этом он не имеет официального статуса. Анализ проводится в три этапа: осуществляется дефиниционный анализ, контекстуальный анализ, также выявляются синтагматические связи лексемы *well*. Многокомпонентное исследование позволяет проследить лексические трансформации и преобразование лексемы *well* в нигерийском варианте английского языка. Исследование выполнено в рамках миграционной лингвистики, которая занимается изучением влияния миграционных процессов на язык и базовых категорий миграционного дискурса.

Ключевые слова: пиджин, креольский язык, субстрат, суперстрат, семантический сдвиг, миграционная лингвистика, синтагматическая модель.

Для цитирования: Зубарева Е. О., Чернышева П. П. Функционирование концепта *WELL* в суперстрате и субстрате (на примере английского и нигерийского языков) // Гуманитарные исследования. История и филология. 2024. № 13. С. 61–69. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2024-13-61-69>

Original article

THE FUNCTIONING OF THE CONCEPT *WELL* IN THE SUPERSTRATE AND SUBSTRATE (USING THE EXAMPLE OF THE ENGLISH AND NIGERIAN LANGUAGES)

Ekaterina O. Zubareva¹, Polina P. Chernysheva²

^{1,2} Perm State University, Perm, Russia

¹ fialka21-85@mail.ru

² lina-linapavlovna@mail.ru

Abstract. Migration and mobility of people in different forms and for different reasons are important aspects of the modern world. As a result of these processes, the study of established and newly formed pidgins, which arise from constant contact between representatives of different cultures as an international language to simplify communication, is of particular importance for linguistic science. The article is devoted to the study of the peculiarities of the functioning of the concept WELL in English as a source language and its pidgin in the Nigerian language. This concept is chosen due to its prevalence and ambiguity in the English language, which is why it is a vivid example to illustrate the semantic shifts that arise during its communicative implementation in the substrate. The Nigerian language is a Creole language spoken in Nigeria by over 75 million people, but it does not have an official status. The analysis is carried out in three stages: a definitional analysis, a contextual analysis, and the syntagmatic connections of the chosen concept are also revealed. The multicomponent study allows us to trace the lexical transformations of the lexeme *well* in the Nigerian version of the English language. The research is carried out within the framework of migration linguistics, which studies the influence of migration processes on language and basic categories of migration discourse.

Keywords: pidgin, Creole language, substrate, superstrate, semantic shift, migration linguistics, syntagmatic model.

For citation: Zubareva E. O., Chernysheva P. P. The functioning of the concept *well* in the superstrate and substrate (using the example of the English and Nigerian languages). *Humanitarian Studies. History and Philology*. 2024;13:61-69. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2024-13-61-69>

Введение

Миграция и мобильность людей в разных формах и по разным причинам являются важными аспектами современного мира [см., например, Малахова, Шустова 2023; Мамонова 2023]. Вследствие этих процессов особое значение для лингвистической науки приобретает изучение устоявшихся и вновь образующихся пиджинов, возникающих при постоянном контакте представителей разных культур в качестве межнационального языка для упрощения коммуникации.

В результате происходит упрощение структур субстрата на лексическом, синтаксическом, морфологическом и фонетическом уровнях, неизбежно выбрасывается всё «лишнее», включая маркировку падежа, числа, времени и т. д. Кроме того, их словарный запас сокращается до максимума 2000 единиц [Зарецкий 2007: 69].

В субстрате в сравнении с суперстратом могут появляться новые элементы из чужого языка, происходит процесс ослабления языкового содержания отдельных языковых единиц [Бодуэн де Куртенэ 1963]. Пиджин рассматривается как совокупность элементов европейского языка и языка местного населения [Мечковская 2000: 109]. Язык формируется вместе с образованием этноса, «проблемы этнической самобытности, противостояния все усиливающимся процессам и вызовам глобализации невозможно решать без учета главного инструмента культурного самовыражения – языка» [Иоселиани 2018: 8].

Исследование выполнено в рамках миграционной лингвистики, которая занимается изучением влияния миграционных процессов на язык, а также вербализации концептосферы МИГРАЦИЯ и базовых категорий миграционного дискурса [Аллен 2022; Саакян 2023; Сюткина, Черноусова 2019]. Например, в английском языке лексикографический анализ позволяет сделать вывод о том, что в концептосферу MIGRATION могут входить языковые единицы, связанные с любым перемещением, родиной, домом, путешествием, новым местом, желанием заработать деньги, политикой и законом, интеграцией в новое общество, поиском новых возможностей, адаптацией к новой среде [Зубарева, Хамадиев 2023: 63].

Основная часть

В статье изучается концепт WELL в английском языке и его нигерийском варианте. Нигерийский язык – креольский язык, распространенный в Нигерии, на котором говорят свыше 75 миллионов человек, при этом он не имеет официального статуса. Лексика этого языка включает элементы местных языков (йоруба, игбо, хауса, фула) и ямайского патуа, привезённого бывшими рабами из Вест-Индии. Нигерийский язык используется в средствах массовой информации и в качестве разговорного языка для представителей разных этнических групп, населяющих Нигерию [Wikipedia: эл. ресурс].

Для достоверности наших предположений о значительном сужении значений слов в пиджинах и приобретению особой национально-культурной маркированности нами проведен трехэтапный анализ. Данный концепт выбран в силу своей распространенности и важности в английском языке.

На первом этапе лексикографический и дифференциальный анализ лексемы *well* осуществлялся с помощью трех словарей английского языка [Cambridge Dictionary, Oxford Learner's Dictionaries, Collins Dictionary: эл. ресурс]. Зафиксированы следующие значения:

- 1) good [Oxford Learner's Dictionaries, Collins Dictionary: эл. ресурс];
- 2) almost; almost completely [Oxford Learner's Dictionaries: эл. ресурс];
- 3) very [Cambridge Dictionary: эл. ресурс];
- 4) healthy [Cambridge Dictionary, Collins Dictionary: эл. ресурс];
- 5) strong [Collins Dictionary: эл. ресурс];
- 6) prudent; advisable [Collins Dictionary: эл. ресурс];
- 7) prosperous [Collins Dictionary: эл. ресурс];
- 8) fortunate, happy [Collins Dictionary: эл. ресурс];
- 9) satisfactory, agreeable, or pleasing [Collins Dictionary: эл. ресурс];
- 10) to a great degree, or completely [Cambridge Dictionary, Oxford Learner's Dictionaries: эл. ресурс];
- 11) in a good way, to a high or satisfactory standard [Cambridge Dictionary: эл. ресурс];
- 12) with good reason [Cambridge Dictionary: эл. ресурс].
- 13) to indicate that you are about to say something [Collins Dictionary: эл. ресурс];
- 14) to indicate that you intend or want to carry on speaking [Collins Dictionary: эл. ресурс];
- 15) to indicate that you are changing the topic, and are either going back to something that was being discussed earlier or are going on to something new [Collins Dictionary: эл. ресурс];
- 16) to express your surprise or anger at something that someone has just said or done [Collins Dictionary: эл. ресурс];

17) to indicate that you are waiting for someone to say something and often to express your irritation with them [Collins Dictionary: эл. ресурс];

18) to indicate that you are amused by something you have heard or seen, and often to introduce a comment on it [Collins Dictionary: эл. ресурс];

19) a deep hole in the ground from which you can get water, oil, or gas [Cambridge Dictionary: эл. ресурс];

20) to appear on the surface of something or come slowly out from somewhere [Cambridge Dictionary: эл. ресурс];

21) *used to emphasize some prepositions* (well above) [Cambridge Dictionary: эл. ресурс];

22) *used to emphasize some adjectives* (well aware, well worth) [Cambridge Dictionary: эл. ресурс];

23) *as a discourse marker* [Cambridge Dictionary: эл. ресурс].

Исходя из результатов лексикографического анализа, можно отметить многообразие значения лексемы *well*: от базовых значений и различию только по частям речи до объяснения оттенка слова в зависимости от контекста.

Можно сделать вывод о том, что концепт WELL для носителя английского языка связан прежде всего с выражением собственной позиции без конкретного указания своего мнения, в некой завуалированной форме.

На втором этапе исследования проводится контекстуальный анализ лексемы *well* в английском языке на базе видео-контентов, словарей, в нигерийском пиджине на материале сайта BBC News Pidgin [BBC News Pidgin: эл. ресурс] и других электронных источников. Всего проанализировано 689 в английском языке (литературные произведения, социально-политическое СМИ, повседневное общение) и 44 в нигерийском языке («жёлтая пресса», социально-политическое СМИ, интернет-общение)

На различных интернет-ресурсах, публикующих контент на нигерийском языке, было зафиксировано всего 2 значения: *gbam* и *very*. В английском языке контекстуальный анализ демонстрирует расширение семантического потенциала концепта WELL, появляются новые компоненты значения, например, *без проблем, гладко, известный* (Таб. 1).

Таблица 1. Контекстуальный анализ лексемы *well*

Английский язык	Нигерийский язык
Правильный (<i>right</i>)	Правильно (<i>gbam</i>)
Здоровый (<i>healthy</i>)	Очень (<i>very</i>)
Сильный (<i>strong</i>)	
Гладко, без проблем (<i>smooth</i>)	
Удовлетворительно, на должном уровне (<i>satisfactory</i>)	
В значительной степени, вполне (<i>considerably, substantially</i>)	
Известный (<i>famous</i>)	

Приведем примеры употребления лексемы *well* в английском языке.

1. *Pamela fills his glass and stands beside him. Why, Mrs. Jewkes, you tell me she remains very sullen and eats nothing, yet I think I never saw her look better in my life. I suppose she lives on love. The sweet Mr. Williams has kept her alive and well* (Памела наполняет его стакан и

становится рядом с ним: Вы говорите мне, миссис Джукс, что она по-прежнему очень угрюма и ничего не ест, хотя, кажется, я никогда в жизни не видела, чтобы она выглядела лучше. Полагаю, она живет любовью. Милый мистер Уильямс сохранил ей жизнь и здоровье) [Richardson, Fidelis, Havergal: эл. ресурс].

2. *He is not a well man* (Он не сильный мужчина) [Dictionary.com: эл. ресурс].

3. *Forza Motorsport's message to the community isn't going over well* (Послание Forza Motorsports сообществу не прошло гладко) [Gamerant: эл. ресурс].

4. *What to do if your child does not mingle well* (Что делать, если ваш ребенок плохо общается) [Leadership: эл. ресурс].

5. *He could well imagine how much his promise was going to cost him* (Он вполне мог себе представить, во что ему обойдется его обещание) [Cambridge Dictionary: эл. ресурс].

6. *GUIL: I can't imagine! (Pause.) But all that is well known, common property. Yet he sent for us. And we did cone.*

ROS: (Alert, ear cocked) I say! I heard music

GUIL: We're here.

ROS: Like a band – I thought I heard a band.

(ГИЛЬДЕНШТЕРН: Не могу себе представить! (Пауза.) Но все это известно, общее достояние. И все же он послал за нами. И мы сделали конус. РОЗЕНКРАНТЦ: (Настороженно, наострив уши) Я говорю! Я услышал музыку.

ГИЛЬДЕНШТЕРН: Мы здесь.

РОЗЕНКРАНТЦ: Как группа. Мне показалось, что я услышал группу) [Stoppard: эл. ресурс].

Приведем примеры употребления лексемы *well* в нигерийском языке.

1. *If I give you work, you go do am well?* (Если я дам тебе работу, то ты сделаешь её хорошо?) [Reddit: эл. ресурс].

2. *Man who wan manage wealth well must first learn how to close zip* (Человек, который хочет стать очень богатым, должен сначала научиться застёгивать молнию) [BBC News Pidgin: эл. ресурс].

На третьем этапе исследования мы анализируем синтагматические связи лексемы *well* на базе тех же источников, что и при контекстуальном анализе. Результаты представлены на диаграммах.

Диаграмма 1. Синтагматическая модель концепта WELL в английском языке

1. *Well, I have indeed gone too far. I was bewitched!* (Что ж, я действительно зашла слишком далеко. Я была околдована!) [Richardson, Fidelis, Havergal: эл. ресурс].

2. *It is evident that Heineken Saint Lucia Ltd didn't do well under his leadership* (Очевидно, что Heineken Saint Lucia Ltd под его руководством не преуспела) [Times: эл. ресурс].

3. *The dining commons here are well known for their groundbreaking food* (Здесь рестораны хорошо известны своей новаторской едой) [Massachusetts Daily Collegian: эл. ресурс].

4. *Speaking of politeness, if you're a classy person, you're probably known for being well-mannered and pleasant to be around* (Говоря о вежливости, если вы классный человек, вы, вероятно, известны своими хорошими манерами и приятным обществом) [HackSpirit: эл. ресурс].

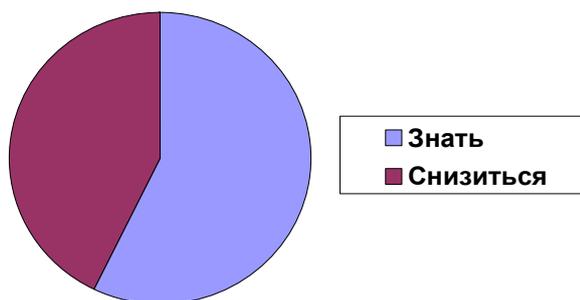

Диаграмма 2. Синтагматическая модель концепта WELL в нигерийском языке

1. *For di list wey dem bring out, Nigerian singer, Ahmed Ololade wey pipo sabi well well as Asake top di category for trending musicians* (В список включили нигерийского певца Ахмеда Ололаде, которого хорошо известен (хорошо знают люди), также входит в топ-категории популярных музыкантов Асаке) [BBC Pidgin: эл. ресурс].

2. *Infections don drop well-well since dat time and India don dey get average new cases of 2,500 daily for some time* (С тех пор число инфекций значительно снижается, и в течение некоторого времени в Индии в среднем не регистрируется 2500 новых случаев в день) [BBC Pidgin: эл. ресурс].

Заключение

Таким образом синтагматические модели демонстрируют, что в обоих языках лексема *well*, в первую очередь, выполняет функцию дискурсивного маркера. При этом данная лексема в английском языке ассоциируется с действием, известностью и воспитанностью, нигерийском пиджине – с едой, что отражает национально-культурную маркированность, то есть для носителей пиджина это лишь подчёркивает или усиливает значение какого-то действия, и в основном служит для оценочных суждений. Значение лексемы *well* в нигерийском пиджине сохраняет в основном бытовой характер, поскольку выражает оценку.

В результате анализа концепта WELL в английском и нигерийском языке можно сделать следующие выводы. В пиджинах происходит упрощение или сужение значения. Упрощение значения связано с прагматической составляющей контактного языка – максимально чётко сформулировать и донести мысль. Лексемы приобретают большую универсальность. Приобретение универсальности напрямую связано с функцией пиджина – упрощение общения между представителями разных культур.

В пиджинах лексемы сохраняют или приобретают значения, которые характеризуют национальный менталитет и культуру их носителей. Происходит примитивизация связи лексемы с другими частями предложения (например, утрата падежных оборотов или любой другой грамматической связи).

Список литературы

1. Аллен М. Ю. Полевое моделирование концептов МИГРАЦИЯ / MIGRATION // Миграционная лингвистика. 2022. № 4. С. 15–25.
2. Бодуэн де Куртенэ И. А. О смешанном характере всех языков // Избранные труды по общему языкознанию: В 2 т. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1963. Т. 1. С. 362–372.
3. Зарецкий Е. В. Английский язык vs ток-писин: типологические параллели // Вопросы филологических наук. 2007. № 2. С. 68–84.
4. Зубарева Е. О., Хамадиев М. И. Репрезентация концептосферы MIGRATION в английской фразеологии // Миграционная лингвистика. 2023. № 5. С. 59–70.
5. Иоселиани А. Д. Динамика языка в глобальном мире // Евразийский гуманитарный журнал. 2018. № 3. С. 7–13.
6. Мечковская Н. Б. Социальная Лингвистика. М. : Аспент Пресс, 2000. 208 с.
7. Малахова, Е. В., Шустова С. В. Репрезентация концептов МИГРАЦИЯ/ МИГРАНТ во фразеологии русского языка // Миграционная лингвистика. 2023. № 5. С. 43–58.
8. Мамонова Н. В. Медиадискурс в эпоху глобализации и миграции // Миграционная лингвистика. 2023. № 5. С. 4–12.
9. Мультиязычная универсальная интернет-энциклопедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/>; <https://ht.wikipedia.org/wiki/Gifrants> (дата обращения: сентябрь 2023).
10. Саакян А. А. Репрезентация концепта МИГРАЦИЯ в национальном корпусе русского языка // Миграционная лингвистика. 2023. № 5. С. 35–42.
11. Сюткина Н. П., Черноусова А. С. Миграционный медийный дискурс: к постановке проблемы // Миграционная лингвистика. 2019. № 2. С. 35–43.
12. BBC News Pidgin. URL: <https://www.bbc.com/pidgin>; <https://www.bbc.com/pidgin/articles/c1v2dr2qnvzo>; <https://www.bbc.com/pidgin/world-60778323> (дата обращения: сентябрь-октябрь 2023).
13. Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: октябрь-декабрь 2023).
14. Collins English Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/> (дата обращения: июль-сентябрь 2023).
15. Dictionary.com. URL: <https://www.dictionary.com/browse/well> (дата обращения: декабрь 2023).
16. Gamerant.com. URL: <https://gamerant.com/forza-motorsports-fix-bugs-message/> (дата обращения: декабрь 2023).
17. Leadership. URL: <https://leadership.ng/what-to-do-if-your-child-does-not-mingle-well/> (дата обращения: декабрь 2023).
18. Massachusetts Daily Collegian. URL: <https://dailycollegian.com/2023/05/satire-umass-dining-is-finally-named-1/> (дата обращения: июль-август 2023).
19. Oxford Learner's Dictionary. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (дата обращения: октябрь-декабрь 2023).
20. Reddit. URL: <https://www.reddit.com/r/PidginEnglish/s/cOARodLLDV> (дата обращения: октябрь 2023).

21. Richardson S., Fidelis M., Havergal G. Pamela, or, The reform of a rake: a play adapted from the novel by UK: Amber Lane Press, 1987, pp. 5-77. URL: <https://www.english-corpora.org/bnc/> (дата обращения: декабрь 2023).

22. Times. URL: <https://stluciatimes.com/156332/2023/07/heineken-saint-lucia-ltd-appoints-first-female-managing-director/> (дата обращения: декабрь 2023).

References

1. Allen M. Ju. Polevoe modelirovanie konceptov MIGRACIJa / MIGRATION [Field modeling of MIGRATION concepts]. *Migracionnaja lingvistika* [Migration linguistics]. 2022, no. 4, pp. 15-25. (In Russ.).

2. Bodujen de Kurtenje I. A. O smeshannom haraktere vseh jazykov [On the mixed nature of all languages]. *Izbrannye trudy po obshhemu jazykoznaniju* [Selected works on general linguistics]. Moscow, Izd-vo Akad. nauk SSSR Publ., 1963, vol. 1, pp. 362-372. (In Russ.).

3. Zareckij E. V. Anglijskij jazyk vs tok-pisin: tipologicheskie paralleli [English vs Tok Pisin: typological parallels]. *Voprosy filologicheskikh nauk* [Questions of philological sciences]. 2007, no. 2, pp. 68-84. (In Russ.).

4. Zubareva E. O., Hamadiev M. I. Rezentacija konceptosfery MIGRATION v anglijskoj frazeologii [Representation of the MIGRATION concept sphere in English phraseology]. *Migracionnaja lingvistika* [Migration linguistics]. 2023, no. 5, pp. 59-70. (In Russ.).

5. Ioseliani A. D. Dinamika jazyka v global'nom mire [Dynamics of language in a global world]. *Evrazijskij gumanitarnyj zhurnal* [Eurasian Humanitarian Journal]. 2018, no. 3, pp. 7-13. (In Russ.).

6. Mechkovskaja N. B. Social'naja Lingvistika [Social Linguistics]. Moscow, Aspent Press Publ., 2000, 208 p. (In Russ.).

7. Malahova, E. V., Shustova S. V. Rezentacija konceptov MIGRACIJa/ MIGRANT vo frazeologii russkogo jazyka [Representation of the concepts MIGRATION/MIGRANT in the phraseology of the Russian language]. *Migracionnaja lingvistika* [Migration linguistics]. 2023, no. 5, pp. 43-58. (In Russ.).

8. Mamonova N. V. Mediadiskurs v jepohu globalizacii i migracii [Media discourse in the era of globalization and migration]. *Migracionnaja lingvistika* [Migration linguistics]. 2023, no. 5, pp. 4-12. (In Russ.).

9. Mul'tijazychnaja universal'naja internet-jenciklopedija [Multilingual universal Internet encyclopedia]. (In Russ.). Available at: <https://ru.wikipedia.org/>; <https://ht.wikipedia.org/wiki/Gifrants> (accessed: September 2023).

10. Saakjan A. A. Rezentacija koncepta MIGRACIJa v nacional'nom korpuse russkogo jazyka [Representation of the concept MIGRATION in the national corpus of the Russian language]. *Migracionnaja lingvistika* [Migration linguistics]. 2023, no. 5, pp. 35- 42. (In Russ.).

11. Sjutkina N. P., Chernousova A. S. Migracionnyj medijnyj diskurs: k postanovke problemy [Migration media discourse: to the formulation of the problem]. *Migracionnaja lingvistika* [Migration linguistics]. 2019, no. 2, pp. 35- 43. (In Russ.).

12. BBC News Pidgin. URL: <https://www.bbc.com/pidgin>; <https://www.bbc.com/pidgin/articles/c1v2dr2qnvzo>; <https://www.bbc.com/pidgin/world-60778323> (дата обращения: сентябрь-октябрь 2023).

13. Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: октябрь-декабрь 2023).

14. Collins English Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/> (дата обращения: июль-сентябрь 2023).

15. Dictionary.com. URL: <https://www.dictionary.com/browse/well> (дата обращения: декабрь 2023).

16. Gamerant.com. URL: <https://gamerant.com/forza-motorsports-fix-bugs-message/> (дата обращения: декабрь 2023).
17. Leadership. URL: <https://leadership.ng/what-to-do-if-your-child-does-not-mingle-well/> (дата обращения: декабрь 2023).
18. Massachusetts Daily Collegian. URL: <https://dailycollegian.com/2023/05/satire-umass-dining-is-finally-named-1/> (дата обращения: июль-август 2023).
19. Oxford Learner's Dictionary. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (дата обращения: октябрь-декабрь 2023).
20. Reddit. URL: <https://www.reddit.com/r/PidginEnglish/s/cOArOdLLDV> (дата обращения: октябрь 2023).
21. Richardson S., Fidelis M., Havergal G. Pamela, or, The reform of a rake: a play adapted from the novel by UK: Amber Lane Press, 1987, pp. 5-77. URL: <https://www.english-corpora.org/bnc/> (дата обращения: декабрь 2023).
22. Times. URL: <https://stluciatimes.com/156332/2023/07/heineken-saint-lucia-ltd-appoints-first-female-managing-director/>

Информация об авторах

Е. О. Зубарева – кандидат филологических наук, доцент, кафедра лингвистики и перевода, Пермский государственный национальный исследовательский университет;

П. П. Чернышева – студент, факультет современных иностранных языков и литератур, Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Information about the authors

E. O. Zubareva – Ph. D. (Philology), Associate Professor, Department of Linguistics and Translation, Perm State University;

P. P. Chernysheva – Student, Faculty of Modern Foreign Languages and Literatures, Perm State University.

Статья поступила в редакцию 09.12.2023; одобрена после рецензирования 25.12.2023; принята к публикации 10.01.2024.

The article was submitted 09.12.2023; approved after reviewing 25.12.2023; accepted for publication 10.01.2024.

Гуманитарные исследования. История и филология. 2024. № 13. С. 70–77.

Humanitarian Studies. History and Philology. 2024. No. 13. P. 70-77.

Научная статья

УДК 81'276.5

doi: 10.24412/2713-0231-2024-13-70-77

ДЕФИНИЦИОННЫЙ АНАЛИЗ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ *MEDICAL INSTITUTIONS* / МЕДИЦИНСКИЕ ЗАВЕДЕНИЯ В СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Ирина Аркадьевна Гроховская

Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева, Астрахань, Россия,

irinagroh83@gmail.com

Аннотация. В статье представлен анализ субстандартных лексических единиц лексико-семантической группы *Medical institutions* / *Медицинские заведения*, являющейся частью семантического поля «Medicine» / «Медицина», в английском и русском языках. Рабочим материалом исследования послужили субстандартные лексические единицы, отобранные из наиболее авторитетных лексикографических источников английского и русского языков. Посредством дефиниционного анализа были выявлены базовые и дополнительные семантические характеристики соответствующих лексических единиц, которые составляют прагматический макрокомпонент в структуре их значения и обуславливают выбор определенных языковых форм при номинации тех или иных объектов и явлений медицинской сферы. В данной статье обозначены англоязычные и русскоязычные семантические подгруппы, входящие в состав рассматриваемой лексико-семантической группы, отражено процентное соотношение лексических единиц той или иной семантической подгруппы в английском и русском языках. По результатам исследования проведен анализ количественного и качественного состава лексико-семантической группы *Medical institutions* / *Медицинские заведения*, актуализированы дополнительные семантические характеристики, выявлены их сходства и различия в разноструктурных языках. Соотношение семантических подгрупп в границах лексико-семантической группы *Medical institutions* / *Медицинские заведения*, имеющее табличное выражение, позволяет отследить, какие из обозначенных подгрупп получили наибольшую и наименьшую реализацию на субстандартном лексическом уровне английского и русского языков в границах семантического поля «Medicine» / «Медицина».

Ключевые слова: субстандартная лексика, субстандартная лексическая единица, субстандартный языковой уровень, семантическое поле «Medicine» / «Медицина», лексико-семантическая группа, семантическая характеристика

Для цитирования: Гроховская И. А. Дефиниционный анализ лексико-семантической группы *medical institutions* / *медицинские заведения* в сравнительно-сопоставительном аспекте в английском и русском языках // Гуманитарные исследования. История и филология. 2024. № 13. С. 70–77. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2024-13-70-77>

Original article

DEFINITIONAL ANALYSIS OF LEXICAL SEMANTIC GROUP *MEDICAL INSTITUTIONS* / *MEDICAL INSTITUTIONS* IN COMPARATIVE ASPECT IN ENGLISH AND RUSSIAN

Irina A. Grokhovskaya

Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev, Astrakhan, Russia,
irinagroh83@gmail.com

Abstract. The article refers to the substandard lexical units' analysis of the lexical-semantic group *Medical Institutions* / *Медицинские заведения*, which is a part of the semantic field *Medicine* / *Медицина*, in the English and Russian languages. The working material of the study is sub-standard lexical units selected from the most authoritative lexicographic sources of English and Russian languages. By definitional analysis, the basic and additional semantic characteristics of the corresponding lexical units were identified. They constitute a pragmatic macrocomponent in the structure of their meaning and they determine the choice of certain language forms when nominating certain objects and phenomena of the medical field. This article identifies the English-speaking and Russian-speaking semantic subgroups that are part of the lexico-semantic group under consideration and reflects the percentage of lexical units of a particular semantic subgroup in English and Russian. Based on the results of the study, the quantitative and qualitative composition of the lexical-semantic group *Medical Institutions* / *Медицинские заведения* was analyzed, additional semantic characteristics were updated, their similarities and differences in different structural languages were revealed. The ratio of semantic subgroups within the lexical-semantic group *Medical institutions* / *Медицинские заведения*, which has a tabular expression, allows you to track which of the designated subgroups received the greatest and least implementation at the substandard lexical level of English and Russian languages within the boundaries of the semantic field «*Medicine*» / «*Медицина*».

Keywords: substandard vocabulary, substandard lexical unit, substandard language level, semantic field «*Medicine*», lexical semantic group, semantic characteristic.

For citation: Grokhovskaya I. A. Definitional analysis of lexical semantic group *medical institutions* / *medical institutions* in comparative aspect in English and Russian. *Humanitarian Studies. History and Philology*. 2024;13:70-77. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2024-13-70-77>

Введение

Медицинская сфера деятельности сегодня представляет собой не только профессиональное сообщество, объединенное общими задачами и правилами функционирования, имеющее развитую терминосистему, но и окружающее его социальное пространство, в связи причастности каждого индивида к медицинской сфере. Помимо непосредственно профессиональных отношений на первом коммуникационном уровне (профессионал – профессионал), довольно активно развивается так называемая «наивная коммуникация», которая выходит за пределы профессионального медицинского сообщества и распространяется на бытовое, повседневное общение в рамках медицинской тематики между коммуникантами, не являющимися представителями академической медицинской среды. Часто такого рода коммуникация характеризуется отсутствием фонетических и стилистических норм, использованием обценной лексики, пренебрежением качественным

языковым выражением. Лексика, выходящая за пределы языковой нормы, находит отражение в субстандартном лексическом слое, представляющим собой общеизвестную лексику, употребляющуюся внутри группы или в обществе в целом преимущественно в устном дискурсе и характеризующуюся эмоционально-экспрессивной окрашенностью и стилистической сниженностью [Каюмова 2022; Майборода 2017: 64; Сакаева, Тахтарова 2022].

Основная часть

Субстандартные лексические единицы, номинирующие терминологические понятия медицинской сферы, формируют, наряду с установленной стандартной терминосистемой, семантическое поле «Medicine» / «Медицина». Методом сплошной выборки из наиболее разработанных англоязычных и русскоязычных словарей субстандартной лексики («Dictionary of American Slang» by Richard A. Spears, «Medical Slang and Jargon» by J. H. Dirckx, Словарь русского сленга И. Ф. и Ф. С. Югановых, Большой словарь русского жаргона В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитиной и др.) были отобраны лексические единицы, семантика которых позволяет отнести их к соответствующей лексико-семантической группе исследуемого семантического поля. В ходе исследования зафиксировано 2596 англоязычных и 1596 русскоязычных субстандартных лексических единиц (далее – СЛЕ) в границах семантического поля «Medicine» / «Медицина». Далее отобранные СЛЕ вошли в состав одной из семантических подгрупп в рамках выделенных групп в соответствии с их тематической принадлежностью. Согласно авторской классификации субстандартных лексических единиц (далее – СЛЕ) англоязычного и русскоязычного семантического поля «Medicine» / «Медицина», было зафиксировано 12 лексико-семантических групп в английском языке и 11 в русском языке соответственно [Гроховская 2020: 38].

В рамках данной работы у анализу подвергалась лексико-семантическая группа *Medical institutions* / *Медицинские заведения*, представленная 29 СЛЕ и 72 СЛЕ в английском и русском языках соответственно. СЛЕ рассматриваемой лексико-семантической группы распределены по 6 англоязычным и 10 русскоязычным семантическими подгруппами, а именно: *Hospital*, *Psychiatric hospital*, *Surgical department*, *Fathers' waiting room*, *Medical college* и *Pharmacy* в английском языке и *Больница*, *Психиатрическая лечебница*, *Хирургическое отделение*, *Наркологическое отделение*, *Патологоанатомическое отделение (морг)*, *Кожно-Венерологическое учреждение*, *Учреждение для проведения аборт*, *Больница в исправительном учреждении*, *НИИ скорой помощи им. Н. В. Склифосовского* и *Аптека* в русском языке соответственно.

Обозначенные выше семантические подгруппы представлены в границах англоязычного и русскоязычного субстандарта неравномерно. Так, на уровне англоязычного и русскоязычного субстандарта зафиксированы СЛЕ, принадлежащие 4 одноименным подгруппам, а именно: *Hospital* / *Больница*, *Psychiatric hospital* / *Психиатрическая лечебница*, *Surgical department* / *Хирургическое отделение* и *Pharmacy* / *Аптека*. Оставшиеся семантические подгруппы представлены в одном из исследуемых языков. СЛЕ, принадлежащие семантическим подгруппам *Fathers' waiting room* и *Medical college* обнаружены лишь на уровне английского субстандарта и в русском языке не представлены. Однако семантические подгруппы *Наркологическое отделение*, *Патологоанатомическое*

отделение (морг), Кожно-венерологическое учреждение, Учреждение для проведения аборт, Больница в исправительном учреждении и НИИ скорой помощи им. Н. В. Склифосовского актуализируются только на уровне русского языка.

Отметим, что лексико-семантическая группа не нашла широкого отражения в границах семантического поля «Medicine» / «Медицина», что подтверждается процентным отношением СЛЕ рассматриваемой группы к общему количеству отобранных СЛЕ (1,1 % англоязычных и 5 % русскоязычных СЛЕ). Для наглядного отражения приведенных выше данных, представим таблицу, демонстрирующую соотношение семантических подгрупп лексико-семантической группы *Medical institutions* / *Медицинские заведения* в границах семантического поля «Medicine» / «Медицина» в английском и русском языках.

Таблица 1. Соотношение семантических подгрупп лексико-семантической группы *Medical institutions* / *Медицинские заведения* в границах семантического поля «Medicine» / «Медицина» в английском и русском языках

Семантическая группа / подгруппы	Английский субстандарт	Русский субстандарт
<i>Medical institutions</i> / <i>Медицинские заведения</i>		
Общее количество	29 СЛЕ (1,1 %)	72 СЛЕ (5 %)
<i>Hospital</i> / <i>Больница</i>	8 (27,5 %)	26 (36 %)
<i>Psychiatric hospital</i> / <i>Психиатрическая лечебница</i>	8 (27,5 %)	17 (24 %)
<i>Surgical department</i> / <i>Хирургическое отделение</i>	1 (3,5 %)	4 (5,5 %)
<i>Fathers' waiting room</i> / <i>Комната, где будущие отцы ожидают родов</i>	6 (21 %)	Подгруппа отсутствует
<i>Drug treatment department</i> / <i>Наркологическое отделение</i>	Подгруппа отсутствует	4 (5,5 %)
<i>Morgue</i> / <i>Морг</i>	Подгруппа отсутствует	8 (11 %)
<i>Skin and Venereological institution</i> / <i>Кожно-венерологическое учреждение</i>	Подгруппа отсутствует	4 (5,5 %)
<i>Abortion clinic</i> / <i>Учреждение для проведения абортов</i>	Подгруппа отсутствует	4 (5,5 %)
<i>Prison hospital</i> / <i>Больница в исправительном учреждении</i>	Подгруппа отсутствует	3 (4 %)
<i>Research institute of Ambulance named after N. V. Sklifosovsky</i> / <i>НИИ скорой помощи им. Н. В. Склифосовского</i>	Подгруппа отсутствует	1 (1,5%)
<i>Medical college</i> / <i>Медицинский колледж</i>	4 (13,5 %)	Подгруппа отсутствует
<i>Pharmacy</i> / <i>Аптека</i>	2 (7 %)	1 (1,5 %)

Представленные в таблице данные позволяют сделать вывод о том, что как в английском, так и в русском языках наибольшую реализацию в границах рассматриваемой лексико-семантической группы получили СЛЕ семантических подгрупп *Hospital* / *Больница* и *Psychiatric hospital* / *Психиатрическая лечебница*. Обозначенные семантические подгруппы составляют более половины всех отобранных СЛЕ лексико-семантической группы *Medical*

institutions / *Медицинские заведения* в обоих исследуемых языках. Англоязычные семантические подгруппы *Surgical department* и *Pharmacy*, а также русскоязычные *НИИ скорой помощи им. Н. В. Склифосовского* и *Аптека* представлены наименьшим количеством СЛЕ в границах рассматриваемой лексико-семантической группы.

Следующий этап исследования СЛЕ семантического поля «Medicine» / «Медицина» предполагает выявление дополнительных семантических характеристик отобранных лексем, актуализирующихся на субстандартном языковом уровне. Совокупность такого рода характеристик составляет прагматический макрокомпонент семантики СЛЕ семантического поля «Medicine» / «Медицина», который в соответствии с целями и задачами данного исследования, рассматривается нами как вся совокупность исторических, национальных, культурных, социальных, профессиональных и иных условий, в которых язык функционирует и которые оказывают непосредственное влияние на выбор соответствующих языковых форм, в данном случае, субстандартных номинаций медицинских терминов [Кузьмина 2016: 34].

Проведенный анализ позволяет утверждать, что в каждой из семантических подгрупп семантического поля «Medicine» / «Медицина» зафиксирован ряд дополнительных семантических характеристик, составляющих прагматический макрокомпонент значения отобранных СЛЕ. Ввиду ограниченности описательной части данной работы, представим ход исследования семантической подгруппы *Hospital* / *Больница*, являющейся наиболее многочисленной в границах лексико-семантической группы *Medical institutions* / *Медицинские заведения*.

По результатам анализа соответствующих лексикографических источников в рамках семантической подгруппы *Hospital* / *Больница* зафиксировано 8 англоязычных (*bone factory, bedpan alley, bonehouse, butchershop, croacker joint, flatback department, mending joint, sick house*) и 26 русскоязычных (*больничка, крест, красный крест, мясницкая, здравозахоронение, адилце, живодерка, хата, белый дом* и др.) лексических единиц. Для определения дополнительных семантических характеристик обозначенных СЛЕ необходимо зафиксировать базовое значение понятия «hospital / больница» на уровне специализированных лексикографических источников литературного языка. Согласно данным англоязычного словаря медицинских терминов, понятие «hospital» интерпретируется как *a place where sick or injured people are looked after* (место, в котором осуществляется уход за больными и недомогающими людьми – *перевод авторский*) [Dictionary of Medical Terms 2007: 180]. В специализированных источниках медицинской терминологии русского языка рассматриваемое понятие определяется как *лечебно-профилактическое учреждение, специально оборудованное для размещения и постоянного пребывания больных* [Энциклопедический словарь... 1984: 168].

На уровне анализа прагматического макрокомпонента обозначенных выше СЛЕ был выявлен ряд семантических характеристик, расширяющих базовое значение понятия «hospital / больница», определенное по данным стандартных лексикографических источников, а именно: указание на обслуживаемый контингент (зафиксировано только в английском языке), символику (зафиксировано только в русском языке), больничный инвентарь (зафиксировано только в английском языке) и характер воздействия на пациентов (зафиксировано в обоих языках). В связи с полисемичностью английского языка, в структуре значения соответствующих СЛЕ объективируется большее число дополнительных семантических характеристик, расширяющих базовую номинацию обозначаемых понятий, чем в русском языке.

Дополнительные семантические характеристики, зафиксированные в структуре значения СЛЕ оставшихся семантических подгрупп лексико-семантической группы *Medical institutions / Медицинские заведения*, наряду с рассмотренной выше семантической подгруппой *Hospital / Больница*, представлены в таблице.

Таблица 2. Дополнительные семантические характеристики, выявленные по результатам дефиниционного анализа СЛЕ семантических подгрупп лексико-семантической группы *Medical institutions / Медицинские заведения* в английском и русском языках

Лексико-семантическая группа <i>Medical institutions / Медицинские заведения</i>		
Дополнительные семантические характеристики	Английский язык	Русский язык
<i>Hospital / Больница</i>		
<i>Обслуживаемый контингент</i>	+	-
<i>Символика</i>	-	+
<i>Больничные инвентарь</i>	+	-
<i>Характер воздействия на пациентов</i>	+	+
<i>Psychiatric hospital / Психиатрическая лечебница</i>		
<i>Обслуживаемый контингент</i>	+	+
<i>Отношение окружающих к контингенту</i>	+	-
<i>Surgical department / Хирургическое отделение</i>		
<i>Обращение с пациентами</i>	-	+
<i>Характер воздействия на пациентов</i>	+	-
<i>Drug treatment department / Наркологическое отделение</i>		
<i>Периодичность прохождения лечения</i>	Подгруппа отсутствует	+
<i>Fathers' waiting room / Комната, где будущие отцы ожидают родов</i>		
<i>Состояние посетителей</i>	+	Подгруппа отсутствует
<i>Morgue / Патологоанатомическое отделение (морг)</i>		
<i>Контингент</i>	Подгруппа отсутствует	+
<i>Skin and Venereological institution / Кожно-венерологическое учреждение</i>		
<i>Характер манипуляций</i>	Подгруппа отсутствует	+
<i>Внешний вид пациентов</i>	Подгруппа отсутствует	+
<i>Abortion clinic / Учреждение для проведения абортов</i>		
<i>Характер манипуляций</i>	Подгруппа отсутствует	+
<i>Prison hospital / Больница в исправительном учреждении</i>		
<i>Характер воздействия на пациентов</i>	Подгруппа отсутствует	+
<i>Research institute of Ambulance named after N. V. Sklifosovsky / НИИ скорой помощи им. Н. В. Склифосовского</i>		
<i>Базовая характеристика: институт скорой помощи</i>	Подгруппа отсутствует	В основе номинации заложена базовая характеристика
<i>Medical college / Медицинский колледж</i>		
<i>Характерные особенности отрасли</i>	+	Подгруппа отсутствует
<i>Pharmacy / Аптека</i>		
<i>Функция</i>	+	+

Заключение

Проведенное исследование позволило сделать вывод о том, что лексико-семантическая группа *Medical institutions* / *Медицинские заведения* является одной из актуальных в субстандартной части семантического поля «Medicine» / «Медицина». В состав данной группы вошло 29 англоязычных и 72 русскоязычных СЛЕ. Несмотря на то, что не каждая семантическая подгруппа представлена в границах субстандартного лексического фонда, бесспорным является тот факт, что прагматика в структуре семантики актуализированных СЛЕ получила четкое и полное отражение.

Представленное исследование является частью комплексного и структурированного изучения семантического поля «Medicine» / «Медицина» в разноструктурных языках. Несмотря на тот факт, что в данной статье представлено описание только одной лексико-семантической группы, данный материал позволяет сделать вывод, что тщательный анализ каждой лексико-семантической группы будет способствовать расширенному и углубленному изучению субстандартной части исследуемого семантического поля.

Список литературы

1. Гроховская И. А. К проблеме семантической классификации субстандартных лексических единиц медицинской направленности // Гуманитарные исследования. 2020. № 4 (76). С. 37–44.
2. Ермакова О. П., Земская Е. А., Розина Р. И. Слова, с которыми мы все встречались: Толковый словарь русского общего жаргона: Ок. 450 слов / Под общим руководством Р. И. Розинной. М.: Азбуковник, 1999. 320 с.
3. Каюмова М. А. Теоретические аспекты медицинской терминологии в языке // Международный научно-исследовательский журнал. 2022. № 8 (122). URL: <https://research-journal.org/archive/8-122-2022-august/10.23670/IRJ.2022.122.47> (дата обращения: 20.08.2023).
4. Кузьмина Н. А. Современный русский язык. Лексикология: теория, тренинг, контроль. М.: Флинта, 2016. 337 с.
5. Майборода С. В. Медицинский дискурс: современные теоретико-методологические подходы и перспективы исследования // Коммуникативные исследования. 2017. № 1 (11). С. 63–74.
6. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русского жаргона. СПб.: Норинт, 2000.
7. Сакаева Л. Р., Тахтарова С. С., Базарова Л. В., Яхин М. А. Логико-понятийная классификация терминологии сферы «медицина» в английском, русском и турецком языках // Казанский лингвистический журнал. 2022. № 5(3). С. 360–368.
8. Энциклопедический словарь медицинских терминов / Под редакцией Чернявского М. Н. М.: Советская энциклопедия, 1982–1984.
9. Dictionary of Medical Terms. L.: A&C Black, 2007. 482 с.
10. Hotten John Camden. A Dictionary of Slang, Cant and Vulgar Words. L., 1860. 324 p. URL: <https://www.twirpx.com/file/2210833/> (дата обращения: 15.08.2023).
11. Partridge E. Slang To-Day and Yesterday. L.: Routledge and Kegan Paul LTD, 1954. 496 p. URL: <https://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.58766> (дата обращения: 21.08. 2023).
12. Spears R. A. Dictionary of American Slang. М.: Русский язык, 1991. 528 с.
13. The Online Slang Dictionary // <http://onlineslangdictionary.com/> (дата обращения: 20.08.2023).
14. Thorne Tony. Dictionary of Contemporary Slang. L.: A&C Black. 2007. 513 с.
15. Urban Dictionary // <https://www.urbandictionary.com/> (дата обращения: 26.08.2023).

References

1. Grokhovskaya I. A. K probleme semanticheskoy klassifikatsii substandartnykh leksicheskikh edinit meditsinskoj napravlenosti [On the problem of semantic classification of substandard lexical units of medical orientation]. *Gumanitarnye issledovaniya* [Humanities studies]. 2020, no. 4 (76), pp. 37-44. (In Russ.).
2. Ermakova O. P., Zemskaya E. A., Rozina R. I. Slova, s kotorymi my vse vstrechalis': Tolkovyy slovar' russkogo obshchego zhargona: Ok. 450 slov [Words we've all come across: Explanatory dictionary of Russian general jargon: About 450 words]. Moscow, Azbukovnik Publ., 1999, 320 p. (In Russ.).
3. Kayumova M. A. Teoreticheskie aspekty meditsinskoj terminologii v yazyke [Theoretical aspects of medical terminology in language]. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal* [International Scientific Research Journal]. 2022, no. 8 (122). (In Russ.). Available at: <https://research-journal.org/archive/8-122-2022-august/10.23670/IRJ.2022.122.47> (accessed: 20.08.2023).
4. Kuz'mina N. A. Sovremennyy russkiy yazyk. Leksikologiya: teoriya, trening, kontrol' [Modern Russian language. Lexicology: theory, training, control]. Moscow, Flinta Publ., 2016. 337 p. (In Russ.).
5. Mayboroda S. V. Meditsinskiy diskurs: sovremennye teoretiko-metodologicheskie podkhody i perspektivy issledovaniya [Medical discourse: modern theoretical and methodological approaches and research prospects]. *Kommunikativnye issledovaniya* [Communication Studies]. 2017, no. 1 (11), pp. 63-74. (In Russ.).
6. Mokienko V. M., Nikitina T. G. Bol'shoy slovar' russkogo zhargona [Large dictionary of Russian jargon]. Saint Petersburg, Norint Publ., 2000. (In Russ.).
7. Sakaeva L. R., Takhtarova S. S., Bazarova L. V., Yakhin M. A. Logiko-ponyatiynaya klassifikatsiya terminologii sfery «meditsina» v angliyskom, russkom i turetskom yazykakh [Logical-conceptual classification of terminology in the field of “medicine” in English, Russian and Turkish languages]. *Kazanskiy lingvisticheskiy zhurnal* [Kazan linguistic journal]. 2022, no. 5(3), pp. 360-368. (In Russ.).
8. Entsiklopedicheskiy slovar' meditsinskikh terminov [Encyclopedic Dictionary of Medical Terms]. Ed. Chernyavsky M. N. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1982-1984. (In Russ.).
9. Dictionary of Medical Terms. L.: A&C Black, 2007. 482 c.
10. Hotten John Camden. A Dictionary of Slang, Cant and Vulgar Words. L., 1860. 324 p. URL: <https://www.twirpx.com/file/2210833/> (дата обращения: 15.08.2023).
11. Partridge E. Slang To-Day and Yesterday. L.: Routledge and Kegan Paul LTD, 1954. 496 p. URL: <https://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.58766> (дата обращения: 21.08. 2023).
12. Spears R. A. Dictionary of American Slang. M. : Русский язык, 1991. 528 с.
13. The Online Slang Dictionary // <http://onlineslangdictionary.com/> (дата обращения: 20.08.2023).
14. Thorne Tony. Dictionary of Contemporary Slang. L.: A&C Black. 2007. 513 с.
15. Urban Dictionary // <https://www.urbandictionary.com/> (дата обращения: 26.08.2023).

Информация об авторе

И. А. Гроховская – старший преподаватель кафедры английского языка и профессиональных коммуникаций, Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева.

Information about the author

I. A. Grokhovskaya – Senior Lecturer, Department of English and Professional Communications, Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev.

Статья поступила в редакцию 12.12.2023; одобрена после рецензирования 25.12.2023; принята к публикации 10.01.2024.

The article was submitted 12.12.2023; approved after reviewing 25.12.2023; accepted for publication 10.01.2024.

Гуманитарные исследования. История и филология. 2024. № 13. С. 78–85.
Humanitarian Studies. History and Philology. 2024. No. 13. P. 78-85.

Научная статья

УДК 811.161.1'271.1

doi: 10.24412/2713-0231-2024-13-78-85

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «ЧУЖОЙ» В СОЗНАНИИ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА

Галина Владимировна Файзиева

Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева, Астрахань, Россия
fayzievagv@yandex.ru

Аннотация. Категория «чужой» является одной из универсальных, присущих каждой культуре, поскольку познание любого нового начинается, прежде всего, с противопоставления его своему, традиционному, родному, а следовательно, комфортному и безопасному. Особенно актуальны исследования данной категории в оппозиционной паре «свой – чужой», проводящиеся в современной трактовке «экологичный – токсичный». Нельзя не отметить, что исследования категории «чужой» в последние годы приобрели междисциплинарный характер. Изучение различных аспектов ее проявления интересно социологам, психологам, философам, культурологам и в особенной степени – лингвистам. Лингвистические изыскания в этой сфере также многогранны; объектом исследований становятся лексические средства вербализации данной категории, семантика языковых единиц, особенности их словообразования и этимологии и многое другое. Отдельного внимания заслуживает изучение концепта «чужой», его структуры и способов репрезентации. Проведенные ранее разносторонние исследования осуществлялись на базе английского, русского, китайского, французского и других языков. Настоящее исследование посвящено рассмотрению лексико-семантического поля «чужой» в русской лингвокультуре. Материалом для исследования послужили лексикографические источники (словари стандартного русского языка и словари субстандартной лексики); в ходе свободного ассоциативного эксперимента было получено 404 реакции на слово «чужой» от 186 информантов. В качестве методов исследования использовались общенаучные (описание, обобщение) и лингвистические: лексикографический анализ; свободный ассоциативный эксперимент. Исследование показало, что семантическое значение лексемы «чужой», презентированное на уровне стандартной лексики, в субстандартных лексикографических источниках дополняется новыми значениями, придающими лексической единице более широкий смысл. В ходе ассоциативного эксперимента доказано, что реакции на рассматриваемую лексему гораздо шире представленных на основе анализа семантического значения лексической единицы «чужой» в словарях стандартной и субстандартной лексики.

Ключевые слова: русский язык, лексическая единица, чужой, лексико-семантическое поле, языковая картина мира, лингвокультурный образ, ассоциативный эксперимент, междисциплинарные исследования.

Для цитирования: Файзиева Г. В. Лексико-семантическое поле «чужой» в сознании носителей русского языка // Гуманитарные исследования. История и филология. 2024. № 13. С. 78–85. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2024-13-78-85>

Original article

THE LEXICAL AND SEMANTIC FIELD OF «ALIEN» IN THE MINDS OF NATIVE RUSSIAN SPEAKERS

Galina V. Fayzieva

Astrakhan state university named after V. N. Tatishchev, Astrakhan, Russia, fayzievagv@yandex.ru

Abstract. The category of «alien» is one of the universal ones inherent in every culture, since the knowledge of any new thing begins, first of all, with contrasting it with one's own, traditional, native, and therefore comfortable and safe. That is why the studies of this category in the oppositional pair «own – alien», conducted in the modern interpretation of «environmentally friendly – toxic» are especially relevant. It should be noted that the research of the «alien» category has acquired an interdisciplinary character in recent years. The study of various aspects of its manifestation is interesting to sociologists, psychologists, philosophers, cultural scientists and, to a special extent, linguists. Linguistic research in this area is also multifaceted; the object of research is the lexical means of verbalization of this category, the semantics of linguistic units, the peculiarities of their word formation and etymology, and much more. Special attention should be paid to the study of the concept of «alien», its structure and ways of representation. The previously conducted comprehensive research was carried out on the basis of English, Russian, Chinese, French, etc. languages. The present study is devoted to the consideration of the lexical and semantic field of «alien» in Russian linguistic culture. Lexicographic sources (dictionaries of standard Russian language and dictionaries of sub-standard vocabulary) served as the material for the study; during a free associative experiment, 404 reactions to the word «alien» were received from 186 informants. General scientific (description, generalization) and linguistic methods were used as research methods: lexicographic analysis; free associative experiment. The study showed that the semantic meaning of the lexeme «alien», presented at the level of standard vocabulary, is supplemented in sub-standard lexicographic sources with new meanings that give the lexical unit a broader meaning. During the associative experiment, it was proved that reactions to the lexeme in question are much broader than those presented based on the analysis of the semantic meaning of the lexical unit «alien» in the dictionaries of standard and sub-standard vocabulary.

Keywords: Russian language, lexical unit, alien, lexico-semantic field, linguistic picture of the world, linguistic and cultural image, associative experiment, interdisciplinary research.

For citation: Fayzieva G. V. The lexical and semantic field of «alien» in the minds of native Russian speakers. Humanitarian Studies. History and Philology. 2024;13:78-85. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2024-13-78-85>

Введение

В современных социально-политических и экономических реалиях категория «чужой» внезапно снова стала одной из самых актуальных в различных научных сферах. Философы, психологи, социологи, культурологи, филологи выбрали данную категорию в качестве объекта своих научных изысканий, тщательно исследуя различные аспекты проявления чуждости в социуме, межкультурных коммуникациях, поведении, сознании и образе мыслей. В наших ранних работах представлен обзор междисциплинарных подходов к изучению категории «чужой» [Трофимова, Файзиева 2023; см. также Арекеева 2022, 2023; Арекеева, Шустова 2023], определена интегративная междисциплинарная модель образа чужого, воплощённая в лексической форме.

Чужой сегодня – не просто тот, кто в целом не такой, как ты сам. Это продукт тщательного анализа различных сфер человеческой личности, представленный отношением человека к жизни, религии, политике, другим людям. Наиболее значимой и показательной, на наш взгляд, является вербализация данного продукта, позволяющая идентифицировать чужого в когнитивной картине мира, что, бесспорно, значимо для адекватных реакций на его поведение.

Издревле восприятие лингвокультурного образа «чужой», равно как и его оппозиционная пара «чужой – свой», позволяет не просто моделировать и презентировать собственное представление об окружающем мире в целом, но и поделить этот мир на своё, собственное, родное и чуждое, неподвластное, оттого зачастую вызывающее страх, отторжение, неприятие. Вот почему усилия, приложенные человечеством на познание этого чужого, позволяет предостеречь от опасности, предотвратить угрозу, нивелировать отрицательное, нежелательное воздействие на то, что относится к своему.

Изучение лингвистической интерпретации образа «чужой» невозможно без полноценного рассмотрения одноименного лексико-семантического поля, представляющего собой совокупность лексем, обозначающих определённое понятие в широком смысле этого слова, включающих в свой состав слова различных частей речи [Эгамназаров 2018: 185]. В целом категория «поле» объединяет общие по содержанию слова, имеющие понятийное, предметное или функциональное сходство [Бенвенист 1974]. Иерархически семантическое поле представлено определёнными тематическими группами, объединяющими ряды слов, совпадающие по своему основному семантическому содержанию и имеющие частные семантические признаки [Шмелев 1964]. К таким признакам относят признаки, указывающие на принадлежность к определённому классу предметов или явлений, функциональные признаки, указывающие на назначение, функцию предмета, а также признаки, характеризующие различные свойства и качества предмета.

Основная часть

В первую очередь отметим, что изучение лексикографических источников позволило определить семантические значения лексической единицы «чужой». Так, И. И. Срезневский в своем труде «Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» выделяет несколько лексико-семантических вариантов лексемы «чужой»: принадлежащий другому; чужеземный; чуждый; лишённый, изгнанный; злодей, нечестивец [Срезневский 1912: 155]. В. И. Даль приводит следующие значения лексемы «чужой»: не свой, сторонний, собственность другого; незнаемый, незнакомый; не родня, не нашей семьи, не из нашего дома; не нашей земли, иноземный; то, чему чуждаются или дивятся, странный, непонятный, удивительный; чужий, чуждый чего, чему, далёкий, непричастный, сторонний [Даль 1866: 360].

В «Словаре русского языка» С. И. Ожегова представлены следующие толкования лексической единицы «чужой»: не свой, не собственный, принадлежащий другим; не родной, не из своей семьи, посторонний; далекый по духу, по взглядам [Словарь русского языка 1991]. Д. Н. Ушаков расширяет и дополняет приведённые выше определения данной лексемы: что-нибудь, принадлежащее или свойственное другому, другим; незнакомый, неизвестный (прост.); далёкий по духу, внутренне чуждый для кого-чего-нибудь, такой, с которым нет подлинной близости [Большой толковый словарь русского языка 2008]. Более

современный «Большой толковый словарь русского языка» С. А. Кузнецова также расширяет определения данной лексемы: не являющийся родиной; не такой, как на родине; не связанный родственными отношениями; посторонний [Большой толковый словарь русского языка 2008]. На наш взгляд, достаточно ёмкое дополнение представленным выше семантическим значениям лексической единицы «чужой» приводится в словарях субстандартной лексики. Так, в «Словаре воровского жаргона» «чужой» трактуется как «посторонний, жертва» [Словарь воровского жаргона]. Словарь русского арго В. С. Елистратова определяет слово «чужой» как «любой человек» (обычно в уничижительном значении) [Словарь русского арго 2000].

Таким образом, представленные в словарях значения лексемы «чужой» отражают следующие аспекты семантики: имущественные отношения (владение другим человеком чем-либо), родственные отношения (не принадлежащий своему роду, семье, не родня), пространственные отношения (не своей страны), социальные и межличностные отношения (не своей группы, класса, среды), духовная сфера (степень духовной отдалённости, отчуждённости). Все обозначенное выше складывается в определенную систему лексико-семантических значений, в которой чужой – это то, что не принадлежит тебе или твоим, а также тот, кто не связан с тобой узами кровного или некровного родства, не живет в твоей стране, не принадлежит к твоей религии, не разделяет твой образ мыслей и поведения, является посторонним тебе и твоим.

Получив данные результаты на уровне словарей, мы поставили задачу выяснить, соответствуют ли лексико-семантические значения рассматриваемой лексемы ассоциативно-вербальным реакциям носителей русского языка. В рамках настоящего исследования мы рассмотрели лексико-семантическое поле «чужой», отражающее реакции на заданное слово-стимул («чужой») в ходе свободного ассоциативного эксперимента. Нас интересовали ассоциации, отраженные в сознании носителей русского языка, поскольку «ассоциативный эксперимент фиксирует актуальное для человека психологическое значение слова, очевиднее проявляет отличие его реальной семантики от значения, представленного в словаре, выявляет пространство ассоциирования, которое выходит далеко за границы словарных статей и представляет психическую реальность «живого» слова» [Бурнаева 2011: 54].

В эксперименте приняло участие 186 человек, всего было получено 404 реакции (100 %). Все информанты являются носителями русского языка, разговаривают на русском языке и считают русский язык родным. Выделенные реакции были сгруппированы по следующим макрополям:

1. *Ассоциативно-вербальное макрополе «пространство» – 93 (23 %).*

1.1. *Микрополе «расстояние»:* далёкий (9), сосед (2), неблизкий (2), расстояние (2), дистанция (2), недостижимый (4);

1.2. *Микрополе «территория»:* страна (4), странник (2), приезжий (15), пришелец (5), заграничный (13), сторонний (7), галактика (1), чужак (8), не из нашего города/района/страны (17).

2. *Ассоциативно-вербальное макрополе «взаимодействие» – 24 (5,9 %).*

2.1. *Микрополе «не свой»:* посторонний (5), побочный (1), нарушающий мои (наши) личные границы (4), отчуждение (1);

2.2. *Микрополе «не такой, как свой»:* другой (3), не из нашей группы (1);

2.3. *Микрополе «иной»*: незнакомый (2), незнакомец (2), неизвестный (2), неизведанный (2), мутация (1).

3. *Ассоциативно-вербальное макрополе «имущественные отношения»* – 39 (9,7 %).

3.1. *Микрополе «не принадлежащее мне»*: не мой (4), не принадлежащий мне (11), не наш (4), не принадлежит мне (3);

3.2. *Микрополе «принадлежащее не мне»*: не свой (9), чужая вещь (2), то, что нельзя трогать без разрешения (5), не моё – трогать не буду (1).

4. *Ассоциативно-вербальное макрополе «опасность»* – 61 (15,1 %).

4.1. *Микрополе «опасная ситуация»*: нужно проявить осторожность (3), хищник (2), опасный (4), плохой (4);

4.2. *Микрополе «опасный человек»*: враг (7), предатель (14), агрессивно настроенный (5), враждебный (4), Байден (1), Зеленский (1), противник (7), пятая колонна (1);

4.3. *Микрополе «чуждое»*: неведомый (2), антагонист (3), вирус (2), инородное тело (1).

5. *Ассоциативно-вербальное макрополе «культура и языки»* – 47 (11,6 %).

5.1. *Микрополе «культура»*: традиции (5), песни (2), костюм (2), менталитет (5), культура (3), нравы (2);

5.2. *Микрополе «язык»*: язык (4), иноязычный (6), иностранный (7), иностранец (11).

6. *Ассоциативно-вербальное макрополе «чувства»* – 54 (13,4 %).

6.1. *Микрополе «отрицательная оценка»*: вызывающий отторжение (9), вызывающий недоверие (10), холодный (5), мерзкий (2), некомфортный (7);

6.2. *Микрополе «положительная/нейтральная оценка»*: имеющий (резко) отличительные от других признаки (12), странный (9).

7. *Ассоциативно-вербальное макрополе «семья и социум»* – 79 (19,6 %).

7.1. *Микрополе «семья/родня»*: неродной (21), приемный ребенок (7), усыновление (4), опека (2), невестка (5), сноха (1), зять (3), мачеха (2), отчим (5), сводный брат/сестра (3) суррогатное материнство (4);

7.2. *Микрополе «социум»*: изгой (12), непринятый (8), другой (1), человек, для которого фраза «how are you» является дежурной (1).

8. *Ассоциативно-вербальное макрополе «кинематограф»* – 7 (1,7 %): фильм, фантастика, «Свой среди чужих, чужой среди своих», «Аватар», «Пятый элемент», «Кин-дза-дза», «Человек-амфибия».

Наиболее частотными ассоциатами являются слова, входящие в ассоциативно-вербальное макрополе «пространство» (93), что составляет 23 % от общего числа количества реакций. Эту группу можно считать ядром ассоциативно-вербального поля. Наибольшее распространение получили лексемы далёкий (9), приезжий (15), заграничный (13), не из нашего города/района/страны (17). Это является подтверждением того, что ассоциации большинства информантов близки к словарному значению, для них чужим является тот или то, что находится далеко, пространственно не связано со своим.

Следующей по частоте предъявления является группа слов, объединенных в ассоциативно-вербальное макрополе «семья и социум» (79) и составивших 19,6 % от общего количества ассоциатов. В этой группе слов были выделены микрополя «семья/родня» и «социум», наибольшее распространение получили лексемы: «неродной», «изгой», «непринятый».

Полученные ассоциации также объяснимы – чужой ассоциируется также и с тем, кто не близок твоей семье или социальной группе, не принят ею, является неродным (а значит чужим) по крови. Примечательным в связи с этим являются ассоциативные ряды «чужой – неродной – приемный/усыновленный – взятый под опеку» и «чужой – неродной – сноха/зять/невестка/свекровь», расширяющие основное семантическое значение изучаемой лексемы. Медиальной можно считать группу «опасность», представленную 61 ассоциатом (15,1 % реакций), в которой наиболее частотным микрополем оказалось «опасный человек» (40 реакций). Данный факт подтверждается одним из значений слова «чужой», объясняющим страх, который вызывает все чуждое, незнакомое, неизведанное.

Ближнюю периферию образует группа «чувства» – 54 (13,4 %) реакции, большинство из которых – 33 – представляют микрополе «отрицательная оценка». К дальней периферии можно отнести группу «культура и языки», представленную 47 реакциями (11,6 %). Предположительно, данная группа выйдет на одно из центральных мест при анализе поля категории «чужой» на уровне субстандарта, но это предположение нуждается в тщательной проверке, что бесспорно является перспективой для наших дальнейших изысканий. Латеральной является группа «имущественные отношения», состоящая из 39 реакций (9,7 %).

Основными выявленными ассоциатами являются *не принадлежащий мне* (11), *не свой* (9), *то, что нельзя трогать без разрешения* (5). Наименьшее количество реакций образуют группы: «взаимодействие» и «кинематограф», составляющие в целом менее 10 % от общего количества ответов. Необходимо отметить, что ассоциаты группы «кинематограф» образуют совершенно новое, непредставленное в словарях, значение лексемы «чужой».

Заключение

Проведённый свободный ассоциативный эксперимент позволил рассмотреть, как представлена в сознании русскоговорящих категория «чужой». Чужой в сознании носителей русского языка это тот, кто не находится в кругу твоего общения, не говорит с тобой на одном языке, не владеет общим с тобой имуществом, не родной тебе по крови. Примечательно, что в ряду ассоциаций не отмечены реакции, передающие внешние отличия чужого человека/предмета/явления, а также характеризующие человека, исповедующего другую религию или относящегося к иной социальной группе. Ассоциативный эксперимент показал наличие значительных лакун в изучаемой категории, что намечает перспективы для дальнейшего более детального изучения и осмысления.

Список литературы

1. Ареева Ю. Е. «Свой» и «Чужие» в круге общения человека (на примере китайских чэньюй) // Гуманитарные исследования. История и филология. 2022. № 7. С. 41-50.
2. Ареева Ю. Е. Философское осмысление оппозиции «Свой – Чужой» // Евразийский гуманитарный журнал. 2023. № 2. С. 31–38.
3. Ареева Ю. Е., Шустова С. В. Моделирование ассоциативно-вербального поля категории «Свой» // Евразийский гуманитарный журнал. 2023. № 1. С. 33–42.
4. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М. : Прогресс. 1974. 44 с.
5. Большой толковый словарь русского языка. М. : Дом Славянской кн. 2008. 959 с.
6. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб. : Норинт; М. : Рипол классик. 2008. 1534 с.

7. Бурнаева К. А. Ассоциативное поле как способ моделирования фрагмента языкового сознания // *Lingua mobilis*. 2011. № 6. С. 51–58.
8. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М., 1866. Т. 4. 629 с.
9. Малахова Е. В., Шустова С. В. Репрезентация концептов миграция / мигрант в сознании носителей русского языка // *Евразийский филологический вестник*. 2023. Вып. 4. С. 24–42.
10. Словарь воровского жаргона. URL: www.fenya.cyou/fenya.html (дата обращения: 15.11.2023).
11. Словарь русского арго: (Материалы 1980–1990-х гг.): Ок. 9000 слов, 3 000 идиомат. выражений / В. С. Елистратов; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М. : Рус. слов. 2000. 693 с.
12. Словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. М. : Русский язык. 1991. 915 с.
13. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3-х т. СПб., 1912. Т. 3. 272 с.
14. Трофимова А. Н., Файзиева Г. В. Междисциплинарность категории «чужой» как основа лингвистического образа «чужой» в английском и русском языках // *Евразийский филологический вестник*. 2023. Вып. 3. С. 121–136.
15. Шмелев Д. Н. Очерки по семасиологии русского языка. М. : Просвещение. 1964. 244 с.
16. Эгамназаров Х. Х. О понятии лексико-семантического поля в лингвистике // *Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Серия гуманитарно-общественных наук*. 2018. № 1. С. 185–189.

References

1. Arekeeva Yu. E. «Svoi» i «Chuzhie» v krugе obshcheniya cheloveka (na primere kitayskikh chen"yuy) [“Friends” and “Strangers” in a person’s social circle (using the example of Chinese Chengyu)]. *Gumanitarnye issledovaniya. Istoriya i filologiya* [Humanities studies. History and philology]. 2022, no. 7, pp. 41-50. (In Russ.).
2. Arekeeva Yu. E. Filosofskoe osmyslenie oppozitsii «Svoy - Chuzhoj» [Philosophical understanding of the opposition “Friend - Alien”]. *Evraziyskiy gumanitarnyy zhurnal* [Eurasian Humanitarian Journal]. 2023, no. 2, pp. 31-38. (In Russ.).
3. Arekeeva Yu. E., Shustova S. V. Modelirovanie assotsiativno-verbal'nogo polya kategorii «Svoy» [Modeling the associative-verbal field of the “Own” category]. *Evraziyskiy gumanitarnyy zhurnal* [Eurasian Humanitarian Journal]. 2023, no. 1, pp. 33-42. (In Russ.).
4. Benvenist E. *Obshchaya lingvistika* [General linguistics]. Moscow, Progress Publ., 1974, 44 p. (In Russ.).
5. *Bol'shoj tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Large explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow, Dom Slavyanskoy knigi Publ., 2008. 959 p. (In Russ.).
6. *Bol'shoj tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Large explanatory dictionary of the Russian language]. Ed. S. A. Kuznetsova. Saint Petersburg, Norint; Moscow, Ripol klassik Publ., 2008, 1534 p. (In Russ.).
7. Burnaeva K. A. Assotsiativnoe pole kak sposob modelirovaniya fragmenta yazykovogo soznaniya [Associative field as a way to model a fragment of linguistic consciousness]. *Lingua mobilis*. 2011, no. 6, pp. 51-58. (In Russ.).
8. Dal' V. I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language]. Moscow, 1866, vol. 4, 629 p. (In Russ.).
9. Malakhova E. V., Shustova S. V. Rerezentatsiya kontseptov migratsiya / migrant v soznanii nositeley russkogo yazyka [Representation of the concepts migration/migrant in the minds of Russian speakers]. *Evraziyskiy filologicheskiy vestnik* [Eurasian Philological Bulletin]. 2023, iss. 4, pp. 24-42. (In Russ.).

10. Slovar' vorovskogo zhargona [Dictionary of thieves' jargon]. (In Russ.). Available at: www.fenya.cyou/fenya.html (accessed: 15.11.2023).
11. Slovar' russkogo argo [Dictionary of Russian argot]. V. S. Elistratov. Moscow, Russkoe slovo Publ., 2000, 693 p. (In Russ.).
12. Slovar' russkogo yazyka [Dictionary of the Russian language]. S. I. Ozhegov, N. Yu. Shvedova. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1991, 915 p. (In Russ.).
13. Sreznevskiy I. I. Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam [Materials for a dictionary of the Old Russian language based on written monuments]. Saint Petersburg, 1912, vol. 3, 272 p. (In Russ.).
14. Trofimova A. N., Fayzieva G. V. Mezhdistsiplinarnost' kategorii «chuzhoy» kak osnova lingvisticheskogo obraza «chuzhoy» v angliyskom i russkom yazykakh [Interdisciplinarity of the category “alien” as the basis of the linguistic image of “alien” in English and Russian languages]. *Evraziyskiy filologicheskiy vestnik* [Eurasian Philological Bulletin]. 2023, iss. 3, pp. 121-136. (In Russ.).
15. Shmelev D. N. Ocherki po semasiologii russkogo yazyka [Essays on the semasiology of the Russian language]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1964, 244 p. (In Russ.).
16. Egamnazarov Kh. Kh. O ponyatii leksiko-semanticheskogo polya v lingvistike [On the concept of lexical-semantic field in linguistics]. *Uchenye zapiski Khudzhandskogo gosudarstvennogo universiteta im. akademika B. Gafurova. Seriya gumanitarno-obshchestvennykh nauk* [Scientific notes of Khujand State University named after Academician B. Gafurov. Humanities and Social Sciences Series]. 2018, no. 1, pp. 185-189. (In Russ.).

Информация об авторе

Г. В. Файзиева – доктор филологических наук, профессор,
кафедра английского языка и профессиональных коммуникаций,
Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева.

Information about the author

G. V. Fayzieva – Grand Ph. D. (Philology), Professor,
Department of the English language and professional communications,
Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev.

Статья поступила в редакцию 15.11.2023; одобрена после рецензирования 25.11.2023; принята к публикации 10.01.2024.

The article was submitted 15.11.2023; approved after reviewing 25.11.2023; accepted for publication 10.01.2024.

Гуманитарные исследования. История и филология. 2024. № 13. С. 86–92.

Humanitarian Studies. History and Philology. 2024. No. 13. P. 86-92.

Научная статья

УДК 811.161.1'37

doi: 10.24412/2713-0231-2024-13-86-92

ДЕФИНИЦИОННЫЙ АНАЛИЗ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ «ДЕД» / «ДЕДУШКА» ПО ДАННЫМ РУССКОГО ЯЗЫКА

Ольга Борисовна Багринцева¹, Ольга Александровна Зобнина²

¹ Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева, Астрахань, Россия, bagrintsevaob@gmail.com

² Астраханский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Астрахань, Россия, bagrintsevaob@gmail.com

Аннотация. С формированием антропоцентрической парадигмы исследования различных аспектов деятельности человека, в том числе коммуникационной, получили новый вектор развития. Особое внимание в научных исследованиях уделяется изучению национального менталитета, национальной культуры, своеобразия национального языка, восприятия определенных категорий в сознании народа-носителя того или иного языка. В связи с этим в лингвистических исследованиях активно исследуются термины родства, являющиеся ядром лексической системы любого языка. В терминологии родства отражаются существующие социальные институты, социальные роли, межличностные связи и взаимоотношения. Термины родства, как система номинаций, отражающая социальную структуру общества, несут в себе информацию о его культурном укладе, традициях, иерархии, различных формах семейных отношений. Значительный интерес представляют исследования, выявляющие и описывающие особенности функционирования терминов родства и их свойства в речи носителей языка. В статье приводятся результаты дефиниционного анализа лексической единицы «дед» / «дедушка» по данным наиболее авторитетных лексикографических источников русского языка – как классических, так и современных. В исследовании приведены основные и дополнительные характеристики образа «дедушка», заложенные в сознании носителей русского языка. Основные характеристики составляют основу (ядро) исследуемого понятия, дополнительные характеристики являются маркерами периферии. Подобный подход к описанию исследуемого понятия позволит на следующем этапе исследования сконструировать образ «дедушка» в сознании носителей русского языка и расширить границы данного образа за счет анализа и описания различных языковых пластов: стандартного, фразеологического, субстандартного. В качестве методов исследования использовались общенаучные (описание, обобщение) и лингвистический (лексикографический анализ).

Ключевые слова: лексикографические источники, дефиниционный анализ, термины родства, дед, дедушка, образ, базовые и дополнительные семантические характеристики.

Для цитирования: Багринцева О. Б., Зобнина О. А. Дефиниционный анализ лексических единиц «ДЕД» / «ДЕДУШКА» по данным русского языка // Гуманитарные исследования. История и филология. 2024. № 13. С. 86–92. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2024-13-86-92>

Original article

DEFINITIONAL ANALYSIS OF LEXICAL UNITS “GRANDDAD” / “GRANDFATHER” ACCORDING TO THE RUSSIAN LANGUAGE DATA

Olga B. Bagrintseva¹, Olga A. Zobnina²

¹ Astrakhan State University named after. V. N. Tatishcheva, Astrakhan, Russia, bagrintsevaob@gmail.com

² Astrakhan branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

Abstract. The article refers to the data from a definitional analysis of the lexical unit “grandfather” according to the main lexicographic sources of the Russian language. The results of the study are presented according to the most authoritative lexicographic sources of the Russian language. The study presents some main and additional characteristics of the “grandfather” image embedded in the minds of the Russian language speakers. The main characteristics form the basis (core) of the concept, additional characteristics are the markers of the periphery. Such an approach to the concept description will allow, at the next stage, to expand the boundaries of the “grandfather” image through the analysis and description of various linguistic layers: standard, phraseological, substandard.

Keywords: lexicographic sources, definitional analysis, kinship terms, granddad, grandfather, image, basic and additional semantic characteristics.

For citation: Bagrintseva O. B., Zobnina O. A. Definitional analysis of lexical units «granddad» / «grandfather» according to the Russian language data. Humanitarian Studies. History and Philology. 2024;13:86-92. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2024-13-86-92>

Введение

Изучение терминологии родства представляет собой одно из приоритетных направлений современного языкознания. Данный вопрос относится к области междисциплинарных исследований, поэтому изучением данной группы занимаются ученые разных отраслей науки: этнографы, историки, социологи, лингвисты и многие другие. Терминология родства представляет собой междисциплинарное направление исследования и в последнее время появляется все больше исследований посвященных данному вопросу [Громова, Файзиева 2017; Громова 2017; Словицова 2018; Розенкова, Шустова 2017]. В современной лингвистике терминология родства изучается с позиций различных аспектов: фонетических, семантических, лексико-грамматических и стилистических. В последнее время появляется значительное количество исследований, описывающих термины родства в различных языковых слоях: стандартном, фразеологическом, субстандартном [Багринцева 2011, 2012; Багринцева, Аникеева 2017].

Несмотря на значительное количество исследований, посвященных анализу и описанию терминологии родства в различных языках, в современной науке отсутствует комплексное описание образов, представляемых данной лексической группой. Целью настоящей статьи является выявление и описание базовых и дополнительных семантических характеристик присущих образу «дед» / «дедушка», заложенных в сознании носителей русского языка.

Поставленная цель может быть достигнута путем проведения дефиниционного анализа лексических единиц «дед» / «дедушка», так как дефиниционный анализ, бесспорно, является основой лингвокультурологических исследований, особенно в сопоставительном плане, поскольку в словарной статье содержится не только филологическое толкование слова, но и информация энциклопедического характера [Рябичкина 2008].

Основная часть

Лексические единицы «дед» / «дедушка» входят в состав четвертой по счету гендерной оппозиции терминологии родства – «дедушка-бабушка», после «мать-отец», «сын-дочь», «сестра-брат». Дедушка и бабушка являются в семье старшими родственниками, хранителями традиций, обычаев и связи с предшествующими поколениями [Багринцева 2017; Багринцева, Файзиева 2023]. Дефиниционный анализ лексических единиц «дед» / «дедушка» позволит выявить базовые семантические характеристики, присущие данному образу в сознании всех носителей русского языка. Выявленные базовые семантические характеристики, которые подразделяются на основные и дополнительные, составляют ядро исследуемого образа. Под основной базовой семантической характеристикой понимается такая трактовка исследуемой лексической единицы, которая встречается во всех толковых лексикографических изданиях русского языка. Под дополнительной базовой семантической характеристикой понимается значение изучаемой лексической единицы, зафиксированное не во всех исследуемых лексикографических источниках анализируемого языка.

При проведении дефиниционного анализа лексических единиц «дед» / «дедушка» были использованы наиболее авторитетные лексикографические источники русского языка, в состав которых вошли Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля; Толковый словарь русского языка под редакцией С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой; Большой толковый словарь русского языка под редакцией С. А. Кузнецова; Толковый словарь русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова; Толковый словарь русского языка, представленный на сайте www.vedu.ru.

В Толковом словаре живого великорусского языка В. И. Даля было обнаружено только одно значение исследуемых лексических единиц: отец отца или матери. Данное значение представляет собой базовую характеристику исследуемого образа, зафиксированную во всех проанализированных лексикографических источниках русского языка. В данной семантической характеристике представлена семейно-родственная иерархия представителей одной семейной группы, отец родителей по отношению к своим внукам.

В Большом толковом словаре русского языка под редакцией С. А. Кузнецова представлен более расширенный вариант трактовки анализируемого понятия:

- 1) отец отца или матери;
- 2) дед по отцу, дед по матери;
- 3) двоюродный дед, родной дядя отца или матери;
- 4) родной брат родного деда или бабки;
- 5) родной дед внучатого или троюродного брата или сестры;
- 6) троюродный или внучатый дед, двоюродный брат деда или бабки.

Анализ лексикографического издания показал, что помимо основной базовой характеристики родства третьей степени по отношению к детям (отец родителей по отношению к своим детям), также представлена характеристика родства третьей степени по отношению к внукам (дед отца и матери). В данном лексикографическом издании представлены варианты родства не только по прямой линии, но и двоюродное и троюродное родство. Данный факт является свидетельством того, что в русской языковой традиции образ «дедушка» является многоаспектным и используется для обозначения родственников разной степени родства.

В Толковом словаре русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова представлены три значения исследуемой лексической единицы:

- 1) отец отца или матери;
- 2) обращение к старому человеку (разг.)
- 3) предки, люди, жившие в старину (только мн.)

В данном лексикографическом издании помимо основной базовой семантической характеристики указано значение, представляющее собой аппелятив, а также отмечено, что данная лексическая единица, употребляемая только во множественном числе, представляет еще одно значение лексической единицы «дед» – предки.

В Словаре русского языка С. И. Ожегова были зафиксированы следующие значения анализируемой лексической единицы:

- 1) отец отца или матери;
- 2) вообще старик, преимущественно в обращении (разг.);
- 3) в армии: старослужащий по отношению к молодым солдатам, новобранцам (прост. мн.);
- 4) сказочный старик с белой бородой, олицетворяющий мороз и новогодний праздник (ранее – Рождество).

В анализируемом лексикографическом издании представлены, помимо основной базовой семантической характеристики, несколько дополнительных базовых характеристик: более высокая позиция в иерархической структуре: Дед Мороз. При анализе данного лексикографического издания были отмечены различные варианты исследуемой лексической единицы: дедушка, дедуля, дедка, дедок, деды.

Лексическая единица «дедушка» представляет собой наиболее часто встречающийся синоним исследуемой лексической единицы «дед», и имеет следующие значения по данным интернет-источника, расположенном на сайте www.vedu.ru:

- 1) то же, что и дед;
- 2) старый человек, старик (доброжелательное, уважительное);
- 3) основоположник, родоначальник чего-либо;
- 4) первый, старинный образец чего-либо.

Проведя анализ лексических единиц «дед» / «дедушка» по данным лексикографических источников русского языка необходимо сравнить представленные в них базовые характеристики. Данные проведенного анализа представлены в таблице 1.

Проанализировав данные, представленные в таблице, считаем возможным сделать вывод о том, что единственной основной базовой характеристикой, заложенной в значении лексических единиц «дед» / «дедушка» является значение «отец отца или матери», так как данное значение представлено во всех лексикографических источниках.

Таблица 1. Базовые характеристики лексических единиц «дед» / «дедушка»
по данным толковых словарей

Характеристика	В. И. Даль	С. А. Кузнецов	Д. Н. Ушаков	С. И. Ожегов	www.vedu.ru
Отец отца или матери	+	+	+	+	+
Дед по отцу/матери	–	+	–	–	–
Двоюродный дед	–	+	–	–	–
Родной брат деда/бабки	–	+	–	–	–
Родной дед внучатого (троюродного) брата/сестры	–	+	–	–	–
Троюродный (внучатый) дед	–	+	–	–	–
Обращение к старому человеку	–	–	+	+	+
Предки	–	–	+	–	–
Более высокая позиция в иерархической структуре	–	–	–	+	–
Дед Мороз	–	–	–	+	–
Основоположник, родоначальник	–	–	–	–	+
Старинный образец	–	–	–	–	+

Далее по актуальности следует дополнительная базовая семантическая характеристика «обращение к старому человеку», которая была зафиксирована в трех анализируемых лексикографических источниках. Все остальные, представленные в таблице значения, были зафиксированы единожды в различных лексикографических источниках, являющихся базой настоящего исследования, что позволяет отнести их на периферию исследуемого образа. Среди данных значений представлены следующие: дед по отцу/матери; двоюродный дед; родной брат деда/бабки; родной дед внучатого (троюродного) брата/сестры; троюродный (внучатый) дед; предки; старослужащий; Дед Мороз; основоположник, родоначальник; старинный образец.

Заключение

Подводя итог, необходимо отметить, что проведенное исследование представляет собой анализ основных и дополнительных базовых семантических характеристик, заложенных в основу образов «дед» / «дедушка». В результате было отмечено, что в основе данного образа заложены только две базовые семантические характеристики: основная – дед отца или матери; дополнительная – обращение к старому человеку, гораздо старшему по возрасту. Следует отметить, что данный образ обладает также и дополнительными семантическими характеристиками, образующими периферию исследуемых образов «дед» / «дедушка». Среди данных характеристик были зафиксированы следующие: дед по отцу/матери; двоюродный дед; родной брат деда/бабки; родной дед внучатого (троюродного) брата/сестры; троюродный (внучатый) дед; предки; солдат, занимающий более высокое положение в иерархической структуре; Дед Мороз; основоположник, родоначальник; старинный образец.

Определение ядра и периферии поля исследуемых образов позволит в дальнейшем выявить дополнительные семантические характеристики данных образов на различных языковых уровнях, в частности на фразеологическом и субстандартном.

Список источников

1. Багринцева О. Б. Лексема «мать» в современных субстандартных лексических единицах (по материалам интерактивного словаря slovonovo.ru) // Сборник научных трудов SWorld. 2011. Т. 26, № 1. С. 86–89.
2. Багринцева О. Б. Стандартные и субстандартные лексические единицы в свете социолингвистических исследований // Перевод – как диалог культур : I Международная научно-практическая конференция, Астрахань, 16 января 2012 года. Астрахань: ИП Сорокин Роман Васильевич, 2012. С. 10–13.
3. Багринцева О. Б., Аникеева Е. А., Дахина Т. В. Образ матери в сознании носителей языка (анализ устного спонтанного дискурса) // Основные вопросы лингвистики, лингводидактики и межкультурной коммуникации : Сборник научных трудов, Астрахань, 20 февраля 2017 года. Том № 9. Астрахань : Издательский дом «Астраханский университет», 2017. С. 11–16.
4. Багринцева О. Б., Файзиева Г. В. Термины родства в «Интернет-словаре сленга и жаргона «Сленгер» // Евразийский гуманитарный журнал. 2023. № 3. С. 32–38.
5. Громова Н. В., Файзиева Г. В. Функциональные особенности терминов родства в субстандартном лексическом фонде английского, немецкого и русского языков // Гуманитарные науки и образование. 2017. № 4(32). С. 163–167.
6. Громова Н. В. Термины родства в спектре наук: основные подходы к категоризации, дефиниции и семантике // Евразийский гуманитарный журнал. 2017. № 1. С. 36–40.
7. Розенкова Х. Е., Шустова С. В. Лингвокультурный код: определение, проблема классификации, роль в межкультурной коммуникации // Евразийский гуманитарный журнал. 2017. № 2. С. 101–104.
8. Рябичкина Г. В. Типы дефиниций в «Большом словаре русского жаргона» В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 59. С. 165–173.
9. Словицова Е. Л. Родовые экзистенциальные смыслы как средство трансляции архаического мышления в рекламном дискурсе // Евразийский гуманитарный журнал. 2018. № 3. С. 51–54.

References

1. Bagrintseva O. B. Leksema «mat» v sovremennykh substandartnykh leksicheskikh edinitsakh (po materialam interaktivnogo slovarya slovonovo.ru) [The lexeme “mother” in modern substandard lexical units (based on materials from the interactive dictionary slovonovo.ru)]. *Sbornik nauchnykh trudov SWorld* [Collection of scientific works SWorld]. 2011, vol. 26, no. 1, pp. 86-89. (In Russ.).
2. Bagrintseva O. B. Standartnye i substandartnye leksicheskie edinitsy v svete sotsiolingvisticheskikh issledovaniy [Standard and substandard lexical units in the light of sociolinguistic research]. *Perevod - kak dialog kul'tur* [Translation as a dialogue of cultures]. Astrakhan, IP Sorokin Roman Vasil'evich Publ., 2012, pp. 10-13. (In Russ.).
3. Bagrintseva O. B. Anikeeva E. A., Dakhina T. V. Obraz materi v soznanii nositeley yazyka (analiz ustnogo spontannogo diskursa) [The image of the mother in the minds of native speakers (analysis of oral spontaneous discourse)]. *Osnovnye voprosy lingvistiki, lingvodidaktiki i mezhkul'turnoy kommunikatsii* [Basic issues of linguistics, linguodidactics and intercultural communication]. Vol 9, Astrakhan, Izdatel'skiy dom «Astrakhanskiy universitet» Publ., 2017, pp. 11-16. (In Russ.).

4. Bagrintseva O. B., Fayzieva G. V. Terminy rodstva v «Internet-slovarе slenga i zhargona «Slenger» [Kinship terms in the “Internet Dictionary of Slang and Jargon “Slenger”]. *Evraziyskiy gumanitarnyy zhurnal* [Eurasian Humanitarian Journal]. 2023, no. 3, pp. 32-38. (In Russ.).

5. Gromova N. V., Fayzieva G. V. Funktsional'nye osobennosti terminov rodstva v substandartnom leksicheskom fonde angliyskogo, nemetskogo i russkogo yazykov [Functional features of kinship terms in the substandard lexical fund of English, German and Russian languages]. *Gumanitarnye nauki i obrazovanie* [Humanities and Education]. 2017, no. 4(32), pp. 163-167. (In Russ.).

6. Gromova N. V. Terminy rodstva v spektre nauk: osnovnye podkhody k kategorizatsii, definitsii i semantike [Kinship terms in the spectrum of sciences: basic approaches to categorization, definition and semantics]. *Evraziyskiy gumanitarnyy zhurnal* [Eurasian Humanitarian Journal]. 2017, no. 1, pp. 36-40. (In Russ.).

7. Rozenkova Kh. E., Shustova S. V. Lingvokul'turnyy kod: opredelenie, problema klassifikatsii, rol' v mezhkul'turnoy kommunikatsii [Linguocultural code: definition, classification problem, role in intercultural communication]. *Evraziyskiy gumanitarnyy zhurnal* [Eurasian Humanitarian Journal]. 2017, no. 2, pp. 101-104. (In Russ.).

8. Ryabichkina G. V. Tipy definitsiy v «Bol'shom slovarе russkogo zhargona» V. M. Mokienko i T. G. Nikitinoy [Types of definitions in the “Big Dictionary of Russian Jargon” by V. M. Mokienko and T. G. Nikitina]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena* [News of the Russian State Pedagogical University named after. A. I. Herzen]. 2008, no. 59, pp. 165-173. (In Russ.).

9. Slovikova E. L. Rodovye ekzistentsial'nye smysly kak sredstvo translyatsii arkhaiskogo myshleniya v reklamnom diskurse [Generic existential meanings as a means of transmitting archaic thinking in advertising discourse]. *Evraziyskiy gumanitarnyy zhurnal* [Eurasian Humanitarian Journal]. 2018, no. 3, pp. 51-54. (In Russ.).

Информация об авторах

О. Б. Багринцева – кандидат филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой английского языка и профессиональных коммуникаций,
Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева;

О. А. Зобнина – кандидат филологических наук, доцент, кафедра гуманитарных,
экономических и управленческих дисциплин, Астраханский филиал Российской Академии
народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Information about the authors

O. B. Bagrintseva – Ph. D. (Philology), Associate Professor, Head of the Department of English and Professional Communications, Astrakhan State University named after. V. N. Tatishcheva;

O. A. Zobnina – Ph. D. (Philology), Associate Professor, Department of Humanities, Economics and Management Disciplines, Astrakhan branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 20.11.2023; одобрена после рецензирования 30.12.2023; принята к публикации 10.01.2024.

The article was submitted 20.11.2023; approved after reviewing 30.12.2023; accepted for publication 10.01.2024.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ	7
Смертин А. Р. К ВОПРОСУ ОБ ИСТОЧНИКАХ ПО ИЗУЧЕНИЮ ДЕРЕВООБРАБОТКИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ ПЕРИОДА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ).....	7
Константинов Г. Е. ДЕПУТАТ КАГАНОВИЧСКОГО РАЙСОВЕТА Л. А. КОРКИЯ: ДЕЛО ПЕРМСКОГО ВРАЧА	17
Голева Т. Г. ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ СЮЖЕТЫ В КОМИ-ПЕРМЯЦКИХ ПРЕДАНИЯХ О ДРЕВНЕМ НАСЕЛЕНИИ КРАЯ	27
Чернышева Ю. С. ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ СРЕДИ СТУДЕНТОВ: ВОСТРЕБОВАННОСТЬ И ИНСТРУМЕНТЫ	41
ФИЛОЛОГИЯ	52
Архипова И. В. СЕМАНТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ ТАКСИСА: СИСТЕМНЫЕ СВЯЗИ И РЕЧЕВЫЕ РЕАЛИЗАЦИИ.....	52
Зубарева Е. О., Чернышева П. П. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ КОНЦЕПТА <i>WELL</i> В СУПЕРСТРАТЕ И СУБСТРАТЕ (НА ПРИМЕРЕ АНГЛИЙСКОГО И НИГЕРИЙСКОГО ЯЗЫКОВ).....	61
Гроховская И. А. ДЕФИНИЦИОННЫЙ АНАЛИЗ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ <i>MEDICAL INSTITUTIONS</i> / <i>МЕДИЦИНСКИЕ ЗАВЕДЕНИЯ</i> В СРАВНИТЕЛЬНО- СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ	70
Файзиева Г. В. ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «ЧУЖОЙ» В СОЗНАНИИ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА	78
Багринцева О. Б., Зобнина О. А. ДЕФИНИЦИОННЫЙ АНАЛИЗ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ «ДЕД» / «ДЕДУШКА» ПО ДАННЫМ РУССКОГО ЯЗЫКА.....	86

CONTENTS

HISTORY	7
Smertin A. R. ON THE ISSUE OF SOURCES FOR THE STUDY OF WOODWORKING (BASED ON THE MATERIALS OF THE PERM PRE-URALS OF THE MEDIEVAL PERIOD)	7
Konstantinov G. E. MEMBER OF KAGANOVICHISKY DISTRICT COUNCIL L. A. KORKIYA: THE CASE OF THE DOCTOR OF PERM.....	17
Goleva T. G. HUMOROUS STORIES IN KOMI-PERMIAN LEGENDS ABOUT THE ANCIENT POPULATION OF THE REGION.....	27
Chernysheva Yu. S. POPULARIZATION OF HISTORICAL KNOWLEDGE AMONG STUDENTS: RELEVANCE AND TOOLS.....	41
PHILOLOGY	52
Arkhipova I. V. THE SEMANTIC CATEGORY OF TAXIS: SYSTEM CONNECTIONS AND SPEECH IMPLEMENTATIONS	52
Zubareva E. O., Chernysheva P. P. THE FUNCTIONING OF THE CONCEPT <i>WELL</i> IN THE SUPERSTRATE AND SUBSTRATE (USING THE EXAMPLE OF THE ENGLISH AND NIGERIAN LANGUAGES).....	61
Grokhovskaya I. A. DEFINITIONAL ANALYSIS OF LEXICAL SEMANTIC GROUP <i>MEDICAL INSTITUTIONS</i> / <i>MEDICAL INSTITUTIONS</i> IN COMPARATIVE ASPECT IN ENGLISH AND RUSSIAN	70
Fayzieva G. V. THE LEXICAL AND SEMANTIC FIELD OF «ALIEN» IN THE MINDS OF NATIVE RUSSIAN SPEAKERS	78
Bagrintseva O. B., Zobnina O. A. DEFINITIONAL ANALYSIS OF LEXICAL UNITS “GRANDDAD” / “GRANDFATHER” ACCORDING TO THE RUSSIAN LANGUAGE DATA.....	86

Электронное издание

**ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ.
ИСТОРИЯ И ФИЛОЛОГИЯ**

Электронный научный рецензируемый журнал

2024. № 13

Ответственный редактор выпуска

Подюков Иван Алексеевич

Ответственный секретарь выпуска

Мазурова Елена Викторовна

Издается в авторской редакции.

*Авторы несут полную ответственность за достоверность приводимых сведений,
цитирования и использованных иллюстративных материалов.*

Компьютерная вёрстка выполнена внештатным сотрудником
Л. Н. Голубцовой

Дата размещения на сайте 27.02.2024.

Адрес издателя: 614990, г. Пермь, ул. Сибирская, д. 24

Редакционно-издательский отдел
Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета
614990, г. Пермь, ул. Пушкина, д. 44, оф. 115
тел. (342) 215–18–52 (доб. 394)
e-mail: rio@pspu.ru